

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 2 (27) 2017

IP&L INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2017

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 2 (27)
Декабрь 2017**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620102, Екатеринбург,
ул. Посадская, 21, оф. 233
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 04.12.2017 г.

Формат 70x100^{1/16}
Усл. печ. л. 15,44
Тираж 300 экз.
Заказ № 75819

Отпечатано в типографии «Артикул»

620062, г. Екатеринбург,
ул. Первомайская, 77Ж
Тел: 8 (800) 333-61-20
http://www.artikul.ru

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru,
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте
www.madipi.ru**

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Руденко – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

ГЛАВНЫЙ ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

О.Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.Г. Дьякова – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **Ю.Г. Ершов** – доктор философских наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Уральский институт управления, Екатеринбург, Россия); **С.Г. Зырянов** – доктор политических наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия); **К.В. Киселев** – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **Е.А. Кожемякин** – доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия); **Н.А. Комлева** – доктор политических наук, профессор (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия); **О.В. Коркунова** – доктор философских наук, профессор (Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия); **В.О. Лобовиков** – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **В.С. Мартыанов** – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **С.В. Мошкин** – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **К.С. Романова** – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **В.М. Русаков** – доктор философских наук, профессор (Уральский экономический университет, Екатеринбург, Россия); **Е.М. Олову** – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **А.Д. Трахтенберг** – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **И.Б. Фан** – доктор политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **Л.Г. Фишман** – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л.М. Андрухина – доктор философских наук, профессор (Уральский профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия); **В.Г. Богомяков** – доктор философских наук, профессор (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия); **М.В. Ильин** – доктор политических наук, профессор (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия); **А.Д. Королев** – главный ученый секретарь Российского Философского Общества, кандидат философских наук (Москва, Россия); **К.Н. Любутин** – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **М.А. Малышев** – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **О.Ю. Малинова** – доктор философских наук, профессор (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Л.Н. Синельникова** – доктор филологических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия); **Е.А. Степанова** – доктор философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **Л.Н. Тимофеева** – доктор политических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия); **В.Е. Хвощев** – кандидат философских наук, доцент (Южно-Уральский государственный национальный исследовательский университет, Челябинск, Россия); **А.Н. Чумаков** – первый вице-президент Российского Философского Общества, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия); **О.К. Шевченко** – кандидат философских наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия)

СЕКРЕТАРИАТ

Е.Г. Грибовод – ответственный секретарь, лаборант-исследователь Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия); **Д.М. Ковба** – секретарь-координатор, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 71227

Парадигмы и процессы

О.Ф. Русакова, В.М. Русаков

Проблемы концептуального моделирования сущности большевизма:
переход к парадигме мобильности
(к 100-летию Великого Октября) 12

В.Н. Руденко

Гражданские большие жюри как форма общественного контроля.....22

К.В. Корсаков

Социальная интеграция, адаптация и аккультурация трудящихся-мигрантов
как одна из форм решения злободневных проблем трудовой миграции
в России 31

В.Г. Благодатских, А.А. Керимов

Межнациональные отношения в современной России:
проблемы и пути решения.....40

Тропы метода

В.Ю. Васечко

Ученый в политарном социуме:
сопряженность профессионального и смысложизненного дискурса 48

Г.И. Лушникова, Л.Н. Синельникова

Амбивалентность интертекстуальных значений в поэтическом дискурсе 58

Т.А. Островская

Трансвербальные и поведенческие знаки дискурса элиты
в непрямой коммуникации 68

П.А. Ореховский

Российская политико-экономическая модель в работах Г. Павловского,
С. Кордонского, А. Аузана (дискурсивный анализ). Часть I.....73

Д.С. Джантеева

Анализ историко-дискурсивных практик этнополитических коммуникаций
на Северном Кавказе.....85

А.С. Исаков

Маликитское измерение дискурса мобильности в исламе.....93

Конференц-зал

**Вторая международная конференция
«Soft Power: теория, ресурсы, дискурс»
(Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)***Доклады***Т.Н. Кучинская**

Китайская модель мягкой силы: современные трансформации 103

И.В. ТерентьеваПолитика мягкой силы РФ:
теоретико-прикладной аспект ..... 110**О.В. Столетов**

«Мягкая сила» России в Большом Средиземноморье 117

В.А. ФранцМиграционная привлекательность как фактор российской «мягкой силы»:
реалии и перспективы ..... 128**Ж.К. Макашев**Парадипломатическая деятельность региональных акторов
Казахстана и России ..... 136**А.Б. Шатилов**Современные информационные войны: феномен «диванной мобилизации»
(на примере «украинского конфликта» 2014–2017 гг.) ..... 141**К.К. Фурсов**Субъекты политического «дискурса вражды»
в пространстве масс-медиа ..... 146**О. Койне, В. Франц**

Кинематограф как элемент системы «мягкой силы» государства 154

Современная логика и интеллектуальные технологии

В.О. ЛобовиковОбъединение нормальных и ненормальных модальных логик
в одной аксиоматической системе философской эпистемологии 163

Энциклопедия «Дискурсология»

Статьи

И.Б. Фан

Либеральный дискурс гражданственности 170

И.А. ЯкобаДеконструкция гимна России:
выявление дискурсивных сил взаимодействия..... 174**И.А. Якоба, Ю.С. Потемкина**Деконструкция гимна США:
выявление дискурсивных сил взаимодействия..... 181

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 2 (27)
December 2017**

Published four times a year

Founded by

The Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by

Publishing House «Discourse-P»
ul. Posadskaya 21 office 223
Ekaterinburg, 620102, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
<http://www.discourse-p.ru>

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on 04.12.2017
Format 70x100²/₁₆
Reference sheet area 15,44
Issues – 300
Order № 75819

Printed by Typography «Artikul»
ul. Pervomajskaya 77 Zh
Ekaterinburg, 620062, Russia
Phone: 8 (800) 333-61-20
<http://www.artikul.ru>

Manuscripts are reviewed

The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:

Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

EDITOR-IN-CHIEF

V.N. Rudenko – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

ISSUE CHIEF EDITOR

O.F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

E.G. Dyakova – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **Y.G. Yershov** – Doctor of Philosophy (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of Russia, Ural Institute of Management, Ekaterinburg, Russia); **S.G. Zyryanov** – Doctor of Political Sciences (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia); **K.V. Kiselev** – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **E.A. Kozhemyakin** – Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State University, Belgorod, Russia); **N.A. Komleva** – Doctor of Political Sciences, Professor (Ural Federal University named after the first Russian President Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia); **O.V. Korkunova** – Doctor of Philosophy, Professor (Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia); **V.O. Lobovikov** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **V.S. Martianov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **S.V. Moshkin** – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **K.S. Romanova** – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **V.M. Rusakov** – Doctor of Philosophy, Professor (Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia); **E.M. Olovu** – Head of Scientific Library (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **A.D. Trachtenberg** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **I.B. Fan** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **L.G. Fishman** – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

V.G. Bogomyakov – Doctor of Philosophy, Professor (Tyumen State University, Tyumen, Russia); **M.V. Ilyin** – Doctor of Political Sciences, Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **A.D. Korolyov** – Chief Scientific Secretary of the Russian Philosophical Society, PhD (Moscow, Russia); **K.N. Lubutin** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **Mikhail Malyshev** – Professor of the Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **O.Y. Malinova** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia); **L.N. Sinelnikova** – Doctor of Philology, professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia); **E.A. Stepanova** – Doctor of Philosophy, Assistant Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **L.N. Timofeyeva** – Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia); **V.E. Khvoshchev** – PhD, Associate Professor (South-Ural State National Research University, Chelyabinsk, Russia); **A.N. Chumakov** – the First vice-president of the Russian Philosophical Society, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia); **O.K. Shevchenko** – PhD, Associate Professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia)

SECRETARY

E.G. Gribovod – Executive Secretary, assistant researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **D.M. Kovba** – Secretary Coordinator, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

Subscription index in the United Catalog «Russian Press» 71227

Paradigms and Processes

O.F. Rusakova, V.M. Rusakov

Problems of Conceptual Modeling of Essence of the Bolshevism:

Transition to a Mobility Paradigm

(To 100th Anniversary of The Great October).....12**V.N. Rudenko**

Civil Grand Juries as a Form of Civil Control 22

K.V. Korsakov

Social Integration, Adaptation and Acculturation of Migrant Workers

as One of the Urgent Problems of Labor Migration

in Russia 31

V.G. Blagodatskikh, A.A. Kerimov

International Relations in Modern Russia:

Problems and Decision Ways 40

Tropes of Method

V.Y. Vasechko

Scientist in the Politary Society:

Relationship between Professional and Meaning-Of-Life Discourse 48

G.I. Lushnikova, L.N. Sinelnikova

Ambivalence of Intertextual Meanings in Poetic Discourse 58

T.A. Ostrovskaya

Transverbal and Behavioral Signs of a Discourse of Elite

in Indirect Communications 68

P.A. Orekhovsky

Russian Political and Economic Model in the Works of G. Pawlovsky,

S. Kordonsky, A. Auzan (Discourse Analysis). Part I.....73

J.S. Dzhanteeva

Analysis of Historical Discursive Practices of Ethnopolitical Communications

in the North Caucasus 85

A.S. Isacov

Maliki Measurement of Discourse of Mobility in Islam 93

Conference Chamber

**The Second International Conference
«Soft power: the theory, resources, discourse»
(Russia, Ekaterinburg, October 20, 2017)***Reports***T.N. Kuchinskaya**

Chinese Model of Soft Power: Modern Transformations..... 103

I.V. Terentyeva Soft Power Policy of the Russian Federation:
Theoretical and Applied Aspect ..... 110**O.V. Stoletov**

Russian «Soft Power» in the Great Mediterranean 117

V.A. Frants Migration Attractiveness as a Factor of Russian Soft Power:
Realities and Prospects..... 128**Z.K. Makashev**Paradiplomatic Activity of Regional Actors
of Kazakhstan and Russia ..... 136**A.B. Shatilov**Modern Information Wars: A Phenomenon of "Sofa Mobilization"
(Using the Case of "Ukrainian Conflict" 2014–2017) ..... 141**K.K. Fursov**The Subjects of the Political Discourse of Hatred
in the Space of Mass Media ..... 146**O. Keune, V. Frants**

Cinema as an Element of a State's Soft Power System..... 154

Modern Logic and Intellectual Technologies

V.O. Lobovikov Uniting Normal and Non-Normal Modal Logics
by One Axiomatic System of Philosophical Epistemology 163

Encyclopedia «Discoursology»

Articles

I.B. Fan

The Liberal Discourse of Citizenship 170

I.A. Yakoba

Deconstruction of Russia Anthem:

Identification of Discursive Forces of Interaction..... 174

I.A. Yakoba, Y.S. Potemkina

Deconstruction of the USA Anthem:

Identification of Discursive Forces of Interaction..... 181

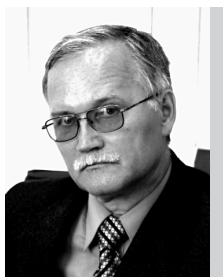
УДК 329

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СУЩНОСТИ БОЛЬШЕВИЗМА: ПЕРЕХОД К ПАРАДИГМЕ МОБИЛЬНОСТИ (К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ)*

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
кафедра политических наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В статье рассматриваются методологические проблемы концептуального моделирования сущности большевизма. Выделяются радикально-критические оценки большевизма, а также – социокультурные подходы к его теоретическому анализу. Авторы утверждают, что переход к парадигме мобильности позволяет раскрыть новые аспекты социально-политической сущности большевизма, ответить на вопрос о причинах его исторических успехов и поражений.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 15–19–6–1 «Разработка концепта мобильности в современных гуманитарных и социально-политических исследованиях: теоретико-методологический анализ».

Ключевые понятия:

большевизм, концептуальное моделирование, модернизация, утилитаризм, парадигма мобильности, мобилизационный тип развития, социальная мобильность.

В год 100-летней годовщины Октябрьской революции 1917 года в России и за рубежом заметно активизировалась научно-исследовательская деятельность в области теоретического осмысления сущности большевизма. Ранее пик интереса к построению смысловых теоретических моделей большевизма пришелся на конец 1980-х – начало 1990-х гг., а именно, на то время, когда в стране происходила радикальная ломка советских идеологических стереотипов и возникали альтернативные официальной советской гуманитарной науке концептуальные версии большевизма [6; 14].

По сути, в годы «перестройки», а также в начале 1990-х гг., в сознании политически активных кругов российской интеллигенции произошел заметный инверсионный поворот: на смену революционно-романтическому образу большевизма, с которым ассоциировались идеалы социализма, победы и достижения советской власти, пришел его инфернальный образ. Большевизм стал рассматриваться как носитель вселенского зла и анти-гуманизма, как источник тоталитаризма и массового террора. В ход был пущен мем: «большевизм-чума XX века» [11]. Большой популярностью в тот период стали пользоваться труды русского философа И. А. Ильина, в которых большевизм трактовался как крайняя форма духовной деградации, как «дух отрицания и разложения, дух грабежа и террора» [10].

В наше время в кругу радикальных критиков большевизма оказались как представители неолиберального течения, так и приверженцы консервативно-патриотического крыла российской интеллигенции. С точки зрения неолибералов, большевизм – это, прежде всего, преступная политическая практика, насаждающая обществу, вопреки принципу свободной буржуазной конкуренции, государственную форму собственности; это – тотальное социальное насилие, попрание прав и свобод, направленное на переделку человеческой природы и формирование личности советского типа (в терминологии неолибералов – «совка»). В неолиберальной версии большевизм – это господство преступной и лживой марксистско-ленинской идеологии, навязываемой обществу правящей коммунистической партией. Отсюда – упование неолибералов на очистительную силу политики декоммунизации, а также – их горькое сожаление о том, что данная политика так до конца и не была проведена в постсоветской России [20].

В идейно-практическом плане стратегия декоммунизации России проявилась в курсе на вытеснение из массового общественного сознания даты 7 ноября 1917 года как маркера всемирно-значимого события, обозначаемого в советские годы понятием «Великая Октябрьская социалистическая революция». В русле указанной стратегической установки в 2004 г. дата главного советского государственного праздника 7 ноября подверглась стыдливой переинтерпретации: день 7 ноября превратился в празднование годовщины московского военного парада 1941 года. Кроме того, в целях размывания национальной памяти об историче-

ском содержании даты 7 ноября в декабре того же года был учрежден новый государственный праздник «День народного единства», приуроченный к близкой по хронологии дате – 4 ноября. Предложение о замене 7 ноября на новый праздник было высказано Межрелигиозным советом России и получило поддержку со стороны думского Комитета по труду и социальной политике. Согласно официальной версии, праздничная дата была учреждена в память о событиях 1612 года, когда народное ополчение Минина и Пожарского освободило Москву от польских интервентов [5].

В период 2005–2007 гг. в продолжение реализации курса на декоммунизацию по инициативе группы депутатов государственной Думы была развернута активная деятельность по очищению атрибутики государственной власти от большевистской символики. Данный процесс затронул и такую реликвию России, как Знамя Победы 1945 г. [21]. Однако под влиянием протестов советов ветеранов Великой Отечественной войны верхняя палата Законодательного Собрания РФ отклонила данное предложение, и законопроект был возвращен в Госдуму, но та преодолела вето Совета Федерации квалифицированным большинством [21].

В начале 2007 года законопроект «О Знамени Победы» поступил на подпись Президенту России, который счёл необходимым провести дополнительные консультации, о чем и сообщил в своём письме в Думу. В итоге 25 апреля 2007 г. Госдума, признала, что предложение о замене серпа и молота на Знамени Победы на новую идеологически нейтральную символику было исторически неоправданным [21].

Радикальное отрицание большевизма и связанного с ним советского наследия характерно также для представителей российских консервативно-монархических кругов, которые ностальгируют по временам императорской России. Сторонники данного направления трактуют правление императора Николая II как подлинно народное, справедливое и гуманное, а власть большевиков – как подлое попрание принципов нравственности и кровавый антинародный режим.

Консервативно-монархическая версия большевизма в настоящее время представлена как в форме философско-публицистических размышлений об антинациональной и радикально антихристианской природе большевизма [1], так и в виде далеких от научного анализа популистских высказываний, размещенных на некоторых сайтах государственных служащих и официальных лиц. Так, к примеру, Интернет-портал «Российская символика» открывается следующим, весьма необычным по своей стилистике, экскурсом в российскую историю г-на Г.В. Вилинбахова – государственного герольдмейстера, Председателя Геральдического совета при Президенте Российской Федерации: «В то время правил нашей страной царь Николай II. Был он государь добрый, не хотел верить, что есть на свете злые люди, что хотят они делать подлости, что готовы на жестокость и предательство. А люди такие были. Назывались они – революционеры или большевики. Ничто им было не дорого – ни страна наша, ни народ наш. Хотели они только одного – царя свергнуть и самим начать властвовать». «И воцарилась над нашей страной жуткая власть большевистская (цитируется в орфографии автора) – власть беспощадная, власть кровавая» [18].

В консервативно-монархической идейной схеме образ В.И. Ленина, предстает в качестве совершенно отвратительного исторического персонажа, обладающего сходными чертами с «извергом XX века» А. Гитлером [12]. В итоге между большевизмом и национал-социализмом ставится знак тождества.

Следует отметить, что в условиях современной информационной войны отождествление большевистского и национал-социалистического режимов превращается в инструмент манипулирования массовым сознанием, посредством которого из коллективной исторической памяти вытесняется позитивный образ Советского Союза как страны-победителя во Второй Мировой войне. На его смену приходит эмоционально-отталкивающий образ «оккупационного советского режима». Технология замены образов на противоположные по своим оценочным характеристикам сегодня активно используется Институтами национальной памяти в государствах Восточной Европы [15]. Посредством данной технологии в массовое сознание настойчиво внедряется представление о бесчеловечной, насильственной и террористической природе большевизма и созданного им советского строя.

В современной ситуации, когда обостряется дискурсивное противостояние относительно способов интерпретации сущности и практики большевизма, актуализируется вопрос о выработке новых теоретико-методологических подходов к осмыслению большевизма, о создании такой концептуальной модели большевизма, которая смогла бы стать серьезной альтернативой широко распространенным идеологически-предвзятым образам большевизма.

Процесс концептуального переосмысления большевизма предполагает использование и творческую переработку накопленного в последние годы опыта применения новых методологических подходов к выявлению сущностных черт данного феномена. Один из таких подходов, на наш взгляд, был разработан А.С. Ахиезером, создавшим теоретическую модель культурно-исторической динамики России, в рамках которой большевизм стал рассматриваться как идейно-политическое движение, направленное на преодоление социокультурного раскола, характерного для российской многовековой истории.

Исходной методологической установкой при осмыслении сущности большевизма для А.С. Ахиезера стала идея об инверсионном характере (маятниковом переходе от одной крайности к другой) российской социокультурной жизни, в основе которой лежит базовый цивилизационный раскол между ценностями традиционного общества с доминантой идеалов соборности и архаики, с одной стороны, и либеральными ценностями западного мира с доминантой идеалов модернизационного развития и авторитаризма, – с другой. Большевизм, согласно позиции Ахиезера и его единомышленников, как раз и оказался тем социокультурным актором, который в начале XX века предпринял амбициозную попытку преодоления данного цивилизационного раскола посредством приспособления инверсионного характера российской социокультурной динамики к своим политическим интересам. Большевизм предložил расколотому российскому обществу собственную модель цивилизационного консенсуса, основанную на гибком соединении народного идеала соборности, перестроенного в идеалы коммунизма, с ценностными установками на модернизацию общественной жизни, получивших реализацию в большевистском курсе на социалистическую

индустриализацию [2, с. 529]. Большевикам в ходе их политической практики удалось, вполне успешно, соединить массовую традиционную культуру с идеалами модернизации, сделав при этом свою партию новым социальным медиатором, уравновешивающим ценностные ориентации разных общественных слоев.

Главная сущностная черта большевизма, согласно Ахиезеру и его сторонникам, – это *утилитаризм*, то есть использование архаичных сторон народного сознания для реализации собственного проекта модернизации России и сохранения ее как большого общества посредством использования определенных институтов власти, а также – единой для всех господствующей идеологии [2, с. 453].

Утилитаризм как сущностное свойство большевизма проявлялось в самых разных формах, в частности, в стремлении приспособить многие черты православной схоластики, русского язычества, а также специфическую религиозность русской радикальной интеллигенции к собственным задачам завоевания и удержания власти [4]. Присутствие утилитаристского начала в большевизме подтверждается, к примеру, высказываниями Л. Троцкого, который писал о В.И. Ленине следующее: «Это был самый, может быть, напряженный утилитарист, какого когда-либо выпускала лаборатория истории. Но так как его утилитаризм – широчайшего исторического захвата, то личность от этого не сплющивалась, а, наоборот, по мере роста жизненного опыта и сферы действия непрерывно развивалась и обогащалась» [7, с. 19].

Утилитаризм как неотъемлемая черта большевизма экстраполируется последователями А.С. Ахиезера на весь период сталинизма, где он окончательно приобретает характер манипулятивной и гибкой идеологической конъюнктуры. По их мнению, сталинский утилитаризм – это, прежде всего, идеологический утилитаризм или особая технология конъюнктурной манипуляции идеалами [3].

Концепция утилитаристской сущности большевизма в определенной степени объясняет, почему большевикам удавалось на протяжении многих десятилетий находиться у власти и сохранять привлекательность советского строя. Вместе с тем, на наш взгляд, данная концепция таит в себе соблазн теоретической редукции сути большевизма к популизму, манипулятивным практикам и политической конъюнктуре, что может в итоге привести к упрощенному пониманию такого многопланового и динамичного явления, каким является большевизм.

Важным шагом в сторону углубления исследовательского анализа сущности большевизма, с нашей точки зрения, является методологический переход к парадигме мобильности [13; 16], которая, как нам представляется, позволяет объяснить управленческие инновации и достижения большевистской партии в разные периоды советской истории. Парадигма мобильности рассматривается нами в тесной связи с концептом «мобилизационный тип развития» (МТР), который используется многими современными исследователями при анализе особенностей российской цивилизационной динамики, включая динамику развития общества в советский период [17].

МТР предполагает, что главным инструментом ускоренного развития общества является социальная мобилизация. В советское время, в особенности в сталинский период, социальная мобилизация являлась универсальным инструментом управления общественной активностью, способом извлечения и использования режимом всех видов ресурсов (людских, материальных, финансовых и др.) [17, с. 5]. К числу мобилизационных кампаний, регулярно про-

водившихся в эпоху сталинской модернизации, относятся кадровые кампании, связанные с дефицитом специалистов («спецов») и управленцев, что на практике приводило к принудительным их «переброскам» на различные «ударные стройки» первых пятилеток. В процессе развития мобилизационных социальных практик большевикам удалось сформировать уникальную систему мобильных коммуникаций, которая позволила осуществить в крайне сжатые сроки модернизацию советского общества.

Таким образом большевизм взял на себя осуществление функции главного драйвера амбициозного проекта радикальной модернизации страны, реализация которого потребовала крайней степени напряженности и мобильности человеческих и материальных ресурсов. Великие стройки первых пятилеток – это, по сути, мобильные «хабы» индустриализации. Они концентрировали, перерабатывали и перераспределяли с огромной скоростью потоки рабочей силы, трудовых резервов, «спецов», управленческих кадров, потоки сырья, строительных материалов и технического оборудования. В период великих строек первых советских пятилеток именно мобильность как воплощение скоростного продвижения к новому, как реализация подвижности высочайшего уровня стала настоящим символом времени. Не случайно на церемонии открытия XXII зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. во время красочного шоу, представляющего разные периоды истории России, период индустриализации иллюстрировался композицией с быстро вращающимися огромными колесами под музыку Георгия Свиридова «Время вперед!» [9]. Созданная большевиками в период индустриализации система «мобильных кадров» и транспортных узлов дала возможность в начале Великой Отечественной войны оперативно осуществить переброску производственных ресурсов с Запада на Восток страны, что, в конечном счете, создало предпосылки для победы СССР в войне.

Опора на принцип мобильности – вот что, с нашей точки зрения, является одной из характерных черт большевизма как идейно-политического движения и руководящей силы социалистического строительства в СССР. С позиции парадигмы мобильности большевизм трактуется нами как политическая сила, «подключающая» к своим Большим преобразовательным и мобильно-реализуемым проектам огромные массы людей. Ощущение причастности к великим стройкам века, к скоростному тренду времени умело использовалось большевиками для высвобождения энергии масс и формирования устойчивых традиций социалистического энтузиазма. В данном случае, по нашему мнению, четко просматривается взаимосвязь таких сущностных черт большевизма, как мобильность и утилитаризм.

Стратегия мобильности применялась большевиками не только в эпоху индустриализации, но и в последующие исторические периоды. Так, согласно китайской исследовательнице советской истории Хуан Лифу, на период существования СССР пришлось три волны социальной мобильности: сталинская, хрущевская и брежневская [19]. Говоря о волнах мобильности в Советском Союзе, автор в то же время вполне справедливо отмечает, что уже в сталинский период внутри стратегии мобильности обнаруживались противоречивые тенденции. С одной стороны, вновь созданные каналы социальной мобильности давали значительной части населения возможность повышения своего социального статуса (вертикальная мобильность). Но, с другой стороны, поскольку эти ка-

налы жестко регламентировались со стороны государства, энергия мобильности могла вливаться только в строго отведенные для нее русла. Установка на жесткий контроль за социальным продвижением «противоречила стремлению новых динамичных сил и формирующихся элитных групп реализовать свои способности и добиться более высокого статуса в социальной и экономической сферах» [19]. После Второй мировой войны прежние каналы социальной мобильности стали постепенно сужаться, а новые не возникали. «Это затрудняло социальное продвижение в обществе, и людям приходилось, испытывая растущее ощущение тупика и неудовлетворенности, подолгу «стоять в очередях», чтобы сделать карьеру» [19].

В эпоху Брежнева наблюдается заметное угасание мобильных инициатив «сверху», существенное замедление темпов вертикальной мобильности, связанное с блокировкой карьерных каналов старыми кадрами, и как следствие всего этого – спад мобильного энтузиазма «снизу». Данный феномен получил отражение в политической метафоре «эпоха застоя».

В период горбачевской перестройки была предпринята попытка реанимации большевистской стратегии мобильности, которая олицетворялась в метафоре «ускорение», а также – в курсе на установление режима гласности. К расширению сферы мобильности следует отнести также появление возможностей для создания неформальных общественных объединений, коммерческих кооперативов, образования фракционных групп внутри КПСС. Вместе с тем, процесс развития мобильности в эпоху перестройки сопровождался стремительной утратой рычагов контроля над ее новыми проявлениями со стороны правящей партии. В итоге мобильность стала приобретать неуправляемый характер, а ее энергия начала вырываться из стратегически обозначенного большевиками социалистического и коммунистического русла, начав прокладывать себе альтернативные маршруты в направлении конструирования либеральной модели общества. Неудачная попытка вернуть контроль КПСС над мобильными потоками в августе 1991 года привела к еще большему расшатыванию контрольных механизмов и к открытию широкого простора для либеральной мобилизации масс. Большевистский проект социалистической мобилизации, таким образом, завершил свое существование, разрушив изнутри самого себя. Принцип мобильности, позволявший большевикам долгие годы реализовывать свои стратегические планы, обернулся теперь уже против них самих.

---

1. Аксютин Виктор. Правда о большевизме // http://rus-mir.org/publ/pravda_o_bolshevizme_viktor_aksjuchic_chast1/1-1-0-22.

2. Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 610 с.

3. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 3-е изд., испр. и доп. – М., 2013 // <http://e-libra.ru/read/217106-istoriya-rossii-konec-ili-novoe-nachalo.html>.

4. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) – Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей 1909–1910 (Сост. Н. Казакова). М.: Молодая гвардия, 1991. – 462 с.

5. День народного единства 2016: история праздника // <http://sputnik->

ossetia.ru/spravka/20161102/3251462.html.

6. Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Русские о большевизме: опыт аналитической антологии / Ин-т философии РАН, Центр теорет. пробл. рос. реформаторства. – СПб.: Изд-во Рус. Христан. гуманист. ин-та, 1999. – 439 с. С. 54–56.

7. Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты – М.: Политиздат, 1991. – 463 с.

8. Морозов Н. М. Мобилизационный тип развития Российской цивилизации // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. – 2011. – № 2. С. 175–184.

9. Олимпиада в Сочи открыта // <http://rusplt.ru/policy/olimpiada-v-sochi-otkryita-7956.html#>.

10. Памяти профессора Ивана Ильина: Что дало России православное христианство. Сущность большевизма // <http://internetsobor.org/stati/stati/pamyati-ivana-ilina-cto-dalo-rossii-pravoslavnoe-khristianstvo-i-sushchnost-bolshevizma>.

11. Подвиг революционера в период реакции // <http://www.rosbalt.ru/blogs/2012/05/24/984556.html>.

12. Поклонская причислила Ленина и Гитлера к списку «извергов XX столетия» // Аргументы и факты. 03.11.2016 // http://www.aif.ru/society/history/poklonskaya_prichislila_lenina_i_gitlera_k_spisku_izvergov_xx_stoletiya.

13. Русаков В. М., Русакова О. Ф. Философия мобильности в современном мире // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 10–18.

14. Русакова О. Ф. Анатомия большевизма: отечественный опыт концептуального осмысления. Екатеринбург: УИФ «Наука»; 1993. – 237 с.

15. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Агональный дискурс современной политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 10–19.

16. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Парадигма мобильности в современном политическом медиадискурсе // Вопросы политологии. 2016. № 4 (24). С. 79–87.

17. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): Коллективная монография / Н. Б. Арнаут, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Д. Д. Миненков, Л. И. Пыстина, Л. И. Сосковец, А. Г. Тепляков, Н. Д. Троценко, С. Н. Ушакова, О. В. Шер; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2013. – 419 с. // <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2013socmob.pdf>.

18. Страшная сказочка от государственного портала // <http://www.yaplakal.com/forum7/topic1572355.html>.

19. Хуан Лифу. Почему советские люди «перестали дорожить» советским государством? Централизованная система распределением общественных ресурсов в СССР // <http://voencomuezd.livejournal.com/613231.html>.

20. Ципко А. С. Критика большевизма и «красного проекта» // <http://tsipko.ru/category/критика-большевизма-и-красного-проекта>.

21. http://rapsinews.ru/legislation_publication/20170511/278536199.html#ixzz4ql0XG4ye.

References

1. Aksyuchic Viktor. Pravda o bol'shevizme // http://rus-mir.org/publ/pravda_o_bolshevizme_viktor_aksyuchic_chast1/1-1-0-22.

2. Axiezer A. S., Davydov A. P., Shurovskij M. A., Yakovenko I. G.,

Yarkova E.N. Sociokul'turnye osnovaniya i smysl bol'shevizma. Novosibirsk: Sibirskij xronograf, 2002. – 610 s.

3. Axiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. Istoriya Rossii: konec ili novoe nachalo? 3-e izd., ispr. i dop. – M., 2013 // <http://e-libra.ru/read/217106-istoriya-rossii-konec-ili-novoe-nachalo.html>.

4. Bulgakov S.N. Geroizm i podvizhnichestvo (Iz razmyshlenij o religioznoj prirode russkoj intelligencii) – Vexi; Intelligenciya v Rossii: Sbornik statej 1909–1910 (Sost. N. Kazakova). M.: Molodaya gvardiya, 1991. – 462 s.

5. Den' narodnogo edinstva 2016: istoriya prazdnika // <http://sputnik-ossetia.ru/spravka/20161102/3251462.html>.

6. Kara-Murza A.A., Polyakov L.V. Russkie o bol'shevizme: opyt analiticheskoy antologii / In-t filosofii RAN, Centr teoret. probl. ros. reformatorstva. – SPb.: Izd-vo Rus. Xristan. gumanit. in-ta, 1999. – 439 s. С. 54–56.

7. Lunacharskij A., Radek K., Trockij L. Silue'ty: politicheskie portrety – M.: Politizdat, 1991. – 463 s.

8. Morozov N.M. Mobilizacionnyj tip razvitiya Rossijskoj civilizacii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. – 2011. – № 2. S. 175–184.

9. Olimpiada v Sochi otkryta // <http://rusplt.ru/policy/olimpiada-v-sochi-otkryta-7956.html#>.

10. Pamyati professora Ivana Il'ina: Chto dalo Rossii pravoslavnoe xristianstvo. Sushhnost' bol'shevizma // <http://internetsobor.org/stati/stati/pamyati-ivana-ilina-chto-dalo-rossii-pravoslavnoe-khristianstvo-i-sushchnost-bolshevizma>.

11. Podvig revolyucionera v period reakcii // <http://www.rosbalt.ru/blogs/2012/05/24/984556.html>.

12. Poklonskaya prichislila Lenina i Gitlera k spisku «izvergov XX stoletiya» // Argumenty i fakty. 03.11.2016 // http://www.aif.ru/society/history/poklonskaya_prichislila_lenina_i_gitlera_k_spisku_izvergov_xx_stoletiya.

13. Rusakov V.M., Rusakova O.F. Filosofiya mobil'nosti v sovremennom mire // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 10–18.

14. Rusakova O.F. Anatomiya bol'shevizma: otechestvennyj opyt konceptual'nogo osmysleniya. Ekaterinburg: UIF «Nauka»; 1993. – 237 s.

15. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Agonal'nyj diskurs sovremennoj politiki pamyati // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 10–19.

16. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Paradigma mobil'nosti v sovremennom politicheskom mediadiskurse // Voprosy politologii. 2016. № 4 (24). S. 79–87.

17. Social'naya mobilizaciya v stalinskom obshhestve (konec 1920-x – 1930-e gg.): Kollektivnaya monografiya / N.B. Arnautov, S.A. Krasil'nikov, I.S. Kuznecov, D.D. Minenkov, L.I. Pystina, L.I. Soskovec, A.G. Teplyakov, N.D. Trocenko, S.N. Ushakova, O.V. Sher; Novosib. gos. un-t. – Novosibirsk, 2013. – 419 s. // <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2013socmob.pdf>.

18. Strashnaya skazochka ot gosudarstvennogo portala // <http://www.yaplakal.com/forum7/topic1572355.html>.

19. Xuan Lifu. Pochemu sovetskie lyudi «perestali dorozhit» sovetskim gosudarstvom? Centralizovannaya sistema raspredeleniem obshhestvennyx resursov v SSSR // <http://voencomuezd.livejournal.com/613231.html>.

20. Cipko A.S. Kritika bol'shevizma i «krasnogo proekta» // <http://tsipko.ru/category/kritika-bol'shevizma-i-krasnogo-proekta>.

21. http://rapsinews.ru/legislation_publication/20170511/278536199.html#ixzz4ql0XG4ye.

UDC 329

PROBLEMS OF CONCEPTUAL MODELING OF ESSENCE OF THE BOLSHEVISM: TRANSITION TO A MOBILITY PARADIGM (TO 100TH ANNIVERSARY OF THE GREAT OCTOBER)

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of philosophy,
Doctor of Political Sciences, Professor,
President of the International Academy of Discourse Research (IADR),
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Department of political science
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

In the article methodological problems of conceptual modelling of essence of the Bolshevism are considered. Considerably-critical estimations of the Bolshevism, and also – social-cultural approaches to its theoretical analysis are allocated. Authors assert, that transition to a mobility paradigm allows to open new aspects of sociopolitical essence of the Bolshevism, to answer a question on the reasons of its historical successes and defeats.

Key concepts:

bolshevism, conceptual modelling, modernization, utilitarizm, a mobility paradigm, mobilization type of development, social mobility.

УДК 343.195:342.571

ГРАЖДАНСКИЕ БОЛЬШИЕ ЖЮРИ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ*

Руденко Виктор Николаевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rudenkovn@yandex.ru

Аннотация

В статье проанализирован институт гражданского большого жюри. Автор отмечает, что еще в ранний период истории США присяжные больших жюри исполняли роль общественных смотрителей, что нашло закрепление в крылатом выражении «watchdog function» («функция сторожевых псов»). В настоящее время «watchdog function» выполняют большие жюри только в нескольких штатах. Автор обращает внимание на опыт правового регулирования деятельности больших жюри в штате Калифорния, где «watchdog function» больших жюри наиболее развита. Акцентируется внимание на том, что с начала 2000-х гг. большие жюри получают определенную автономию от традиционных больших жюри, действующих в рамках уголовного процесса. По мнению автора, калифорнийский опыт может быть учтен в ходе совершенствования российского законодательства об общественном контроле.

Ключевые понятия:

большое жюри, гражданское большое жюри, полномочия гражданских больших жюри, гражданский контроль, «функция сторожевых псов».

После вступления в силу Федерального закона № 212-ФЗ от 21 июля 2014 года «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» сохраняется своя актуальность изучение и освоение зарубежного опыта законодательного регулирования функций общественного контроля. В этом плане заслуживает пристального внимания уникальный американский опыт организации общественного контроля на основе больших жюри (Grand Juries). Создание больших

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции».

жюри на федеральном уровне организации публичной власти предусмотрено V поправкой к Конституции США, на уровне штатов – конституциями штатов. Как на уровне федерации, так и в каждом отдельном штате в настоящее время действуют соответствующие акты законодательства, регулирующие деятельность больших жюри [1]. Основной задачей больших жюри является рассмотрение вопроса об обоснованности обвинения прокурора и придания обвиняемому суду. В то же время изначально полномочия больших коллегий присяжных не ограничивались рамками уголовного процесса. Большие жюри еще в период существования североамериканских колоний и даже после революции 1775–1783 гг. долгое время оставались едва ли не единственными органами, рассматривавшими обращения граждан по вопросам введения несправедливых, по их мнению, налогов и сборов, фактов чиновничьего произвола [7, р. 518–522]. Иными словами, присяжные больших жюри выполняли роль общественных смотрителей. В обиходной лексике в связи с этим закрепилось выражение «watchdog function» (буквально – «функция сторожевого пса»), означающее гражданский контроль или гражданское наблюдение.

Данной функции больших жюри в современной научной литературе не уделяется должного внимания. В фокусе исследователей, как правило, оказываются вопросы, связанные исключительно с уголовно-процессуальными отношениями. Во многом это обусловлено тем, что на уровне федерации и в большинстве штатов современное законодательство не предусматривает закрепление за большими жюри функций гражданского контроля, так как считается, что контрольные функции успешно выполняют многочисленные административные органы и чиновники [5, р. 2].

В то же время нельзя не отметить тот факт, что в некоторых штатах США (Калифорния, Невада, Теннесси, Флорида и др.) контрольные функции за большими жюри сохранены. Более того, тенденцией развития законодательства ряда штатов является стремление к выделению особых коллегий присяжных, специализирующихся на гражданском контроле. В связи с этим в языке права прочно закрепился термин «Гражданское большое жюри» («Civil Grand Jury»). Он обозначает большую коллегию присяжных, выполняющую функции органа гражданского наблюдения за деятельностью должностных лиц и органов местного самоуправления, органов управления. В наиболее явном виде эта тенденция наблюдается в крупнейшем штате США Калифорнии.

По Конституции штата в каждом из его округов может быть сформировано и создано одно или несколько больших жюри [8, s. 23]. Согласно статутам штата большие жюри формируются высшими судами (superior courts) штата Калифорния, действующими в каждом округе. Как правило, в состав большого жюри включаются 19 присяжных заседателей, отобранных по жребию из списков кандидатов в присяжные, сформированных в суде с использованием списков избирателей и другой официальной информации. Образованный состав большого жюри действует в течение одного года. Большие жюри проводят периодические заседания в соответствии с установленным графиком. В своей деятельности они взаимодействуют с судом и наблюдательными советами (supervisory boards) – руководящими управляющими органами в правительствах соответствующих округов.

Несмотря на отказ законодателей большинства штатов от выполнения большими жюри контрольных функций именно в Калифорнии за этими органами

сохранились достаточно большие полномочия в сфере гражданского наблюдения. В настоящее время деятельность больших гражданских жюри наиболее полно урегулирована Уголовным кодексом Калифорнии [9]. В соответствии с ним большие жюри вправе:

- расследовать гражданские дела или наводить справки по гражданским правоотношениям округа, таким как потребности округа в должностных лицах, создание или упразднение служб, занимающихся приобретением имущества, арендой или продажей оборудования, изменение методов или системы исполнения обязанностей публичных агентств (§ 888; § 914.1);

- проводить расследования и докладывать суду, при котором они действуют, об операциях, счетах и данных документации должностных лиц, департаментов или о функциях округа, включая операции, счета и данные документации специальных округов по выборам в законодательный орган или других округов, созданных в соответствии с законами штата (§ 925);

- в любое время проверять бухгалтерские книги и отчетность агентств, действующих в округе, а также проводить расследования и предоставлять отчеты относительно операций, счетов и записей должностных лиц, департаментов, круга обязанностей и метода либо системы исполнения обязанностей различных агентств и готовить рекомендации, которые они сочтут необходимыми (§ 925a);

- осуществлять запросы по делу каждого лица, находящегося без обвинительного акта в заключении в тюрьме округа по обвинению в совершении уголовного преступления (§ 919);

- расследовать в пределах округа дела о состоянии тюрем и администрировании в них (§ 919);

- расследовать дела по поводу умышленно ненадлежащего исполнения обязанностей или коррупционного поведения любых государственных служащих в пределах округа (§ 919);

- проводить расследования и наводить справки по вопросам продаж или передач земли, а также по вопросам права собственности на землю, которая по законам штата может быть отнесена либо является выморочной (§ 920);

- исследовать вопросы и доводить до сведения наблюдательного совета выводы о необходимости повышения или понижения заработной платы чиновникам округа (§ 927);

- ежегодно на выборочной основе рассматривать дела и готовить доклады о потребностях округа в штатных чиновниках, в компетенцию которых входят вопросы, относящиеся к полномочиям округа в целом, включая вопросы упразднения или учреждения таких штатных должностей, методов или системы исполнения обязанностей различными службами (§ 928);

- в любое время обследовать бухгалтерские книги и отчетность редевелоперских агентств (redevelopment agencies), занимающихся реконструкцией недвижимости, перепланировкой городской среды и другими подобными вопросами, а также управлений жилищного хозяйства (housing authorities) и др. агентств, созданных в соответствии с Кодексом государственного управления Калифорнии (Government Code), рассматривать вопросы, связанные с методами и системой исполнения обязанностей данными агентствами и готовить соответствующие доклады (§ 933.1);

- в любое время обследовать бухгалтерские книги и отчетность специальных округов по налогам или сборам, расположенных полностью или частично

на территории округа, или так называемой Комиссии по формированию местных агентств (Local Agency Formation Commission) (§ 933.5);

– обследовать бухгалтерские книги и отчетность некоммерческих корпораций, учрежденных или управляемых от имени юридических лиц публичного права, а также рассматривать вопросы, связанные с методами и системой исполнения обязанностей данными корпорациями и готовить соответствующие доклады (§ 933.6);

– возбуждать процесс против корпораций (§ 892).

Как видно, гражданские большие жюри наделены весомыми **контрольными полномочиями** по отношению к деятельности отдельных должностных лиц, а также государственных агентств и других органов публичного управления. Обращает на себя внимание, что выбор круга должностных лиц и агентств во многом обусловлен сферами их деятельности, в которых достаточно велика вероятность возникновения коррупционных отношений.

Законодательство штата предусматривает отлаженный механизм доведения итогов контроля, выводов и рекомендаций больших жюри до высшего суда и органов местного самоуправления округа. Так, большие жюри обязаны готовить доклады о результатах проведенных ими расследований. В этих докладах они могут акцентировать внимание на причинах правонарушений, способах их профилактики. Большим жюри вменяется в обязанность направлять каждому члену наблюдательного совета округа свои выводы о потребностях округа в штатных чиновниках, предложения по упразднению или учреждению должностей чиновников, в компетенцию которых входят вопросы, относящиеся к полномочиям округа в целом. Большие жюри должны доводить до сведения соответствующих наблюдательных советов выводы о необходимости повышения или понижения заработной платы чиновникам округа (§ 927, § 928). Жюри могут направлять окружному прокурору предписания о необходимости подачи иска по возврату в казну средств, которые, по их мнению, должны причитаться округу (§ 932).

Выводы и рекомендации больших жюри могут затрагивать вопросы совершенствования методов и системы управления с целью достижения надлежащего исполнения обязанностей различными службами и должностными лицами (§ 928). Гражданские большие жюри по итогам своих расследований могут выступать в качестве органов обвинения: возбуждать уголовное преследование по известным им противоправным деяниям (§ 3060).

Помимо вышеописанных полномочий большие жюри в штате Калифорния обязаны вести непрерывный мониторинг системы управления в своем округе. По итогам мониторинга по истечении своих полномочий они представляют председательствующему судье высшего суда штата в округе итоговый доклад (final report), в котором анализируют проблемы функционирования публичных агентств, включая правительственные департаменты, в течение всего календарного или финансового года (§ 933а). Выводы и рекомендации присяжных доводятся до сведения всех должностных лиц и публичных агентств, деятельность которых проанализирована в итоговом докладе, для ответа на высказанные замечания в установленный срок. Эта же информация передается в надзорные органы штата (§ 933с).

Во избежание формального реагирования на итоговый доклад большого жюри калифорнийский законодатель закрепил императивные нормы, опреде-

ляющие возможные варианты ответов должностных лиц и агентств на выводы и рекомендации больших жюри: 1) уведомление о выполнении рекомендации с кратким изложением принятых мер; 2) рекомендация еще не учтена, но будет реализована в течение определенного срока; 3) рекомендация нуждается в изучении с указанием масштабов изучаемых вопросов и временных рамок, необходимых для этого, не превышающих шести месяцев; 4) рекомендация не может быть реализована, так как это не оправдано и не разумно, с объяснением этого вывода (§ 933.05 (b)).

Разумеется, подобного рода контрольные полномочия больших жюри нуждаются в серьезных государственных гарантиях их реализации. Поэтому законодательство штата закрепляет право на свободный доступ присяжных больших жюри в любое разумное время в места ограничения свободы и на ознакомление со всеми публичными записями в пределах округов (§ 921). Присяжные вправе запрашивать у агентств, департаментов и должностных лиц все документы, необходимые для проверки их деятельности. Учитывая, что при этом изучением необходимой бухгалтерской и иной документации занимаются граждане-непрофессионалы, законодатель предусматривает для больших жюри право по согласованию с судом и с согласия наблюдательного совета нанимать на возмездной основе экспертов по рассматриваемым вопросам, а при необходимости и помощников этих экспертов (§ 926 (a)). С согласия наблюдательного совета большие жюри вправе нанимать аудиторов и оценщиков при ознакомлении с бухгалтерскими книгами, счетами, отчетной документацией обследуемых ими органов и организаций. (§ 926 (a)).

Большие жюри могут получать консультации от судов, прокуроров и других официальных лиц. При некоторых больших жюри может действовать специальный адвокат, оказывающий присяжным квалифицированные юридические консультационные услуги на договорной основе (§ 936.7). Большие жюри также могут заключать совместные соглашения с наблюдательным советом с целью получения экспертных услуг (§ 925).

Как следует из рассмотренных положений Уголовного кодекса штата Калифорния, большие жюри, выполняющие функции наблюдения, являются значимыми публичными органами, осуществляющими всесторонний и постоянный контроль функционирования системы публичной власти с целью предотвращения злоупотреблений властью или так называемой политической коррупции (political corruption). Такие органы имеют ряд преимуществ перед государственными контрольными органами. Во-первых, они не связаны с другими контрольными органами служебными взаимоотношениями, влекущими возможность возникновения взаимных обязательств, в том числе по сокрытию фактов правонарушений. Во-вторых, присяжные больших жюри не являются профессиональными контролерами, которые в силу своих должностных обязанностей зачастую нацелены на предвзятое выявление правонарушений. В-третьих, присяжные больших жюри почти лишены риска профессионализации своей наблюдательной деятельности, так как состав большого жюри подлежит ротации по истечении срока его полномочий. В-четвертых, большие жюри могут более оперативно, чем государственные контрольные органы реагировать на обращения граждан об известных им фактах коррупции и других злоупотреблениях властью. В-пятых, большие жюри являются проводником общественного мнения

в органах правосудия, не связанного с позицией органов государственной власти. В-шестых, экспертные оценки и публикуемые итоговые доклады больших жюри могут заслуживать большего доверия, чем соответствующие оценки и доклады правительственных органов, как правило, склонных к завышенной самооценке. Поэтому калифорнийский законодатель считает оправданным и необходимым сохранение функции наблюдения за большими жюри.

В то же время необходимо иметь в виду, что большим жюри присущи те же недостатки, что и классическим судам присяжных. Во-первых, это органы, сформированные по жребию из представителей общественности, которые, как правило, не имеют профессиональных знаний в сфере публичных финансов, менеджмента, государственного и муниципального управления, юриспруденции. Во-вторых, большие жюри заседают хотя и на постоянной основе, но с небольшой периодичностью (один раз в неделю и т. п.), что препятствует обстоятельному освоению имеющихся материалов. Это может служить причиной поверхностных и банальных выводов по результатам расследований. В-третьих, присяжные больших жюри могут следовать за уже сформировавшимся общественным мнением и выдвигать необоснованные обвинения, увлекаться перспективой сенсационных разоблачений и таким образом злоупотреблять своими полномочиями. В-четвертых, присяжные больших жюри могут быть трансляторами ошибочных или предвзятых выводов большого жюри в общество, провоцировать общественную напряженность. В-пятых, присяжные большого жюри не несут ответственности за необоснованность выдвинутых ими обвинений, особенно после роспуска состава большого жюри по истечении срока его полномочий. В-шестых, участие в гражданском контроле отвлекает присяжных от уголовного процесса.

Эти, казалось бы, отвлеченные соображения, находят подтверждение на практике. Среди аргументов против наделения больших жюри функциями наблюдения фигурируют два характерных случая. Во-первых, большое жюри округа Сан-Диего, сформированное на период 1988–1999 гг., опубликовало результаты своего расследования в отношении мэра Сюзан Голдинг (Susan Golding), в котором безосновательно обвинило ее в неправомерном поведении в связи со строительством бейсбольного стадиона в деловом центре города. Большое жюри отказалось получать свидетельства от Сюзан Голдинг и не выдвинуло формальных обвинений против нее. Тем не менее, ее политическая карьера была прервана. Во-вторых, в 1996 г. большое жюри округа Орандж обвинило члена местного представительного органа Скота Боуга (Scott Vaugh) в совершении четырех фелоний и 19 мисдиминоров по фактам фальсификаций подсчета голосов во время дополнительных выборов. Судья высшего суда в округе снял большинство обвинений, поскольку окружной прокурор не смог представить доказательств против показаний ключевых свидетелей [7, p. 514].

С учетом отмеченных недостатков деятельности больших жюри с начала 2000-х гг. в Калифорнии начали осуществлять реформирование этих органов. Основные направления реформ сводятся к следующему.

1. *Автономизация состава большого жюри, наделенного функциями наблюдения.* Это находит выражение не только в использовании особого наименования для данных органов – Civil Grand Juries, но и в фактической институционализации особых составов больших жюри, специализирующихся исключительно на отмеченных выше функциях наблюдения. Автономные гражданские большие

жюри официально стали позиционироваться как правительственные надзорные панели (government oversight panels), задачей которых является выработка рекомендаций по повышению эффективности осуществления публичной власти [4, p. iii].

2. *Изменение порядка формирования состава гражданских больших жюри.* В настоящее время отбор присяжных в гражданские большие жюри производят не только из имеющихся в суде общих списков кандидатов в присяжные, но и из числа добровольцев, заполнивших специальную анкету и приславших ее в суд. Допускается участие в составе гражданских больших жюри номинантов местных властей.

3. *Повышение репрезентативности выборки присяжных заседателей.* Поскольку в состав современных гражданских больших жюри входят добровольцы, суды должны избегать формирования нерепрезентативных составов, включающих исключительно пенсионеров, представителей творческих профессий и других граждан, располагающих свободным временем. При отборе присяжных суды стремятся к тому, чтобы состав гражданских больших жюри отражал состав всего общества в районе юрисдикции суда [3].

4. *Внедрение образовательных программ для присяжных.* В ходе реализации этих программ граждане овладевают навыками работы в качестве присяжных заседателей гражданских больших жюри, знакомятся с особенностями деятельности гражданских больших жюри, методами работы со свидетелями, особенностями подготовки докладов и др. [6, p. 6–7].

5. *Повышение ответственности присяжных гражданских больших жюри.* В частности, большие жюри обязаны взаимодействовать с председательствующим судьей высшего суда штата в округе, а также с наблюдательным советом округа [9, § 925]. По завершении проверок публичных агентств большие жюри обязаны направлять проекты своих итоговых отчетов для замечаний в адрес этих агентств [9, § 933]. Присяжные больших жюри не вправе разглашать содержание своих отчетов и итогового доклада до их официального опубликования. Кроме того законодательно закреплены положения, обязывающие судью информировать присяжных об их полномочиях, обязанностях и ответственности [9, § 914.1], включая ответственность за диффамацию и клевету.

В результате мероприятий по реформированию гражданских больших жюри роль и авторитет этих органов значительно повысились. В настоящее время гражданские большие жюри действуют в каждом из 58 округов Калифорнии. Их доклады регулярно публикуют на сайтах высшего суда Калифорнии в соответствующих округах.

Можно сказать, что по мере институционализации автономных гражданских больших жюри сам этот институт переживает второе рождение и привлекает все большее внимание исследователей. Опыт деятельности калифорнийских гражданских больших жюри оказался настолько привлекательным, что на его основе вырабатывают проекты внедрения данного института на федеральном уровне организации судебной власти [5]. Представляется, что калифорнийская модель гражданского участия в контроле за деятельностью должностных лиц и публичных агентств заслуживает внимания и в нашей стране. Отработанные десятилетиями механизмы контрольной деятельности граждан в составе гражданских больших жюри, создаваемых при судах, могут

быть учтены в процессе совершенствования пока еще становящегося законодательства Российской Федерации и ее субъектов об общественном контроле. Этот вывод основан на том, что имеется некоторое сходство калифорнийской модели гражданского контроля с моделью общественного контроля, выработанной российским законодателем.

1. Руденко В.Н. Большое жури как институт гражданского участия в отправлении правосудия // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук. 2011. № 11. С. 467–488.

2. 2013–2014 Civil Grand Jury Reports. URL: http://civilgrandjury.sfgov.org/2013_2014.html (дата обращения: 01.09.2017).

3. 2014–2015 Civil Grand Jury Selection Process Statistics. URL: https://www.stanct.org/sites/default/files/u21/2014_2015Statistics.pdf (дата обращения: 01.09.2017).

4. Ethics in the City: Promise, Practice or Pretense. San Francisco: City and County of San Francisco Civil Grand Jury 2013–2014, June 2014. 80 p. URL: http://civilgrandjury.sfgov.org/2013_2014/2014_SF_CGJ_Report_Ethics_in_the_City.pdf (дата обращения: 01.09.2017).

5. Fukurai H., Wang Zh. Proposal to Establish the Federal Civil Grand Jury System in America: Effective Civic Oversight of Federal Agencies and Government Personnel // Journal of Civil & Legal Sciences. 2014. Vol. 3, iss. 1. P. 1–6.

6. Kelso J.C., Vitiello M. Final recommendation reform of California grand jury statutes / Capital Center for Government Law & Policy, University of Pacific McGeorge School of Law, January 24, 2003. 51 p. URL: http://www.mcgeorge.edu/Documents/Publications/ccglp_pubs_grand_jury_final%20recommendation.pdf (дата обращения: 01.09.2017).

7. Vitiello M., Kelso J.C. Reform of California's Grand Jury System // Loyola of Los Angeles Law Review. 2002. Vol. 35. P. 513–608.

8. California Constitution. URL: <http://law.justia.com/constitution/california/> (дата обращения: 01.09.2017).

9. California Penal Code // 2015 California Code. URL: <http://http://law.justia.com/codes/california/2015/code-pen/> (дата обращения: 01.09.2017).

References

1. Rudenko V.N. Bol'shoe zhyuri kak institut grazhdanskogo uchastiya v otravlenii pravosudiya // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2011. № 11. S. 467–488.

2. 2013–2014 Civil Grand Jury Reports. URL: http://civilgrandjury.sfgov.org/2013_2014.html (data obrashheniya: 01.09.2017).

3. 2014–2015 Civil Grand Jury Selection Process Statistics. URL: https://www.stanct.org/sites/default/files/u21/2014_2015Statistics.pdf (data obrashheniya: 01.09.2017).

4. Ethics in the City: Promise, Practice or Pretense. San Francisco: City and County of San Francisco Civil Grand Jury 2013–2014, June 2014. 80 p. URL: http://civilgrandjury.sfgov.org/2013_2014/2014_SF_CGJ_Report_Ethics_in_the_City.pdf (data obrashheniya: 01.09.2017).

5. Fukurai H., Wang Zh. Proposal to Establish the Federal Civil Grand Jury System in America: Effective Civic Oversight of Federal Agencies and Government Personnel // *Journal of Civil & Legal Sciences*. 2014. Vol. 3, iss. 1. P. 1–6.

6. Kelso J.C., Vitiello M. Final recommendation reform of California grand jury statutes / Capital Center for Government Law & Policy, University of Pacific McGeorge School of Law, January 24, 2003. 51 p. URL: http://www.mcgeorge.edu/Documents/Publications/ccglp_pubs_grand_jury_final%20recommendation.pdf (data obrashheniya: 01.09.2017).

7. Vitiello M., Kelso J.C. Reform of California's Grand Jury System // *Loyola of Los Angeles Law Review*. 2002. Vol. 35. P. 513–608.

8. California Constitution. URL: <http://law.justia.com/constitution/california/> (data obrashheniya: 01.09.2017).

9. California Penal Code // 2015 California Code. URL: <http://http://law.justia.com/codes/california/2015/code-pen/> (data obrashheniya: 01.09.2017).

UDC 343.195:342.571

CIVIL GRAND JURIES AS A FORM OF CIVIL CONTROL

Rudenko Viktor Nikolaevich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor, Corresponding member of RAS,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rudenkovn@yandex.ru

Annotation

The article analyses the institute of civil grand juries. the author underlines that even the early period of U.S. history civil grand juries served as public controllers of the governance activities. the members of civil grand juries played the role of the public watchers reflected in the idiom “watchdog function”. Nowadays, the grand civil jurors fulfill “watchdog function” only in few states. the author takes into account the experience of legal regulation of the grand juries’ activity in California, where “watchdog function” is well developed. the author emphasizes that since the beginning of the 2000’s, grand juries obtained the certain autonomy from the traditional grand juries acting in the framework of the criminal procedure. According to the author it is possible to take into account the California experience in improving the Russian legislation on the public control.

Key concepts:

grand jury, civil grand jury, power of civil grand juries, civil control, “watchdog function”.

УДК 314.7.044

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, АДАПТАЦИЯ И АККУЛЬТУРАЦИЯ ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ РЕШЕНИЯ ЗЛОБОДНЕВНЫХ ПРОБЛЕМ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ*

Корсаков Константин Викторович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Аннотация

В данной статье с научной точки зрения рассматриваются пути разрешения наиболее актуальных проблем и вопросов, связанных с трудовой миграцией в современной России: указываются новые пути и способы снижения темпов нелегальной миграции, высокого уровня ксенофобии и нетерпимости по отношению к трудящимся-мигрантам в принимающем российском обществе, а также предлагаются решения, нацеленные на совершенствование и упорядочивание проводящейся в России миграционной политики.

Ключевые понятия:

трудовая миграция, защита прав мигрантов, миграционная политика, рынок труда, регулирование миграционных отношений, трудовые ресурсы, экономическая безопасность, демография.

В настоящее время процессы трудовой миграции в России отличаются высокими темпами и динамикой – ежегодно в нашу страну с целью трудоустрой-

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17–03–50021 «Научное изучение проблем социальной адаптации, интеграции и аккультурации трудящихся-мигрантов в Российской Федерации».

ства въезжают тысячи мигрантов, и Свердловская область как один из наиболее экономически и промышленно развитых российских регионов традиционно представляет интерес для таких иностранных рабочих.

Ввиду неблагоприятной демографической ситуации и кадрового дефицита на рынке труда внешняя трудовая миграция является стратегически важным ресурсом, который поддерживает развитие экономики нашей страны [5]. Посредством притока иностранной рабочей силы в российском государстве частично решается проблема ликвидации дефицита рабочей силы. В 2015 году доля иностранных рабочих на рынке труда составляла 5,8%, и если к ним прибавить нелегально работающих трудящихся-мигрантов, которых примерно в три раза больше официально зарегистрированных, то данная цифра достигнет около 16% [2]. Это говорит о том, что сегодня в Российской Федерации примерно каждый шестой трудящийся является работником-мигрантом (понятия «трудящийся-мигрант» и «работник-мигрант» используются нами как тождественные).

Столь большое число приехавших в нашу страну трудящихся-мигрантов опосредует ряд острых социально-правовых проблем и с необходимостью предполагает выработку со стороны принимающего социума оптимальных и действенных моделей и технологий работы с мигрантами, которые в данный момент во многих субъектах Российской Федерации, включая Свердловскую область, попросту отсутствуют. Между тем многолетний зарубежный опыт свидетельствует, что в решении проблем миграции следует акцентироваться на процессе социальной адаптации, аккультурации и интеграции трудящихся-мигрантов в принимающее общество, а потому научная разработка способов, форм, приемов и структурных звеньев механизма социальной адаптации и интеграции трудящихся-мигрантов в российское общество обладает в текущий момент большой практической важностью.

Социальную интеграцию и адаптацию правильно рассматривать как целенаправленный и управляемый процесс, выступающий основополагающим элементом общественного развития трудящихся-мигрантов и их вхождения в социальную структуру российского социума [1]. Социальная интеграция и адаптация представляют собой такие процессы, в ходе которых происходит принятие и приспособление к нормам и ценностям новой общественной среды, а также устоявшихся в ней форматов социального взаимодействия, что позволяет значительно снизить социальные риски, возникающие при межэтническом общении, в первую очередь – социокультурную напряженность в принимающем социуме, обусловливаемую этнокультурной дифференциацией и социокультурными различиями.

В ходе социальной интеграции, адаптации и аккультурации разнородные и различающиеся между собой социальные общности устанавливают позитивные когнитивные, коммуникативно-поведенческие, духовно-культурные и эмоционально-психологические связи, направленные на кооперацию, солидаризацию и толерантное взаимное общение, что естественным образом поддерживает стабильность социальной системы.

Проведенные нами на территории Свердловской области эмпирические исследования выявили, что миграционная ситуация в данном регионе является относительно благоприятной, темпы внешней трудовой миграции на протяжении последних десяти лет не сокращаются и положительно влияют на демографиче-

ские, количественные и квалификационные переменные рынка труда, а объемы внутриобластной местной миграции также достаточно высоки, что говорит о высокой трудовой мобильности коренного населения. При этом в ходе научных разработок мы выявили следующие две примечательные положительные тенденции: трудящиеся-мигранты, однажды приехавшие в Свердловскую область и получившие на ее территории положительный опыт работы, стремятся снова приехать на Средний Урал и легально и добросовестно трудиться; иностранные рабочие молодого возраста (от 18 до 35 лет), приобретшие такой позитивный опыт, нацелены на то, чтобы остаться в России и получить российское гражданство, хорошее образование, обзавестись семьей (их доля в общей численности трудящихся-мигрантов, работающих сегодня в Свердловской области, составляет 39,2%, а наиболее обширная возрастная группа – это работники-мигранты в возрасте от 35 до 50 лет (48%)).

В то же время проведенные нами в Екатеринбурге и других городах Свердловской области социологические опросы, анкетирования, тестирования и интервьюирования выявили в сфере общественной адаптации, интеграции и аккультурации трудящихся-мигрантов целый ряд трудностей и проблем, мешающих консолидации и объединению работников-мигрантов с местным (автохтонным) населением в единую социальную общность.

Результаты наших социологических исследований показывают, что со стороны трудящихся-мигрантов такими препятствиями выступают: незаконные пребывание и работа на территории нашей страны, дефицит информации об условиях легализации своего статуса, об организациях, оказывающих помощь трудящимся-мигрантам и беженцам, низкая правовая культура и низкий уровень правосознания, незнание местных правил поведения, обычаев, традиций и жизненного уклада, большая загруженность работой и тяжелые условия последней [4], социальная изоляция групп трудящихся-мигрантов и замкнутость на существовании исключительно в рамках некоего этно-анклава, диаспоры (такие замкнутые, локальные, информационно закрытые, чуждые по языку и культуре, социально обособленные сообщества порождают у автохтонного населения мигрантофобию, расцениваются последним как криминальные, враждебные, социально опасные и нежелательные для народа России), социокультурная дистанция между работниками-мигрантами и автохтонным населением, маргинализация и пауперизация трудящихся-мигрантов как социально-профессиональной группы, правонарушающее и аморальное поведение со стороны трудящихся-мигрантов и присутствие в их среде деструктивных субкультурных общностей (тоталитарных сект, экстремистских сообществ и т. п.), отрицательное, неуважительное отношение к своему новому месту работы и жительства (к обществу, государству, жителям, ценностям, идеалам и нормам), временный разрыв имеющихся общественных связей, и в первую очередь брачно-семейных, невозможность защитить свои права, свободы и законные интересы, в том числе в судебном порядке, низкая рабочая квалификация труда по сравнению с местными рабочими, невысокий уровень образования, воспитания, личной культуры и духовных потребностей, религиозные, психологические, национальные и социально-бытовые отличия с местным населением.

В данной связи органам государственной и муниципальной власти в первую очередь необходимо интенсифицировать работу по повышению уровня

правовой и общекультурной грамотности трудящихся-мигрантов, степени их информированности о мерах и способах законного трудоустройства в России, получения легального заработка, уплаты налогов и законного пребывания на территории Российской Федерации (включая обучение их основам трудового, административного и гражданского законодательства, в особенности правилам и нормам о защите и охране труда, требованиям безопасности на производстве), по формированию и укреплению новых социальных связей, по ознакомлению работников-мигрантов с малознакомой для них иностранной культурой и кросс-культурному взаимодействию с последними.

Перспективным, на наш взгляд, является повышение миграционной привлекательности нашей страны посредством обеспечения особо комфортных, привилегированных условий для иностранных специалистов (инженеров, программистов, ученых, врачей, писателей, музыкантов, деятелей культуры и искусства и др.) наивысшей квалификации, которые в наши дни работают в Закавказье (Азербайджан, Армения), Средней Азии (Узбекистан, Казахстан), Украине и других государствах, по примеру калифорнийской Силиконовой долины, в которую на протяжении уже многих лет идет «утечка мозгов» из многих государств мира. Как известно, североамериканская наука, литература, живопись, кино, музыка и другие сферы творчества во многом развивались благодаря мигрантам – выходцам из стран Европы, Африки и Азии. К примеру, одним из таких людей был знаменитый художник, дизайнер, фотограф, кинорежиссер и продюсер Энди Уорхол, происходящий из семьи эмигрантов-русинов, которые в поисках лучшей доли приехали в США из Словакии.

Также, по нашему мнению, следует ускорить принятие федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации», проект которого был разработан в 2014 году и внесен в федеральную легислатуру, нацеленного на преодоление многих указанных выше препятствий и проблем. Тщательно выверенное, социально направленное миграционное законодательство с реально обеспеченными механизмами социальной интеграции и адаптации работников-мигрантов способно не только урегулировать межнациональные отношения, но и обеспечить тот необходимый баланс, при котором государство, трудящиеся-мигранты, работодатели и население регионов России смогут на консенсусной основе в полной мере реализовать свои права, свободы и законные интересы.

В субъектах Российской Федерации на местном уровне с учетом региональной специфики и миграционной конъюнктуры нужно разработать программы поэтапной легализации незаконных мигрантов (т.н. «трудовых амнистий»), поэтапные программы социальной интеграции, адаптации и аккультурации трудящихся-мигрантов (по типу разработанной нами для Правительства Свердловской области в 2017 году) и информационно-просветительские программы, которые формировали бы нейтральное представление о межэтнических процессах как прошлого, так и настоящего времени, об укладе жизни, этнопсихологии, обычаях и традициях народов России и других стран, выходцы из которых являются работающими у нас мигрантами.

Подчеркнем, что легализация статуса трудящегося-мигранта имеет не только важные для него самого и государства, в которое он прибыл, юридические и экономические последствия – она выступает формой признания того значимого

факта, что этот человек желаем, полезен, социально и экономически значим для принимающего общества [3].

В повышенном внимании и поддержке со стороны системы субъектов миграционной политики нуждаются базовые проводники и каналы социальной интеграции, адаптации и аккультурации трудящихся-мигрантов, к которым мы относим референтные группы и ближайшее окружение (родственники, друзья, земляки и соотечественники, уже имеющие большой опыт работы в России и хорошо владеющие русским языком), социальные коммуникации (контакты с представителями государственных и муниципальных органов, включенных в область миграционных отношений, работодателями, руководителями работ и коренным населением (наем жилых помещений, общение с коллегами-россиянами, сожительство либо вступление в брак с представителями автохтонного населения)) и телекоммуникационные каналы (русскоязычные телевидение, Интернет, радио, печатная продукция, кинематограф и т. д.).

В среде местного населения препонами и препятствиями для процесса социальной интеграции, адаптации и аккультурации работников-мигрантов являются: возросшая степень мигрантофобии и ксенофобии (боязни и неприятия иммигрантов, чужаков, иноверцев и людей иной внешности и национальности), языковой барьер и нежелание работников-мигрантов изучать русский язык и его правила, ригоризм, косность и ортодоксальность общественных представлений о трудящихся-мигрантах, наличие безработицы и конкуренция в поиске и занятии рабочих мест, нежелание знать о трудностях и проблемах мигрантов, дискриминация по этническому признаку, религиозные, социально-бытовые, национальные и морфологические различия, эскейпизм, социальная изоляция и нежелание вступать в какие-либо контакты с работниками-мигрантами, отрицательный и неблагоприятный образ мигрантов, формируемый в российских средствах массовой информации, негативный опыт взаимных отношений с отдельными представителями трудящихся-мигрантов, законодательные рамки и положения, ограничивающие возможности легализации и трудоустройства для работников-мигрантов, повышенный уровень террористической угрозы, различия в области этнопсихологии, менталитете, семейном воспитании, а равно в культурном и образованном уровнях, сложная криминальная обстановка, национальная вражда и конфессиональная рознь, ложные установки и этностереотипы в коллективном и индивидуальном сознании, настороженность и недоверие.

При этом нами было выявлено, что отношение автохтонного населения к трудящимся-мигрантам имеет первостепенное значение для успеха социальной интеграции и адаптации. Таковое в первую очередь складывается из анализа манеры и образа поведения той или иной группы мигрантов в принимающем обществе, внешнего облика, гигиены и языковых особенностей мигрантов, мнения трудящихся-мигрантов о коренном населении и российском обществе в целом, а также изменений социально-демографической и экономической ситуации в том или ином регионе (включая изменения в уровне доходов и благосостояния, в сфере обеспеченности рабочими местами, удовольствием, жильем и т. д.).

Для ликвидации барьеров социальной интеграции и адаптации со стороны принимающего общества следует формировать благоприятные социальные, юридические и экономические условия для трудящихся-мигрантов, включающие легализацию их статуса, достойное жилье, оплачиваемую работу, социальное

обеспечение, страхование и гарантированные законодательством компенсационные выплаты, обеспечивать процесс социальной идентификации: установления и поддержки социальных связей и контактов, налаживания коллективистских и партнерских общественных отношений с автохтонным населением, развивать идеи толерантности и мультикультурализма (признания культурно дифференцированных от основного социума сообществ и наделения их особыми правами, включая право на защиту их культурной автономии), поручать трудящимся-мигрантам выполнение важных социальных ролей и функций, поддерживать плотное взаимодействие с ними в рамках социальных структур и институций, обучать иностранных рабочих русскому языку (хорошее знание языка коренного населения является главным условием успешной социальной интеграции трудящегося-мигранта в принимающий социум), обществоведению и истории российского народа, а также развивать межкультурный диалог и, что представляется нам особенно важным, расширять знания россиян о культуре и традициях народов, этносов и этнографических групп, к которым принадлежит большинство трудящихся-мигрантов.

Для реализации последнего возможно перенять опыт занимающих первое место в мире по количеству трудящихся-мигрантов Соединенных Штатов Америки, в городах которых повсеместно создаются и функционируют культурные центры и музеи этнических диаспор и землячеств (например, в одном только Нью-Йорке существуют Музей о рабстве и истории местной негритянской общины, в котором проводятся мероприятия как для взрослых, так и для детей, Музей при Asia Society (Музей азиатского сообщества), Big onion walking tours – пешие экскурсии по этническим историческим районам Манхэттена и Бруклина, Еврейский музей в синагоге на Элдридж-стрит, построенной в 1887 году, Tenement museum – доходный дом на Орчард-стрит, в экспозиции которого отображена миграционная история Америки, Музей китайцев в США, Музей современных африканских диаспор, Латиноамериканский музей), в больших масштабах выпускается и размещается социальная реклама на тему межнациональных и миграционных отношений, строятся музеи миграции и проводятся различные межнациональные культурные мероприятия: концерты, выставки, фестивали, парады (например, ежегодный всеамериканский парад ирландцев в День святого Патрика) и др.

Следует признать, что определенные – требующие закрепления и развития – успехи в этом деле в нашем государстве были достигнуты: так, в Москве – городе-миллионере, в котором обильно представлены трудящиеся-мигранты из мусульманских стран Средней Азии, – ежегодно отмечается праздник Навруз, причем в столице он именуется как «общемосковский праздник Навруз». Также на бульварах и улицах Москвы нередко проводятся этнические фотовыставки, рассказывающие горожанам о московских диаспорах и землячествах, их быте, традициях, обычаях, религии и культуре, основная идея которых – продемонстрировать москвичам и гостям столицы, что национальные общины и диаспоры (армянская, еврейская, узбекская, корейская, уйгурская, грузинская, китайская и т. д.) появились в столице не недавно, а имеют тысячелетнюю историю, а Москва – это исконно многонациональный город. Все эти мероприятия, финансируемые из муниципального бюджета, направлены на снижение степени

заметно возросшего за последние четверть века бытового национализма, ксенофобии, мигрантофобии и исламофобии.

В Москве, как и в Нью-Йорке, Берлине и Лондоне, сегодня эффективно действует целый ряд национальных музеев и культурных, досуговых центров, в частности, среди них можно особо выделить Дом национальностей на улице Бауманской, Еврейский музей, в котором регулярно проводится Лимуд (популярное образовательное, культурное и развлекательное мероприятие), Армянский музей и дом Асадуллаева в Малом Татарском переулке – татарский культурный центр. Сходную им функцию информирования, межкультурного общения и интеграции выполняет в столице рынок «Садовод»: там не только можно купить еду и одежду, но и полюбоваться на представленное там множество этнических культур, послушать этническую музыку и посмотреть на национальные танцы, недорого поесть в расположенных там кафе и ресторанах национальной кухни.

Думается, что в других крупных городах России также следует при поддержке органов местного самоуправления создавать национальные музеи и культурные центры, основная задача которых заключается в репрезентации национальных диаспор и общин трудящихся-мигрантов – объединений и сообществ, которые напрямую заинтересованы в культурной легитимизации, в создании позитивного собственного имиджа, в действенных механизмах интеграции и вплетения в местную городскую жизнь.

В процесс социальной интеграции и адаптации мигрантов должны быть активно включены все заинтересованные субъекты: мигранты, их родственники и соотечественники, проживающие на соответствующей территории, коренное население, органы муниципального управления, организации и службы, курирующие и обеспечивающие сферу трудовой миграции, общественные объединения и некоммерческие организации [6].

При этом представляется важным обеспечивать постоянное комплексное взаимодействие с представителями различных ведомств, мигрантами и местными жителями на всех этапах механизма социальной интеграции трудящихся-мигрантов, назначать кураторов и ответственных из числа местных жителей для помощи в ознакомлении иностранными рабочими с особенностями социальной, демографической, экономической, культурной, религиозной и политической жизни того или иного региона.

Обеспечение мощных, востребованных и непрерывно используемых каналов коммуникации между автохтонным населением и работниками-мигрантами должно стать главным ориентиром и принципом российской миграционной политики, именно оно способно решить обострившиеся в нашем обществе проблемы ксенофобии, мигрантофобии, бытового национализма, религиозной и межэтнической напряженности.

На местном уровне как муниципальным властям, так и представителям гражданского общества следует сосредоточиться на активизации деятельности по формированию лояльного, доброжелательного и уважительного отношения со стороны коренного населения к трудящимся-мигрантам и к автохтонному населению со стороны сообществ работников-мигрантов, на пропаганде идей толерантности и повышении культурно-образовательного уровня трудящихся-мигрантов и местного населения, в частности, на постоянной основе проводить

бесплатные публичные лекции, симпозиумы, тренинги и семинары, нацеленные в том числе на повышение степени информационно-правовой защищенности трудящихся-мигрантов и на упреждение эксплуатации работников-мигрантов (такие мероприятия возможно проводить с участием экспертов и специалистов из Федеральной инспекции труда РФ (Рострудинспекции), МВД России, прокуратуры и других контрольно-надзорных и фискальных ведомств).

В целом же для успешной социальной интеграции, адаптации и аккумуляции трудящихся-мигрантов в Российской Федерации следует на высшем законодательном уровне безотлагательно сконструировать такой интеграционно-адаптационный механизм, основные элементы и наполнители которого имели бы четко выраженную социокультурную направленность, нацеленность на формирование в социуме новой культуры взаимоотношений с мигрантами – культуры принимающего общества – и были призваны снять противоречия, вытекающие из социокультурных и этнорелигиозных различий.

1. Алибекова З.Р. Согласование интересов страны-реципиента и трудящихся-мигрантов // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010. № 3. С. 65.

2. Вишневецкая Н.Г. Миграция трудовых ресурсов: понятие и социально-экономические последствия // Апробация. 2016. № 7. С. 37.

3. Жукова И.А. Миграция рабочей силы в России // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2012. № 1–2. С. 33.

4. Корсаков К.В., Жилко И.А. Пенитенциарный труд в следственных изоляторах. Екатеринбург, 2013. С. 82.

5. Рыбаковский Л.Л. Трудовые мигранты и их вклад в пополнение трудового потенциала России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 1. С. 48.

6. Соколова З.Х. Позитивные и негативные факторы миграции: социальная противоречивость // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4. С. 154.

References

1. Alibekova Z.R. Soglasovanie interesov strany-recipienta i trudyashhixsya-migrantov // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. 2010. № 3. S. 65.

2. Vishnevskaya N.G. Migraciya trudovyx resursov: ponyatie i social'no-ekonomicheskie posledstviya // Aprobaciya. 2016. № 7. S. 37.

3. Zhukova I.A. Migraciya rabochej sily v Rossii // Aktual'nye problemy social'no-gumanitarnogo i nauchno-texnicheskogo znaniya. 2012. № 1–2. S. 33.

4. Korsakov K. V., Zhilko I. A. Penitenciarnyj trud v sledstvennyx izolyatorax. Ekaterinburg, 2013. S. 82.

5. Rybakovskij L.L. Trudovye migranty i ix vklad v popolnenie trudovogo potenciala Rossii // Izvestiya vysshix uchebnyx zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki. 2011. № 1. S. 48.

6. Sokolova Z.X. Pozitivnye i negativnye faktory migracii: social'naya protivorechivost' // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya. 2013. № 4. S. 154.

UDC 314.7.044

SOCIAL INTEGRATION, ADAPTATION AND ACCULTURATION OF MIGRANT WORKERS AS ONE OF THE URGENT PROBLEMS OF LABOR MIGRATION IN RUSSIA

Korsakov Konstantin Viktorovich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
PhD, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Annotation

In this article, from the scientific point of view, the author considers solutions to the most pressing problems and issues associated with labor migration in modern Russia: identifies new ways and means of reducing the rate of illegal migration, high level of xenophobia and intolerance against migrant workers in the receiving Russian society, and proposes solutions aimed at improving and streamlining conducted in the Russian migration policy.

Key concepts:

labor migration, protection of migrants rights, migration policy, labor market, regulation of migration relations, human resources, economic security, demography.

УДК 325.1

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Благодатских Владимир Гурьянович,

Уральский государственный экономический университет,
Заведующий кафедрой истории и философии,
доктор исторических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: profkom@usue.ru

Керимов Александр Алиевич,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
доцент кафедры политических наук,
кандидат политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: kerimov68@mail.ru

Аннотация

В условиях глобализации актуализируются проблемы межнациональных, межконфессиональных отношений, которые требуют пристального внимания со стороны государства и общества. Несвоевременное реагирование на эти проблемы и негативные настроения в обществе в отношении мигрантов имеют тенденцию перерасти в националистические, которые чреваты уже более тяжкими последствиями. Для решения имеющихся проблем представляется верной интенсификация деятельности местных органов власти, выработка и реализация мер, направленных на формирование толерантного сознания в обществе, создание атмосферы дружественного отношения со стороны местного населения к мигрантам, представителям разных национальностей, которые со своей стороны должны перенять сложившуюся систему ценностей данного общества и беспрекословно соблюдать законы.

Ключевые понятия:

межнациональные и межконфессиональные отношения, толерантность, миграция, социокультурная среда, культурная идентичность, этническое сообщество.

Глобализация создала определенные вызовы сложившемуся мироустройству. Результатом этого процесса стала интенсификация экономических, политических и культурных связей между народами самых разных стран и континентов [1, с. 25]. На этом фоне в условиях неравномерного экономического развития различных регионов и стран актуализируются и проблемы межнациональных отношений. Приток мигрантов из различных регионов мира в более благополучные страны ставит трудные вопросы перед правительствами Западной Европы по ассимиляции мигрантов.

Данная проблема актуальна и для современной России, которая всегда была и остается многонациональной, многоконфессиональной и поликультурной. На первый взгляд социокультурная среда в России кажется более благоприятной для адаптации мигрантов, но такой подход к решению данной проблемы лишь упрощает ее суть и затрудняет процесс осознания глубины проблемы и поиска путей ее решения.

Современная Россия как часть мирового сообщества развивается в русле общемировых тенденций. Она также сталкивается с глобальными проблемами, которые требуют пристального внимания и разработки безотлагательных мер по их предупреждению и решению. Россия, как многонациональная, многоконфессиональная страна, реагирует на вызовы современности. Обеспечение мира и согласия между народами, а также создание благоприятной среды для адаптации к российским реалиям мигрантов являются неотъемлемыми условиями существования и развития российского государства.

Еще два десятилетия назад проблема толерантности и необходимость привить обществу в целом культуру толерантности не были актуальны для России. В рамках советской действительности дружественное отношение разных народов и национальностей друг к другу было естественной частью советской жизни. Но времена изменились, и с распадом Советского Союза проблема толерантности превратилась в одну из фундаментальных проблем российской действительности.

Проблемы межнациональных конфликтов и причины их обострения в современной России находятся в центре внимания общественности. В решение проблемы вовлечены как государственные органы, так и общественные организации. С этой целью проводятся различные теоретические и практические мероприятия. Данные мероприятия направлены на повышение уровня общегражданской культуры и толерантности в обществе. В этом направлении проделана огромная работа, однако на сегодняшний день в российском обществе проблему межнациональных конфликтов нельзя считать исчерпанной.

Проблема формирования толерантного сознания в современном мире стала особенно актуальной после того, как попытки европейских стран ассимилировать мигрантов не дали положительных результатов. Причины неудачи данной

политики самые различные. Это и политические, и социально-экономические, и культурные, и правовые, в том числе и неготовность и нежелание мигрантов приспособливаться к новым условиям.

Европейские страны в этом вопросе столкнулись с непредвиденной проблемой: немалая часть мигрантов совершенно не стремилась стать неотъемлемой частью нового общества, а наоборот, они объединялись в различные этнические сообщества, активно отстаивали свои права, в том числе и на сохранение культурой идентичности. Тогда был взят курс на реализацию концепции мультикультурализма, которая означала сохранение и развитие в отдельно взятой стране культурных различий, параллельное существование различных культур с целью их взаимного проникновения и обогащения. Представлялось, что таким образом можно добиться решения вопроса по ассимиляции мигрантов. Однако по прошествии двух десятилетий эта попытка начала претерпевать крах, о чем заявляли в своих публичных выступлениях лидеры европейских государств. Так, по этому поводу канцлер Германии А. Меркель заявила, что «попытка Германии построить многокультурное общество не увенчалась успехом» [5]. Такую же мысль высказал бывший английский премьер-министр Д. Кэмерон: «Мы позволили ослабить нашу коллективную идентичность. Следуя доктрине государственного мультикультурализма, мы стимулировали различные культуры к сепаратному существованию – в отрыве одна от другой и от нашего магистрального направления. Мы потерпели неудачу, пытаясь реализовать подобный тип общества. Мы проявляли толерантность по отношению к тому, что все эти разделенные сообщества развиваются путем, уводящим в прямо противоположную нашим целям сторону» [6]. Выразил солидарность с лидерами Германии и Великобритании и бывший президент Франции Н. Саркози. Во время эфира на канале TF1 он признался в том, что мультикультурная модель Европы является «провалом». Далее он заявил: «Да, это провал. Правда заключается в том, что во всех наших демократиях слишком пекутся об идентичности тех, кто прибывает, и слишком мало – об идентичности принимающей стороны. Общество, в котором общины сосуществуют рядом друг с другом, нам не нужно. Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным. Если кто-то с этим не согласен, пусть не приезжает во Францию» [7]. Действительно, признания западноевропейских лидеров не лишены оснований. Межнациональные конфликты в Европе не являются редкостью. Иной раз можно говорить о спланированности этих действий, но от этого проблема не перестает существовать.

Отрицать наличие межнациональных конфликтов и в современной России нельзя. Достаточно перечислить самые громкие межнациональные конфликты в России: апрель 2001 г., г. Москва – погром на рынке в Ясенево; октябрь 2001 г., г. Москва – массовые драки у рынков в районе метро «Царицыно» и «Каховская»; август 2005 г., с. Яндыки Астраханской области – столкновения калмыков и чеченцев; март 2005 г., г. Новороссийск – драка между казаками и армянами; сентябрь 2006 г., г. Кондопога, Карелия – массовые столкновения с участием русских, азербайджанцев и чеченцев; июнь 2006 г., г. Сальск Ростовской области – конфликт между русскими и дагестанцами; сентябрь 2006 г., г. Вольск Саратовской области – конфликт между русскими и армянами; июль 2011 г., п. Сагра Свердловской области – кровавый конфликт на межнациональной

почве и др. Как показывает практика, межнациональные конфликты в России не являются редкостью, но в то же время необходимо отметить, что они не такие масштабные, как в странах Европы.

По данным социологических исследований, проведенных аналитическим центром «Левада-Центр», представления о возможности массовых кровопролитных столкновений на национальной почве в России в целом разделяются большим числом опрошенных – каждым четвертым (25%). Доля россиян, отрицающих межнациональную напряженность в городе, районе, где проживает респондент, достигла минимального значения за все годы замеров. В настоящее время только 18% опрошенных заявляют о межнациональной напряженности такого рода. Более того, сам сценарий развития конфликтов на межнациональной почве в ближайшем будущем кажется возможным только десятой части населения (12%). Число россиян, желающих ограничить проживание «выходцев с Кавказа» на территории РФ (34%), в целом идентично доле тех опрошенных, кто испытывает негативные чувства в отношении «выходцев из южных республик», с которыми они проживают в одном городе, районе (38% суммарно, включая такие позиции, как «раздражение», «неприятнь», «страх»). Вместе с тем декларативное безразличие («никаких особых чувств») респондентов к данной категории населения остается преобладающей среди 60% опрошенных. На вопрос «поддерживаете ли лозунг «Россия для русских», 14% респондентов ответили, что «определенно поддерживают» и 38% «скорее поддерживают», т. е. 52% от общего количества опрошенных благосклонно относятся к данному лозунгу. Еще более впечатляющая картина массовых этнических фобий среди этнического большинства предстает при анализе ответов на вопрос: «Как вы думаете, представляют ли сейчас угрозу безопасности России люди нерусских национальностей, проживающие в России?». На данный вопрос примерно 80,4% опрошенных ответили утвердительно [3].

Эксперты по изучению межнациональных конфликтов считают, что национальный вопрос встал так остро из-за того, что в России государственная национальная политика недостаточно эффективна. Основные факторы напряженности – это неконтролируемая миграция, распространение радикального ислама, социально-экономическая депрессия, высокий уровень коррупции и бедность в некоторых национальных республиках. Аналитики называют также угрожающей политику Китая. На фоне массовой миграции подданных Китая возникает много конфликтов из-за негативного отношения россиян к приезжим.

Как показывают итоги социологических опросов и экспертные оценки, ситуация в плане межнациональных отношений в современной России далеко не идеальна. При этом важно отметить, что уровень этнических страхов, фобий среди русской молодежи выше, чем у лиц старшего возраста.

Возникает закономерный вопрос, как органы власти на местах должны строить систему отношений с этническими сообществами?

Для профилактики и предотвращения межнациональных конфликтов в России, как на государственном, так и на уровне общественных организаций, реализуется комплекс мероприятий. Однако, как показывает практика, эти меры недостаточны. Исходя из реалий сегодняшнего дня, представляется, что политика муниципальных властей в решении данного вопроса может иметь следующие возможные стратегии.

Одной из них является политика изоляционизма. Ее логика проста – надо остановить процесс миграции, в идеале свести к нулю. История показала, что это возможно в тоталитарном обществе и в полной изоляции от внешнего мира, но этот путь является тупиковым и для современной России вряд ли возможным.

Противоположная стратегия – не замечать проблему, «равнодушие к ней, запоздалая реакция на свершившиеся факты. В последние годы такая стратегия демонстрировалась довольно часто. Так, после паники начала 90-х годов прошлого столетия упало внимание к проблеме китайской миграции» [2, с. 133]. Причины подобного успокоения понятны, поскольку поток мигрантов из Китая существенно уменьшился и приобрел более цивилизованный характер, в обществе произошло привыкание к данному феномену, совместными усилиями общества и властей были решены наиболее острые проблемы, связанные с неконтролируемой миграцией.

Однако миграционный поток из других регионов, особенно из Средней Азии, в последнее время усилился. В связи с этим возникает весьма серьезная проблема, требующая незамедлительного реагирования и решения: что делать в условиях новой массовой волны, которая уже идет?

Следующий вариант стратегии это – управление процессом. Этот вариант «строится на реалистичном понимании того, что процесс внешних миграций неизбежен, более того, наверное, даже необходим в качестве инструмента развития региона. Но он сопровождается массой рисков, к которым надо заранее готовиться» [2, с. 134].

На уровне муниципалитета стратегия предупреждения и разрешения межнациональных конфликтов может включать в себя: «постоянный мониторинг процесса; создание комплексной системы социокультурной адаптации, аккультурации, иногда ассимиляции мигрантов и их детей; создание механизма натурализации, которая могла бы стать инструментом воспитания лояльного и законопослушного жителя» [2, с. 134], возможно, будущего гражданина России; жесткая борьба с нарушителями российского законодательства; эффективная защита гражданских и трудовых прав трудовых мигрантов; максимально возможная легализация труда мигрантов, что позволит «контролировать ситуацию, собирать налоги, сводить масштабы криминальности иммигрантских сообществ к социально приемлемому уровню; адаптация самого принимающего общества к новой миграционной ситуации и ее глобальным последствиям» [2, с. 134].

Представляется, что для реализации стратегии управления миграционными процессами на уровне муниципалитетов необходимы действенные шаги, управленческие решения. Таких мероприятий множество, и считаем, что их реализация на практике может существенно снизить остроту противоречий, возникших во взаимоотношениях с этническими сообществами и служить неким индикатором для оценки эффективности проводимой работы по предупреждению и предотвращению межнациональных конфликтов в современной России. Итак, предлагаемые мероприятия следующие: проводить постоянный мониторинг ситуации по выявлению причин возникновения межнациональных конфликтов и обострения межэтнической ситуации на местах; содействовать этническим сообществам в разработке документации и создании этнических общественных объединений, национально-культурных центров; активизировать работу администрации муниципального образования с руководством этнических

сообществ, проживающих на территории района, города (в качестве конкретного шага по реализации данного предложения можно рассмотреть возможность создания комитета/совета, состоящего из представителей этнических сообществ при главах администраций муниципалитетов, организации встреч руководителей различных служб района, города с представителями сообществ на регулярной основе и т. п.); в целях предупреждения межэтнических конфликтов необходимо на «местах разрабатывать программы этнического развития с целенаправленными управленческими решениями в социально-экономической, правовой и культурно-духовной сферах» [4]; должны быть созданы условия для активного участия этнических групп в общественной жизни и самоуправлении; необходимо сделать акцент на культурные мероприятия, которые должны быть нацелены не на демонстрацию различий культур, а на то, чтобы показать общность интересов жителей данной территории на основе универсальности общечеловеческих ценностей. На эти мероприятия нужно привлекать средства массовой информации, необходимо задействовать территориальную прессу; в многонациональных районах, городах необходимо совместно с правоохранительными органами организовать народные дружины с участием представителей диаспор для поддержания общественного порядка; строго контролировать процедуры приобретения представителями этнических сообществ в собственность объектов недвижимости и земельных участков на предмет их неукоснительного соответствия действующему законодательству РФ; в местных СМИ всесторонне освещать межэтнические проблемы и опыт их решения в других регионах страны и мира; не допустить «формирования негативных этнических стереотипов средствами массовой информации (утверждение принципа «коллективной ответственности» по отношению к нерусским народам; использование унижительных ярлыков и оскорбительных высказываний в адрес представителей нерусских национальностей; манипуляция общественным мнением при помощи известного приема «презумпции виновности» [4]; рассмотреть возможность кадрового представительства из этнических групп в структурах муниципальной власти.

В качестве важного аспекта вопроса необходимо также отметить, что в урегулировании межэтнических проблем главное – не создание различных общественных и управленческих структур, а подбор кадров. Этническими и религиозными проблемами должны заниматься люди, профессионально подготовленные к серьезной аналитической, правовой деятельности в этой области. Это должны быть специалисты, способные не только реагировать на происходящее, но и прогнозировать развитие событий. В этом отношении региональная и муниципальная власти должны стремиться к налаживанию сотрудничества с академической средой, проявить заботу о подготовке соответствующих специалистов в лучших высших учебных заведениях страны.

Усилия региональной и муниципальной властей окажутся напрасными, если не будут объединены усилия властей, системы образования, институтов гражданского общества. Совместная работа власти, образовательной системы и институтов гражданского общества должна быть ориентирована на организацию и проведение мероприятий по привитию уважительного отношения со стороны мигрантов к местным традициям, с одной стороны, и воспитанию уважения к мигрантам со стороны местного населения, с другой. Немаловажная роль в этом процессе должна быть отведена и СМИ по распространению идей

терпимости и уважения. Должны получить поддержку и помощь со стороны властей различные просветительские движения, которые в своей деятельности приоритетным будут считать укрепление межнационального диалога, распространение знаний о культуре России среди мигрантов, и их культуры среди россиян, распространение правовых знаний среди мигрантов и коренного населения.

1. Волох О.В. Основные тенденции развития образования в современном мире // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 2–2 (14). С. 25–29.

2. Дятлов В. Миграция, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / редкол.: В.И. Дятлов, С.А. Панарин, М.Я. Рожанский. М.; Иркутск: Наталис 2005. с. 95–137.

3. Левада-Центр: Пресс-выпуск «Национализм, ксенофобия и миграция» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya>.

4. Хоперская Л. Управление этническими сообществами в ростовской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/346/70836.php#1>.

5. Merkel Walks a Tightrope on German Immigration // Time World, 21. 10. 2010. the Guardian, 17.10.2010.

6. PM's speech at Munich Security Conference [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference.

7. Sarkozy sur TF1 pour reconquerir l'opinion – Politique – TF1 News. 10.02.2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.france24.com/en/20110210-multiculturalism-failed-immigration-sarkozy-live-broadcast-tf1-france-public-questions>.

References

1. Volox O.V. Osnovnye tendencii razvitiya obrazovaniya v sovremennom mire // Nacional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie. 2016. № 2–2 (14). S. 25–29.

2. Dyatlov V. Migraciya, migranty, «novye diaspory»: faktor stabil'nosti i konflikta v regione // Bajkal'skaya Sibir': iz chego skladyvaetsya stabil'nost' / redkol.: V.I. Dyatlov, S.A. Panarin, M.Ya. Rozhanskij. M.; Irkutsk: Natalis 2005. s. 95–137.

3. Levada-Centr: Press-vypusk «Nacionalizm, ksenofobiya i migraciya» [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya>.

4. Xoperskaya L. Upravlenie e'tnicheskimi soobshhestvami v rostovskoj oblasti [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.pandia.ru/text/77/346/70836.php#1>.

5. Merkel Walks a Tightrope on German Immigration // Time World, 21. 10. 2010. the Guardian, 17.10.2010.

6. PM's speech at Munich Security Conference [Electronic resource]. Rezhim dostupa: www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference.

7. Sarkozy sur TF1 pour reconquerir l'opinion – Politique – TF1 News. 10.02.2011 [Electronic resource]. Rezhim dostupa: <http://www.france24.com/en/20110210-multiculturalism-failed-immigration-sarkozy-live-broadcast-tf1-france-public-questions>.

UDC 325.1

INTERNATIONAL RELATIONS IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS AND DECISION WAYS

Blagodatskikh Vladimir Gurjanovich,

Ural State Economic University,
Head of History and Philosophy department,
Doctor of historical sciences, the senior lecturer,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: profkom@usue.ru

Kerimov Alexander Alievich,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Candidate of political sciences, the senior lecturer,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: kerimov68@mail.ru

Annotation

In the context of globalization actualizing problems of interethnic and interfaith relations requires close attention from the state and society. Failure to respond to these problems and negative attitudes towards migrants tend to become nationalist, which is fraught with more serious consequences. To solve the existing problems, it is true to the intensification of activities of local authorities, development and implementation of measures to promote tolerance in society, creating an atmosphere of friendly relations with the local population towards migrants, representatives of different nationalities, who on their part should adopt the prevailing value system of the society and to comply with the laws.

Key concepts:

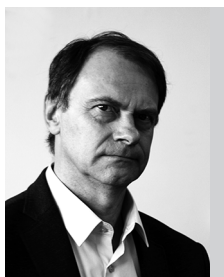
inter-ethnic and inter-confessional relations, tolerance, migration, social and cultural environment, cultural identity, ethnic community.

УДК 128:165.9

УЧЕНЫЙ В ПОЛИТАРНОМ СОЦИУМЕ: СОПРЯЖЕННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И СМЫСЛОЖИЗНЕННОГО ДИСКУРСА

Васечко Вячеслав Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Аннотация

При всей уникальности, индивидуальной окрашенности и неповторимости жизненного опыта каждого отдельного ученого процесс поиска им жизненного смысла вполне может быть предметом полноценного категориального философско-научного изучения. Общие социальные условия, характеризующие статус той или иной профессии, определяют сходство и персонального экзистенциального дискурса, и используемых разными индивидами методов, и получаемых результатов. Существенно общие черты между положением профессиональных ученых в политарных социумах (Древние Египет и Вавилон, древние и средневековые Индия и Китай, средневековые арабо-мусульманские государства) дают достаточные основания для сравнения постановки и решения вопросов о цели и смысле жизни людьми, разделенными тысячами километров, сотнями лет, равно как и политическими, языковыми, религиозными и прочими барьерами.

Ключевые понятия:

политаризм, ученый, профессиональный дискурс, смысложизненный дискурс, Омар Хайям.

---

*О, если бы познать, кто я! Хотя бы раз
Постигнуть, для чего скитаюсь я сейчас?
Спокойно зажил бы, отраду обретя,
А нет – заплакал бы я тысячами глаз.*

Абу Али ибн Сина [1]

Вряд ли стоит оспаривать тот тезис, что занятия естественными науками (включая математику, без активного использования методов которой серьезное познание природы невозможно) и размышления о смысле и предназначении собственного персонального Я – это достаточно различные виды деятельности. Уже то, что первое – удел весьма немногочисленных и увлеченных профессионалов, а второе так или иначе затрагивает любого мало-мальски мыслящего индивида, делает эти формы познания предметами разных и зачастую мало склонных к диалогу отраслей философско-научной рефлексии. И все же, поскольку дело в обоих случаях касается именно деятельности *познавательной*, и поскольку последняя может совершаться *одним и тем же субъектом*, выяснение ее специфики, на наш взгляд, представляет немалый философский интерес.

Для профессионального ученого, занятого раскрытием тайн мироздания, рано или поздно встает вопрос о его личном, уникальном месте в складываемой им и его коллегами и предстающей его умственному взору картине. При этом, делая объектом познания самого себя, ученый, естественно, не перестает быть ученым, и потому его персональный и незаемный смысложизненный дискурс будет, в известном отношении, частью и продолжением дискурса профессионального. Те качества, которые определяют его принадлежность к цеху научных работников, никуда не исчезают, если он по каким-то причинам заинтересовывается самим собой. Критичное отношение к используемой информации (откуда бы она ни исходила), проверка ее и перепроверка, стремление опираться на твердую эмпирическую базу, рационально-логическое ее осмысление, обнаружение и разрешение противоречий и парадоксов, – это и многое другое из того, что характеризует его как профессионала и определяет формы и стиль его мышления, остается при нем и тогда, когда от поиска смыслов и причин феноменов внешнего мира он обращается к проблеме собственного бытия среди исследуемых им феноменов.

Хотя личный опыт человека (бытовой, коммуникативный, гендерный, религиозный и всякий иной, включая, разумеется, и профессиональный), как и тот дискурс, посредством которого он осмысливается, всегда сохраняют черты индивидуальности и неповторимости, сходство объективных факторов, влияющих на разных индивидов, позволяет генерализировать и этот опыт, и этот дискурс. Благодаря близости социальных условий и общности социальных функций, которые выполняют люди, разделенные пространством и временем, языковыми, конфессиональными, государственными и прочими барьерами, оказывается возможным вести речь об общем направлении ведущихся ими экзистенциальных поисков, о сходстве используемых ими здесь методов и получаемых результатов. А материалом, на базе которого выполняется указанная выше генерализация, становятся тексты биографического и автобиографического характера, равно как и тексты сугубо научные, в которых личность автора также не могла не проявиться, пусть и делал он это в формате и с учетом специальных норм профессионального дискурса.

Наш анализ будет более конкретным и продуктивным, если мы более или менее строго очертим границы и признаки тех социумов, в которых выпадает жить и действовать человеку, который, как выразился Омар Хайям, «познание сделал своим ремеслом». Так, весьма аналогичными оказываются условия, в которые ставят первых профессионалов «от науки» новорожденные цивилизации.

Общность экономического, социального и политического строя, существовавшего на огромной территории в течение тысячелетий, логично потребовала отражения ее в определенных концептах, каждый из которых оказывался в той или иной степени ущербным: «азиатский способ производства» К. Маркса [15; 16] (а как быть с Египтом или доколумбовыми цивилизациями Америки?), «гидравлическое общество», или «ирригационная империя» К. Виттфогеля [9, с. 54; 12, с. 15–17] (но ведь не повсеместно имела здесь место высокотехнологичная ирригация – в крито-минойской, например, культуре или у тех же ацтеков и инков!), «олимпийская культура» М.К. Петрова [20] (особенности религии одного из социумов такого типа здесь могут экстраполироваться на все остальные, и порой рискованно), «традиционное общество» (стирается разница между цивилизацией и первобытностью), «дворцовые цивилизации», «речные цивилизации» и т. д.

Думается, более предпочтительными следует считать термины, подчеркивающие доминирующую роль в функционировании данных социумов *государственно-бюрократического аппарата*, независимо от его отношения к технико-экономическому базису, религиозной догматике или чему-либо еще. Например, «этатизм», или «этакратизм» (от фр. État – «государство») (он же «statism» в англоязычных текстах) [4], «политарный способ производства» (от др. – греч. «полития» – то же государство) – с уточнением, что под «политаристами» следует разуметь чиновников-бюрократов, а под «политархом» – стоящего в их главе правителя-самодержца [27, с. 52–58]. Последним термином мы в дальнейшем и будем пользоваться, не забывая, конечно, что элементы политаризма (=этатизма) можно обнаружить и в современных социумах, даже самых просвещенных и продвинутых. В качестве наиболее типичных социальных систем такого типа будут рассматриваться Древние Египет и Междуречье, древние и средневековые Индия и Китай, а также средневековые государства мусульманского Ближнего и Среднего Востока.

Очевидно, что прото- и новорожденная наука в собственном смысле (если под этим понимать регулярные и систематические наблюдения за явлениями природы и первые попытки их обобщений и предсказаний на базе математических вычислений) находится под жестким государственным контролем и потому весьма уязвима: как только прекращается «государственный заказ» для той или иной ее области или, тем паче, она попадает в опалу, происходит достаточно быстрая ее деградация. Тем не менее, если вести отсчет профессиональной научной деятельности с занятий жрецов при дворах первых месопотамских царей и египетских фараонов, на протяжении, как минимум, четырех тысячелетий ее традиция не прерывалась, продолжая пусть и медленно, и с многочисленными случаями утраты уже полученного знания, но все-таки развиваться. Потребность политарного социума в знатоках и профессионалах может существенно меняться даже при простой смене первого лица в государстве, будучи зависимой от его предрассудков, прихотей и привычек, но она никогда не исчезает. И хотя далеко не каждого из этих корифеев можно считать подлинным ученым, ибо большинство их ограничивается ролью хранителей и толкователей готового и ранее известного знания, но именно среди этой когорты появляются те, кто способен на прорыв, способен сделать шаг вперед и обогатить копилку знаний человечества чем-то качественно новым.

При дворе каждого политарха (или «восточного деспота» в терминологии Виттфогеля) образуется компания интеллектуалов, которые ценятся не за их административные таланты, а за те их знания, которые слишком сложны и мало понятны как для остальных вельмож, так и для самого правителя. При дворах китайских императоров и владетельных особ формируется штат людей, которые выполняют одновременно функции алхимиков, магов и астрологов и становятся носителями протонаучного, а затем и собственно научного знания [28, с. 120]. В эпоху Чжаньго (403–221 гг. до н. э.) «правительство использует и направляет деятельность геомантиков, прорицателей, астрологов, географов, математиков и врачей. Записи их первых наблюдений вырезаются на кости» (30, с. 173). Персидские цари, чтобы решить, когда именно добавить в календарь тринадцатый месяц, заблаговременно собирают с разных концов страны «вычислителей, книжников, передатчиков преданий, рассказчиков» и т. д., тратя на их содержание немалые государственные средства [3, с. 58–59]. В Египте при трех Птолемеях эта компания придворных академиков выглядит так: «филологи («грамматики»), историки, географы, математики, астрономы, философы, поэты» [5, с. 276]. В XII веке в Средней Азии мы обнаруживаем аналогичную картину: ученый, если он не был состоятельным человеком, мог регулярно заниматься наукой, лишь занимая при дворе правителя одну из четырех должностей – дабира (секретаря), поэта, астролога или врача [18, с. 32].

Для того чтобы решить проблему, непосредственно волнующую лично его, ученому поневоле приходится заниматься многими вещами, имеющими мало общего с наукой: изыскивать материальные и технические средства, находить контакт с правителем и с другими влиятельными персонами, участвовать в придворных интригах, воевать с конкурентами, среди которых нередко оказываются собратья по профессии, и т. п. Наука требует жертв, и они порой оказываются настолько чрезмерными, что ученый вслед за Хайямом готов отказаться от всех сомнительных прелестей придворной жизни:

*Лучше власть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сладями
За столом у мерзавцев, имеющих власть [19, руб. 21].*

Причем и сам отказ от государственной службы может быть истолкован как измена со всеми вытекающими отсюда последствиями, о чем свидетельствует судьба двух ученых братьев-отшельников, которых правитель царства Ци (о чем с одобрением рассказывает легист Хань Фэй-цзы в XXXIV главе своего трактата) приказал убить, поскольку: 1) их нельзя использовать; 2) на них невозможно подействовать наградами и наказаниями; 3) они неверны ему, так как не хотят служить [26, с. 90]. Или участь Хуа То, выдающегося врача эпохи Троецарствия (II–III вв.), вылечившего деспота Цао Цао от сильной головной боли и казненного своим пациентом за отказ остаться у него на службе [30, с. 201].

Очевидно, что ученый, работающий в этагистском социуме, ставит во главу угла раскрытие тайн Природы как физической реальности (решая попутно математические проблемы, что может выступать для него как самоцелью, так и средством при выполнении заказов других естественнонаучных дисциплин –

чаще всего астрономии). Однако в своем смысложизненном дискурсе он не может не соотносить свою деятельность с тем, чем заняты другие люди: чтобы понять самого себя и разобраться в своем Я, ему необходимо определиться и с тем, какова социальная роль той сравнительно немногочисленной профессии, к которой он себя относит. Идентификация себя как личности не может состояться без идентификации себя как представителя корпорации ученых.

История свидетельствует, что этот процесс нередко происходит весьма болезненно. Общество, волю которого в условиях политаризма обычно олицетворяет правящий самодержец и его фавориты, порой, просто не может оценить ученого даже с вещественной, прагматической точки зрения. Оно может зарывать в землю лучшие свои таланты (порой, делая это в буквальном смысле, как Цинь Шихуан, распорядившийся закопать живьем 460 ученых, не угодивших лично ему [11]). Оно в лице своих владык-политархов ведет себя подобно Ликургу, изгнавшему из Спарты «бесполезные и лишние ремесла» [21, с. 100] или деспоту из «Книги правителя области Шан», который убежден, что «Образование ведет <...> к тому, что страна беднеет и армия ослабевает», и обеспокоен тем, что в государстве расплодятся бесполезные паразиты, к числу которых он относит всех, не занятых физическим трудом и военным делом [10, с. 151; 23, с. 50–52]. Оно не протестует (открыто, во всяком случае) против таких, например, акций, как закрытие византийским императором Юстинианом в 529 году просуществовавшей девять веков Афинской академии (как «языческой мерзости») и издание им закона «Относительно математиков, звездочётов, предсказателей, и подобных им злодеев» [31; 5, с. 454], который уравнивал, по сути, всех ученых с обычными астрологами-шарлатанами и ставил их вне закона.

Но и откровенно потребительское отношение к его труду вряд ли дает индивиду, если он критичен, последователен и обладает высокой самооценкой, достаточный психологический комфорт (подробнее об этом: [6]). Ибо сознание того, что он приносит своей стране, обществу и правителям некоторую пользу (или, во всяком случае, то, что они *считают* пользой), не избавляет его от потребности в личном смысложизненном самоопределении.

Отрезвляющим фактором для ученого может стать и неадекватная оценка его открытия теми, кто, казалось бы, по роду своей деятельности должен был это сделать – коллегами, работающими в той же области, что и он. История политаризма показывает, что эвристический потенциал теории, слишком опередившей свое время, оказывается недоступным современникам ее автора и даже последующим поколениям ученых. Такая теория исчезает из научного дискурса и, как следствие, из универсума культуры вообще, в лучшем случае сохраняясь в виде не востребуемых текстов и дожидаясь своего переоткрытия. Как указывает Ван-дер-Варден, исключительно зрелые и глубокие идеи Архимеда и александрийских математиков эпохи эллинизма, увы, не нашли продолжения у их потомков, а их труды были либо утеряны, либо считались необычайно трудными и большей частью не читались [5, с. 358–359]. В Китае не получали должного признания и развития не только некоторые прогрессивные математические новшества, заимствованные у индийцев и арабов [2, с. 74], но и многие идеи своих земляков, живших несколькими веками ранее: «Китайские математики, обрабатывая древние и средневековые тексты, сами обнаруживали

неожиданно для себя удивительные результаты, полученные их предками» [2, с. 3]. А ученые арабо-мусульманского Востока при всем своем уважении к такому гению-универсалисту XI века, как Бируни, не смогли оценить по достоинству ни его теорию картографической проекции [22, с. 208], ни его фундаментальное медицинское сочинение «Фармакогнозия» [22, с. 237], ни его математические идеи, относящиеся к общим свойствам функциональных зависимостей и методам их исследования [22, с. 83–84].

Только *антиутилитарная* установка позволяет ученому эмансипироваться от давления социального окружения и не превратить себя в орудие в чужих руках, из которого стремятся выжать все, что возможно, и которое выбрасывают, когда не знают, что с ним делать дальше. Благодаря этой установке он выправляет и уточняет вектор своей экзистенциальной работы, не теряя, однако, способности и вкуса к своей профессиональной деятельности.

То, что интерес к собственной личности отнюдь не лишает интеллектуала интереса ко всему, что есть вне и помимо нее, может быть наглядно проиллюстрировано парой примеров. В китайской культуре, например, нет учения более индивидуалистического, чем даосизм. Ранний даос Ян Чжу (V–IV вв. до н.э.) прославился своим отказом помочь миру хотя бы одним своим волоском [13, с. 370]. Пафос классического трактата «Чжуан-цзы» (IV–III вв. до н.э.) – отрицание утилитарного подхода к вещам, будь это человек, животные, неодушевленные предметы или даже мысли. «Все знают пользу полезного, но никто не знает пользы бесполезного» [29, с. 86]. «Лишь когда понята бесполезность мысли, можно постичь ее предназначение», «Вещи ценятся не за то, что они есть, а за то, что их нет» [14, с. 81, 179], – констатирует Чжуан-цзы. Всё в мире самодостаточно и самобытно: «Я существую сам по себе, другие таковы сами по себе» [14, с. 166], – поясняет комментатор Чжуан-цзы Го Сян (252–312). И такие радикальные максимы не могли не возмущать практически ориентированных ученых мужей типа Сюнь-цзы, для которого Чжуан-цзы не более как «скользящий говорун», или Сыма Цянь, назвавший его книгу «пустыми речами, оторванными от действительности» [14, с. 286–287].

При всем этом даосская философия, как отмечают современные исследователи, превосходно уживалась с различными видами практического знания (магия, медицина, политика, искусство, технология, этика) [14, с. 284; 7, с. 240–258]. И более того, по мнению такого авторитетного специалиста по китайской культуре, как Дж. Нидэм, именно влиянию даосских мудрецов Китай обязан своими многочисленными научными и техническими открытиями [24, с. 73–75; 25, с. 80–81; 8, с. 119–140]. Стремление даосов видеть вещи (и людей в том числе) такими, каковы они есть, а не под углом зрения того, что и как с них можно иметь, оказалось для науки (китайской, по крайней мере) более плодотворным, чем прагматизм иных традиционных школ, включая официальное конфуцианство.

Другой яркий пример – творчество Омара Хайяма, с которым в литературном дискурсе мало кто может сравниться в напряженности постановки экзистенциальных проблем и переживания остроты границы между жизнью и смертью. «Смысла в жизни ищи до конца своих лет» [19, руб. 35], пусть она и есть «краткосрочный кабальный заем» [19, руб. 137], «Для чего этот облик мне скульптором дан?» [19, руб. 113], «Для чего я родился на свет, если в мире все равно ничего изменить не могу?» [19, руб. 142], – эти и им подобные вопросы и сентенции

то и дело сочетаются с признанием тщетности собственных надежд и желаний, да и ценности занятий самой наукой («Смысла нету, поверь, в изученье наук!» [19, руб. 31], «Лживой книжной премудрости лучше бежать!» [19, руб. 201], «Все советы земных мудрецов – как вода...» [19, руб. 205]). Кажалось бы, эти два рода занятий – написание рубаи и сочинение математических и астрономических трактатов – настолько далеки друг от друга, что неудивительно бытовавшее долгое время в Европе заблуждение, будто существовало два совершенно разных Омара Хайяма – поэт и ученый [23, с. 7–8]. Однако при глубоком рассмотрении очевидно, что парадокс этот лишь кажущийся: перед нами – одна и та же личность, которая хоть и не может удовлетвориться полностью ни раскрытием тайн Природы (ибо видит, как решение той или иной проблемы неизбежно влечет за собой новые загадки), ни каким-то определенным ответом на свои вопрошания о цели и сути своей экзистенции, но при этом не может жить ни без того, ни без другого, тем не менее, продолжает свою старательную работу в обоих указанных направлениях.

1. Авиценна (Абу Али ибн Сина). Рубаи [Электронный ресурс] // URL: <http://avicenna-sina.narod.ru/rubai.html>.
2. Березкина Э.И. Математика Древнего Китая. – М.: КРАСАНД, 2010. – 312 с.
3. Бируни. Памятники минувших поколений // Бируни. Избранные произведения. Т.1. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 488 с.
4. Быченков В.М. Этанализм // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy.
5. Ван дер Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука: Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. – М.: URSS. 2010. – 458 с.
6. Васечко В.Ю. Утилитарность и сверхутилитарность как параметры экзистенциального самоопределения ученого в этатистском социуме // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 5–10.
7. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2001. 488 с.
8. Киктенко В.А. Историко-философская концепция Джозефа Нидэма: китайская наука и цивилизация. – Киев: НАН Украины; Институт востоковедения им. А. Крымского, 2008. 530 с.
9. Китайская философия: Энцикл. словарь. – М.: Мысль, 1994. 652 с.
10. Книга правителя области Шан. – М.: Ладомир, 1993. 392 с.
11. Конфуцианство [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Конфуцианство>.
12. Латов Ю.В. «Восточный деспотизм» К.А. Виттфогеля (к 50-летию «странной» книги) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 2. С. 8–37.
13. Ле-цзы // Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М.: Мысль, 1995. С. 285–392.
14. Малявин В.В. Чжуан-цзы. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд. «Наука», 1985. 310 с.
15. Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 9. С. 130–136.
16. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф.

Соч. 2 изд. Т. 13. С. 1–167.

17. Нейгебауер О. Точные науки в древности. – М.: УРСС, 2003. 240 с.
18. Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 173 с.
19. Омар Хайям. Рубайат в классическом переводе Германа Плисецкого [Электронный ресурс] // URL: http://bookz.ru/authors/haيام-omar/rubaiat_017/1-rubaiat-017.html.
20. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. 272 с.
21. Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1990. 592 с.
22. Розенфельд Б.А., Рожанская М.М., Соколовская З.К. Абу-р-Райхан ал-Бируни. 973–1048. – М.: УРСС, 2014. 272 с.
23. Розенфельд Б.А., Юшкевич Ю.П. Омар Хайям. – М.: Наука, 1965. – 192 с.
24. Рубин В.А. Идеология и культура древнего Китая (четыре силуэта) // Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1999. С. 8–76.
25. Рубин В.А. Концепция человека у Сюнь-цзы // Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае: Собрание трудов. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1999. С. 77–81.
26. Рубин В.А. Отшельничество в оценке ранних конфуцианцев и легистов // Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае: Собрание трудов. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1999. С. 88–92.
27. Семёнов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. – М.: УРСС, 2011. – 376 с.
28. Фигуровский Н.А. Химия в древнем Китае и ее влияние на развитие химических знаний в других странах // Из истории науки и техники Китая: Сб. статей / Под ред. И.В. Кузнецова (гл. ред.) и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 110–129.
29. Чжуан-цзы // Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М.: Мысль, 1995. С. 57–284.
30. Юар П. и Ван М. К изучению древней китайской медицины // Из истории науки и техники в странах Востока: Сб. статей. – Вып. III. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 171–217.
31. The Lost Greek Arts of Isopsephia, Gematria, and the Sacred Geometry Story. URL: <http://www.jesus8880.com/chapters/gematria/intro.htm>.

References

1. Avicenna (Abu Ali ibn Sina). Rubai [E'lektronnyj resurs] // URL: <http://avicenna-sina.narod.ru/rubai.html>.
2. Berezkina E'.I. Matematika Drevnego Kitaya. – М.: KRASAND, 2010. – 312 s.
3. Biruni. Pamyatniki minuvshix pokolenij // Biruni. Izbrannyye proizvedeniya. T.I. – Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1957. 488 s.
4. Bychenkov V.M. E'tatizm // Novaya filosofskaya e'nciklopediya [E'lektronnyj resurs] // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_

philosophy.

5. Van der Varden B.L. Probuzhdayushhayasya nauka: Matematika Drevnego Egipta, Vavilona i Grecii. – M.: URSS. 2010. – 458 s.

6. Vasechko V.Yu. Utilitarnost' i sverxutilitarnost' kak parametry e'kzistencial'nogo samoopredeleniya uchenogo v e'tatistskom sociume // Gumanitarnye i social'no-e'konomicheskie nauki. 2017. № 2. S. 5–10.

7. Vasil'ev L.S. Kul'ty, religii, tradicii v Kitae. – M.: Izd. firma «Vostochnaya literatura», 2001. 488 s.

8. Kiktenko V.A. Istoriko-filosofskaya koncepciya Dzhozefa Nide'ma: kitajskaya nauka i civilizaciya. – Kiev: NAN Ukrainy; Institut vostokovedeniya im. A. Krymskogo, 2008. 530 s.

9. Kitajskaya filosofiya: E'ncikl. slovar'. – M.: Mysl', 1994. 652 s.

10. Kniga pravatelya oblasti Shan. – M.: Lodomir, 1993. 392 s.

11. Konfucianstvo [E'lektronnyj resurs] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Konfucianstvo>.

12. Latov Yu.V. «Vostochnyj despotizm» K.A. Vittfogelya (k 50-letiyu «strannoj» knigi) // Istoriko-e'konomicheskie issledovaniya. 2007. T. 8. № 2. S. 8–37.

13. Le-czy // Chzhuan-czy. Le-czy. – M.: Mysl', 1995. S. 285–392.

14. Malyavin V.V. Chzhuan-czy. – M.: Gl. red. vost. lit. izd. «Nauka», 1985. 310 s.

15. Marks K. Britanskoe vladychestvo v Indii // Marks K., E'ngel's F. Soch. 2 izd. T. 9. S. 130–136.

16. Marks K. K kritike politicheskoy e'konomii // Marks K., E'ngel's F. Soch. 2 izd. T. 13. S. 1–167.

17. Nejgebauer O. Tochnye nauki v drevnosti. – M.: URSS, 2003. 240 s.

18. Nizami Aruzi Samarkandi. Sobranie redkostej, ili Chetyre besedy. – M.: Izd-vo vost. lit., 1963. – 173 s.

19. Omar Xajyam. Rubajat v klassicheskom perevode Germana Pliseckogo [E'lektronnyj resurs] // URL: http://bookz.ru/authors/haiam-omar/rubaiat_017/1-rubaiat_017.html.

20. Petrov M.K. Samosoznanie i nauchnoe tvorchestvo. – Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 1992. 272 s.

21. Plutarx. Izbrannye zhizneopisaniya: V 2 t. T. 1. – M.: Pravda, 1990. 592 s.

22. Rozenfel'd B.A., Rozhanskaya M.M., Sokolovskaya Z.K. Abu-r-Rajxan al-Biruni. 973–1048. – M.: URSS, 2014. 272 s.

23. Rozenfel'd B.A., Yushkevich Yu.P. Omar Xajyam. – M.: Nauka, 1965. – 192 s.

24. Rubin V.A. Ideologiya i kul'tura drevnego Kitaya (chetyre silue'ta) // Rubin V.A. Lichnost' i vlast' v drevnem Kitae. – M.: Izd. firma «Vostochnaya literatura», 1999. S. 8–76.

25. Rubin V.A. Koncepciya cheloveka u Syun'-czy // Rubin V.A. Lichnost' i vlast' v drevnem Kitae: Sobranie trudov. – M.: Izd. firma «Vostochnaya literatura», 1999. S. 77–81.

26. Rubin V.A. Otshel'nichestvo v ocenke rannix konfuciancev i legistov // Rubin V.A. Lichnost' i vlast' v drevnem Kitae: Sobranie trudov. – M.: Izd. firma «Vostochnaya literatura», 1999. S. 88–92.

27. Semyonov Yu.I. Politarnyj («aziatskij») sposob proizvodstva: sushhnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii. – M.: URSS, 2011. – 376 s.

28. Figurovskij N.A. Ximiya v drevnem Kitae i ee vliyanie na razvitie ximicheskix znaniy v drugix stranax // Iz istorii nauki i texniki Kitaya: Sb. statej / Pod red. I. V. Kuznecova (gl. red.) i dr. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. S. 110–129.

29. Chzhuan-czy // Chzhuan-czy. Le-czy. – M.: Mysl', 1995. S. 57–284.

30. Yuar P. i Van M. K izucheniyu drevnej kitajskoj mediciny // Iz istorii nauki i texniki v stranax Vostoka: Sb. statej. – Vyp. III. – M.: Izd-vo vost. lit., 1963. S. 171–217.

31. The Lost Greek Arts of Isopsephia, Gematria, and the Sacred Geometry Story. URL: <http://www.jesus8880.com/chapters/gematria/intro.htm>.

UDC 128:165.9

SCIENTIST IN THE POLITARY SOCIETY: RELATIONSHIP BETWEEN PROFESSIONAL AND MEANING-OF-LIFE DISCOURSE

Vasechko Vyacheslav Yur'evich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Leading Scientific Employee,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Annotation

Process of life meaning' search may well be the subject of full categorical philosophical-scientific study despite of all the uniqueness of individual color and originality of life experiences of each individual scientist. General social conditions that characterize the status of a profession, determine the similar processes of personal existential discourse, and methods used by different individuals, and results. There are on hand substantially similarities between professional scientists in politary societies (ancient Egypt and Babylon, ancient and medieval India and China, medieval Arab-Muslim States). They give reasonable grounds to compare raising and resolving questions about the purpose and meaning of life, which perform men separated by thousands of miles, hundreds of years, as well as political, linguistic, religious and other barriers.

Key concepts:

politarianism, scientist, professional discourse, meaning-of-life discourse, Omar Khayyam.

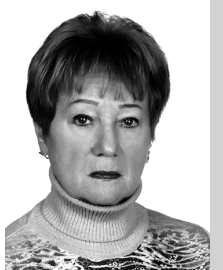
УДК 82.09:821.111-1

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Лушникова Галина Игоревна,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» в г. Ялте,
доктор филологических наук, профессор,
Ялта, Россия,
E-mail: lushgal@mail.ru

Синельникова Лара Николаевна,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» в г. Ялте,
доктор филологических наук, профессор,
Ялта, Россия,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Аннотация

Цель статьи – показать, как в стихотворном тексте взаимодействуют две силы интертекстуальных значений – сила отрицания и сила утверждения. На материале стихотворений современного английского поэта Энди Крофта показано, что амбивалентность актуализируется двумя видами интертекстуальности: эксплицитным отрицанием и имплицитным утверждением. Феномен «положительной отрицательности» подтверждает факт эволюции теории и практики интертекстуальности.

Ключевые понятия:

поэтический дискурс, амбивалентность, интертекстуальность, контрадикторность.

Введение

Термин «амбивалентность» происходит от латинских слов *ambo* – «оба» и *valentia* – «сила». Этимология едва ли не в полной мере соответствует замыслу авторов статьи: показать, как в стихотворном тексте взаимодействуют две силы интертекстуальных значений – сила отрицания и сила утверждения. Работа выполнена на материале стихотворений английского поэта и филолога Энди Крофта, включённых в сборник *Three Men on the Metro / Трое в метро* [14]. Этот стихотворный сборник представляет собой своеобразный дневник, в котором отражены впечатления трех английских поэтов: Энди Крофта, Била Герберта и Пауля Саммерса – о посещении ими Москвы в 2009 году. В центре их внимания оказалось Московское метро, его уникальная архитектура, история и современность. Однако в этих стихах не только и не столько описание известных станций и связанных с ними достопримечательностей, сколько представлен глубокий и, что особенно важно, осведомленный взгляд со стороны – взгляд иностранных гостей на русскую действительность, литературу, культуру, историю и современность. Приятно удивляет, а порой и просто поражает то, что авторы обнаруживают едва ли не энциклопедические знания произведений русских поэтов и писателей, исторических личностей, политических деятелей и рассматривают их в контексте мировой культуры, что представляет особый интерес в условиях характерного для нашего времени полилога культур. Диапазон интертекстуальности в стихотворениях названного сборника чрезвычайно широк как в географическом, так и во временном планах. Однако в фокусе нашего внимания не широта, а, главным образом, специфика интертекстуальности, которая заключается в ее амбивалентности – сближении-отталкивании, признании-отрицании, почтении-иронии.

Шесть цитат, служащих эпиграфами к сборнику (цитаты из произведений А.П. Чехова, В.В. Маяковского, О.Э. Мандельштама, Ф.М. Достоевского, Джерома К. Джерома, а также вынесенный в эпиграф афоризм), задают своеобразный камертон для совмещения признания-отрицания, а также настраивают на предстоящий диалог разных культур. Причем последняя цитата звучит ироничным отрицанием предшествующих цитат и даже всего содержания сборника: *“There will be no useful information in this book”* (Jerome K. Jerome, *Three Men on the Bummel*) / «В этой книге не будет никакой полезной информации» (Джером К. Джером, «Трое на четырех колесах»).

Термин «амбивалентность» был введен в научный оборот швейцарским психологом и психиатром Э. Блейлером и к настоящему времени превратился в метанаучное понятие, в пространстве которого разместились психологическая, социологическая, философская амбивалентности [10, с. 753–758]. В основе амбивалентности лежит модель «двойственности» – различий и слияния. Амбивалентности организует «движение мысли субъекта, в котором на основе синтеза восприятия взаимопроникают и взаимооталкиваются взаимоисключающие противоположности» [10, с. 753]. Для понимания действия принципа амбивалентности в поэтическом дискурсе важен компонент «синтез восприятия».

Антиномическая структура человеческого сознания закрепляется в структурах, которые разрешают противоречивость как сосуществование утверждения и отрицания, сказанного и подразумеваемого, желаемого и действительного, эмпирического и метафизического. К числу противоречивых (противоречивых) структур относятся парадокс, антитеза, оксюморон, парадокс Лжеца, парадокс Мура [11].

Интертекстуальная амбивалентность, о которой пойдёт речь, представляет собой одну из возможностей нарушать логические нормы и формировать в стихотворном тексте собственные различия и тождества. Взаимоисключающие суждения и оценки, инверсирование известного и нового, достоверного и вымышленного, физического и трансцендентного в поэзии воспринимается не как противоречие, а как взаимодействие «возможных миров», каждый из которых может претендовать на истинность.

Чередование взаимоисключающих интенций поэта укладывается в норму поэтического нарратива. Одновременность амбивалентных суждений и оценок в стихотворном тексте представляет собой специфическую разновидность постмодернистского игрового дискурса, под которым «понимается заложенная в нём установка на двух- или поливалентное прочтение, при котором автор таким образом манипулирует восприятием читателя, что тот нацелен на одновременное видение альтернативных возможностей прочтения (и интерпретации) как всего текста, так и отдельных его элементов» [7, с. 18].

Любой текст ориентирован на понимание. Текст, строящийся на противоречиях разного рода, – не исключение. «Парадокс – это истина, поставленная на голову, чтобы на неё обратили внимание» (Гильберт Честерсон). Это высказывание можно отнести ко всем видам противоречивости.

Специфика конструкций с «не» в поэтическом дискурсе

Язык философии и язык поэзии не просто движутся навстречу [1], но уже давно встретились, и в этой встрече отчётливо проявлена онтология противоречий на пути к новому знанию, в том числе в области форм и моделей интертекстуальности. Новые формы отрицания, средства концептуализации отрицания «не», другие форманты отрицания сближают философию и поэзию.

Противоречия связаны с диалектическим процессом познания, они заставляют задуматься о принципах ментальной деятельности субъекта речи. В логике невозможно одновременно отрицать и утверждать: совмещение «да» и «нет» нарушает требование непротиворечивости, не поддаётся процедуре верификации и создаёт семантические дефекты, затрудняющие понимание сказанного. В поэзии, как и в философии, отрицание не исключает возможность наличия.

Механизм отрицания в поэзии имеет свою логику, основывающуюся на личностных когнитивно-психологических установках автора. В большинстве стихотворений Энди Крофта используется формальное отрицание, причём, как правило, в сильных позициях текста – названиях и эпиграфах, но текст в его целостности не создаёт отрицательного семантического поля. Напротив, формальное отрицание переводится в актуализированное утверждение во многом благодаря инкорпорирующей интертекстуальности. Интертекстемами могут

быть имена собственные, образы, сюжетно-ритмические инновации авторов, знакомство с которыми первоначально (в начале стихотворения) категорически отрицалось. При этом антиномия такого рода не вызывает когнитивного диссонанса. Искренность в поэтическом дискурсе подчиняется презумпции правдивости и наоборот.

Исходная отрицательная конструкция, вступающая в псевдоконтрадикторные отношения с интертекстуальными включениями положительного свойства, оказывается сюжетообразующей. Поскольку приём организации стихотворения по формуле «отрицание / утверждение» многократно повторяется, происходит концептуализация семантики отрицания в пределах индивидуальной концептосферы поэта.

О размещении интертекстуальных отсылок в контексте неопределённости и предположительности

«Расшатывание» определённости – одна из когнитивных универсалий постмодернизма. Амбивалентность в организации стихотворного текста подрывает семантику определённости, заменяя её семантикой предположительности. Модальные слова со значением кажимости и вероятности в поэзии – это понятнейшие категории, устанавливающие статус имени, события и др. по отношению не к реальному положению вещей, а к «модусу сознания» поэта (англ. *modal prepositional attitudes* – модальные установки говорящего).

Семантика противительности в словах «против», «вопреки» (стихотворения Э. Крофта *Against the Current / Против течения, Against the Fingers of the Clock / Против часовой стрелки* и др.), а также семантика сомнения и предположительности в словах *probably, probably not / возможно, возможно не, unlikely / маловероятно*, по сути, выражают смягчённое противоречие и некатегорическое отрицание, что подтверждается содержанием текста. Показательны в этом отношении эпиграфы-пояснения к стихотворениям анализируемого автора:

from a lost play unlikely to be by Vladimir Mayakovsky / из потерянной пьесы, маловероятно написанной Владимиром Маяковским;

from a 1935 poster, words probably not by Demyan Bedny / из плаката 1935 года, слова, возможно, не Демьяна Бедного;

probably not by Victor Pelyevin / вероятно, не Виктора Пелевина.

Иногда встречаются и достаточно категорические отрицательные ремарки-пояснения:

Sergei Esenin did not write this / Сергей Есенин не писал этого.

from an unfinished sequence not by Anna Akhmatova / из неоконченного цикла, написанного не Анной Ахматовой.

not from Boris Pasternak's diary / не из дневника Бориса Пастернака.

author unknown, except that's not Yevgeny Yevtushenko / автор неизвестен, но это не Евгений Евтушенко.

Words not by Yevgeny Dolmatovsky / слова не Евгения Долматовского.

certainly not by Sergei Lukianenko / безусловно, не Сергея Лукьяненко.

definitely not by Lev Rubenstein / определено, не Лев Рубенштейн.

Интертекстуальные бриколажи

Бриколаж, по Клоду Леви-Строссу, – стадия развития мышления и науки [6, с. 126–130]. Поэтический дискурс подчинён индивидуальному бриколажу – неожиданному движению смыслов, которые поэт творит с помощью множества «подручных» средств, к числу которых относятся средства, проявляющие интертекстуальность. «Под руками» поэта находятся тексты (а вместе с ними и мысли) других авторов и других текстов. Бриколаж в рассматриваемом цикле стихотворений представляет собой конвергентный тип интертекстуальности по признаку наличия сквозных образов (*Москва, метро, путешественник, собака*). Через денотат обеспечивается связь с реальным миром (реальным текстом и поименованным автором), но интертекстуальные отсылки меняют положение вещей: предметное значение приобретает новые свойства и новые функциональные признаки по закону интертекстуальной инкорпорации. Происходит эволюция теории и практики интертекстуальности в контексте меняющихся парадигм [5, с. 54–63]. Есть основания полагать, что формы интертекстуальных связей-отсылок в стихотворениях Энди Крофта подтверждают процесс эволюции практики интертекстуальности.

Понимание закладываемых в стихотворение смыслов основывается на взаимоинтенциональности, то есть совместности действий автора и читателя: поэт выражает через языковые сигналы свои интертекстуальные предпочтения, читатель стремится их декодировать.

Концепт в значении *схватка, замысел* (от лат. *conceptus*) представляет собой единицу мыслительной деятельности, манифестируемую в семантической структуре текста. Основное место в анализируемом сборнике принадлежит концепту «Метро», что подтверждается названием сборника стихов – *Three Men on the Metro / Трое в метро*. Слова-репрезентанты концепта «Метро» присутствуют во многих стихотворениях, они участвуют в формировании индивидуальной концептосферы Энди Крофта, основывающейся на взаимодействии нескольких протекстов. О.Н. Хаками называет отношения такого типа *связью по принципу иррадиации* – «когда на возникновение текста оказывают влияние несколько прецедентных текстов» [13, с. 9].

Концепт «Метро» поддерживается множеством интертекстуальных отсылок. Так, упоминание имени Е. Долматовского (хотя и в отрицательной конструкции – *Words not by Yevgeny Dolmatovsky / слова не Евгения Долматовского*) в стихотворении *Three Men Build the Metro / Трое построили метро* не имеет текстовой поддержки, но вряд ли литературная память поэта могла дать «сбой»: у Е. Долматовского есть стихотворение «Ветерок в метро» и, главное, роман в стихах «Добровольцы» о строителях метро. Первое четверостишие романа (особенно последняя строка) представляет собой прецедентный текст как советской, так и постсоветской эпохи (нередко со сменой коннотации):

*Меня обступают друзья и подруги,
Без них не сумел бы вести я рассказ
О жизни и смерти, любви и разлуке,
О трудной эпохе, взлелеявшей нас.*

Можно предположить, что и эти строки знаменитого в советское время произведения были знакомы английскому поэту:

*Стоял у подъезда гостиницы старой
И вслед нам смотрел сквозь очки роговые
В квадратных штанах иностранец с сигарой,
Москву посетивший, должно быть, впервые.
Платком он протер окуляры от пыли.
«Зачем при невежестве и бедноте их
Весь город строительством разворотили?
Что выйдет из их большевистской затеи?»*

Конвергентные интертекстуальные связи организуют семантическое поле концепта «Москва». Присутствие московской темы отмечено практически во всех стихотворениях сборника: сборник посвящен Московскому метро, и ряд стихотворений имеет названия станций Московского метро – *Ploshad' Revolyutsiy / Площадь революции, Mayakovskaya / Маяковская, Taganskaya / Таганская* и другие. В стихотворениях присутствуют многочисленные московские реалии, названия известных достопримечательностей – памятников, парков, площадей, улиц и т. д. Достаточно часто употребляется прилагательное «московский»: *Moscow churches / Московские церкви, Moscow suburbs / Московские окраины, Moscow Golden Youth / Московская золотая молодежь, Moscow girls* и др. Название города в нескольких контекстах превращается в персонифицированное имя, как, например, в стихотворении *the Secret Moon / Тайная луна: old Mother Moscow / Старушка Москва*.

Активен в стихотворных текстах Энди Крофта интертекстуальный маркер «собака». Лексема *собака* присутствует в названии произведения Д. К. Джерома *Three Men on the Boat (To Say Nothing of the Dog) / Трое в лодке, не считая собаки*. Необходимо заметить, что более точным переводом фразы *to Say Nothing of the Dog* является вариант «не говоря уже о собаке», что, по сравнению с известным, привычным нам, и в общем хорошим переводом, в какой-то мере ставит «личность» собаки наравне или даже выше образов трёх героев-путешественников. Образ собаки присутствует во множестве стихотворений анализируемого сборника, что подтверждает квалификацию этого образа как интертекстуального бриколажа. Здесь и описание реальных собак, в частности, бездомных дворняжек, встречающихся у станций Московского метро, которые не могли не привлечь внимания английских путешественников, и упоминания собак, хозяевами которых были известные личности (в стихотворении *Like Corsairs / Как корсары* фигурирует собака Е. Евтушенко), и упоминание памятника собаке на станции метро Менделеевская, и рассказ о наших космических собаках (*cosmo dogs*) Белке и Стрелке, и вымышленные персонажи стихотворений (например, в стихотворении *Against the Current / Против течения: on deck are THREE MEN and a DOG / На палубе ТРОЕ и СОБАКА*, графическое маркирование заглавными буквами сигнализирует о значимости и импликационном потенциале данных лексических единиц; в стихотворении *the Tale of a Dog / Рассказ собаки: a large black dog / большая черная собака* и др.), и использование

имен и образов собак из прецедентных текстов мифов и художественных произведений мировой литературы: *Cerberus, Montmorency, Sharik* – кличка, которую автор поясняет, не оставляя сомнений в декодировании аллюзии: *the dog is none other than the hero of Bulgakov's 'The Heart of a Dog' / эта собака, ни кто иной, как герой романа Булгакова 'Собачье сердце'*.

В произведениях сборника мы встречаем лексему «собака» в приводимых автором пословицах: *dog eats dog / собака собаку ест*, русский аналог: *человек человеку волк*; в цитатах: *Dogs don't use metaphors (Ruth Padel) / Собаки не используют метафоры (Рут Падел)*; в разнообразных сравнительных оборотах: *they sprawled like dogs / они валялись как собаки, sleep like dogs / спали как собаки*; в метафорических конструкциях: *all history is here, reflected in the eyes of a pitiful dog / здесь вся история, отраженная в глазах жалкой собаки* (стихотворение *the long shadow / длинная тень*). Есть и примеры языковой игры с лексемой «собака»: поясняется анаграмма английского слова *dog – God / Бог*; обыгрывается омоним русского слова «собака», означающего знак электронной почты – @; несколько раз с доброй иронией используется русское слово «собака» в английской транскрипции – *sobachka*. Последний пример, наряду с другими транскрибированными вариантами русских слов – *malchik, pereulok, stantsia, piva, gdye, malako*, способствует созданию русского колорита, а также образов иностранцев, приехавших в Россию и прилежно старающихся произносить русские слова.

Значимой также оказывается отсылка к имени Виктора Пелевина. По мнению К. Фрумкина, «в такую эпоху Пелевин, исследующий сочетания миров, закономерен, как боевик про Ирак или Косово» [12]. *Собака* в произведениях В. Пелевина имеет принципиально важный для художественного мира писателя смысл и входит в число художественных универсалий – постоянных образов, позволяющих персонажам балансировать на грани между человеком и животным [3]. Образы животных в произведениях В. Пелевина представляют собой «вторую реальность» [8]. Показательно, что *собака* в произведениях В. Пелевина оказывается главной негативной фигурой. В «Священной книге оборотня» Генерал ФСБ Александр Серый был волком-оборотнем до тех пор, пока его не поцеловала волшебная китайская лиса. Поцелуй превратил его в «черную, совершенно уличную, даже какую-то беспризорно-помоечную собаку». Персонаж получает другое имя – Саша Чёрный и по поведению очень даже начал напоминать Сашу Белого из культового фильма «Бригада».

В стихотворении Э. Крофта *the Tale of a Dog / Рассказ собаки* с подзаголовком *probably not by Victor Pelyevin / вероятно, не Виктора Пелевина* собака является и автором-рассказчиком, что эксплицировано в его названии, и главным героем, причудливо сочетающим прообразы Шарика из романа М. Булгакова «Собачье сердце» и офицера ФСБ: *the dog is none other than the hero of Bulgakov's 'The Heart of a Dog', now an officer in FSB / эта собака – ни кто иной, как герой романа Булгакова 'Собачье сердце', ныне офицер ФСБ*. Кроме того, собака у Э. Крофта предстает сюрреалистическим двойником Сталина: *the dog bares its teeth and lights a Belomor. <...> Stalin bares his teeth and lights a Belomor. / Собака оскалила зубы и закурила Беломор. <...> Сталин оскалил зубы и закурил Беломор.*

Как видим, расцвет неомифологемы «собакалипсис» как в русской художественной культуре [2; 9], так и в зарубежной [4] может быть весьма существенно подтвержден творчеством английского поэта.

Заключение

Амбивалентность эксплицируется двумя видами интертекстуальности: формальным отрицанием и содержанием стихотворения, которое превращает отрицание в утверждение о значимости отрицаемого в картине мира поэта.

Несовместимость экзистенциальных векторов нейтрализуется явными и скрытыми интертекстуальными отсылками, которые способствуют снятию контраста и, соответственно, когнитивного диссонанса.

Подрыв семантики отрицания интертекстуальными отсылками к текстам можно квалифицировать как индивидуальный игровой и когнитивно тонкий приём, в результате применения которого читатель вовлекается в процесс интеллектуальной игры и ищет возможность разгадки её ходов. Отрицая, утверждаю – таков доминирующий когнитивный ход.

Сближение-отталкивание, признание-отрицание в поэзии английского поэта оказываются сюжетообразующими когнитивными моделями, в условиях которых мнимое отрицание концептуализируется, и авторский концепт отрицания теряет признаки антиномичности. Суггестивное отрицание в сильной позиции в процессе порождения текста становится фактом «положительной отрицательности».

Диапазон интертекстуальности свидетельствует о широте культурно-исторических знаний автора стихотворных текстов, что вызывает безусловное уважение. Э. Крофт использует такие аллюзивные знаки, которые направляют внимание на значимые характеристики социального и биографического времени, что свидетельствует о глубоком знакомстве английского поэта с особенностями русской художественной культуры и русской жизнью.

Позволим себе закончить статью философско-поэтической формулой *утверждающего отрицания*, которую мы усвоили в процессе знакомства с материалами сборника: состоявшаяся интерпретация, возможно, и не состоялась.

---

1. Азарова Н.М. Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст): монография. – М.: Логос/Гнозис, 2010. 496 с.

2. Десятов В. Собакалипис: неомифологема русской культуры // Ликбез. Литературный альманах. 2006. № 33 (рубрика «Для умных»).

3. Зарубина Д.Н. Универсалии в раннем романном творчестве В.О. Пелевина. Дисс. канд. филолог. наук. 10.01.01 – русская литература. Иваново, 2007. – 205 с.

4. Карпенко Е.И. Повествование о собаках как взаимодействие между людьми: Часть II. Современная литература // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание и литературоведение. Вып. 6 (717). Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. С. 267–276.

5. Кремнева А.В. Эволюция теории интертекстуальности в контексте меняющихся парадигм // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12. Вып. 1. С. 54–63.

6. Леви-Строс К. Неприрученная мысль // Первобытное мышление – М.: Республика, 1994. С. 126–130.

7. Люксембург А.М. Амбивалентность как свойство набоковской игро-

вой поэтики // Набоковский вестник. СПб., 1998. Вып. 1. С. 16–25.

8. Макеева К. Сайт «Творчество Виктора Пелевина». – Режим доступа: pelevin.nov.ru.

9. Немзер А. Хочешь быть животным – будь им. О романе Виктора Пелевина «Ампир В» // Время. № 230. 13.12.2006.

10. Рябова М.Э. Развитие представлений об амбивалентности в философии на рубеже XX–XXI веков // Вестник МГТУ. 2014. Т. 17. № 4. С. 753–758.

11. Синельникова Л.Н. Конtradикторные аномалии сквозь призму процесса вербализации. – Режим доступа: <http://experts.in.ua/baza/analytic/detail.php?ID=11225>.

12. Фрумкин К. Эпоха Пелевина. – Режим доступа: <http://kulturolog.narod.ru/pelevin.htm>.

13. Хаками О.Н. Русский поэтический интертекст в аспекте системных отношений: текстоцентрический и текстотипологический анализ. Автореф. дис. ... на соискание уч. степени кандидата филол. наук. – Минск, 2007. 22 с.

14. Croft A. Herbert W.N., Summers P. Three Men on the Metro. – Nottingham, Five Leaves Publications, 2009. – 121 p.

References

1. Azarova N.M. Yazyk filosofii i yazyk poe'zii – dvizhenie navstrechu (grammatika, leksika, tekst): monografiya. – M.: Logos/Gnoziz, 2010. 496 s.

2. Desyatov V. Sobakalipsis: neomifologema russkoj kul'tury // Likbez. Literaturnyj al'manax. 2006. № 33 (rubrika «Dlya umnyx»).

3. Žarubina D.N. Universalii v rannem romannom tvorčestve V.O. Pelevina. Diss. kand. filolog. nauk. 10.01.01 – russkaya literatura. Ivanovo, 2007. – 205 s.

4. Karpenko E.I. Povestvovanie o sobakax kak vzaimodejstvie mezhdru lyud'mi: Chast' II. Sovremennaya literatura // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. Yazykoznanie i literaturovedenie. Vyp. 6 (717). Diskurs kak social'naya deyatel'nost': priority i perspektivy. M.: FGBOU VPO MGLU, 2015. S. 267–276.

5. Kremneva A.V. E'voljucija teorii intertekstual'nosti v kontekste menyayushhixsya paradigm // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2014. T. 12. Vyp. 1. S. 54–63.

6. Levi-Stros K. Nepiruchennaya mysl' // Pervobytnoe myshlenie – M.: Respublika, 1994. S. 126–130.

7. Lyuksemburg A.M. Ambivalentnost' kak svojstvo nabokovskoj igrovoj poe'tiki // Nabokovskij vestnik. SPb., 1998. Vyp. 1. S. 16–25.

8. Makeeva K. Sajt «Tvorčestvo Viktora Pelevina» – Rezhim dostupa: pelevin.nov.ru.

9. Nemzer A. Xochesh' byt' zhivotnym – bud' im. O romane Viktora Pelevina «Ampir V» // Vremya. № 230. 13.12.2006.

10. Ryabova M.E'. Razvitie predstavlenij ob ambivalentnosti v filosofii na rubezhe XX–XXI vekov // Vestnik MGTU. 2014. T. 17. № 4. S. 753–758.

11. Sinel'nikova L.N. Kontradiktornye anomalii skvoz' prizmu processa

verbalizacii. – Rezhim dostupa: <http://experts.in.ua/baza/analitic/detail.php?ID=11225>.

12. Frumkin K. E'poxa Pelevina. – Rezhim dostupa: <http://kulturolog.narod.ru/pelevin.htm>.

13. Xakami O.N. Russkij poe'ticheskiy intertekst v aspekte sistemnyx otnoshenij: tekstocentricheskij i tekstotipologicheskij analiz. Avtoref. dis. ... na soiskanie uch. stepeni kandidata filol. nauk. – Minsk, 2007. 22 s.

14. Croft A. Herbert W.N., Summers P. Three Men on the Metro. – Nottingham, Five Leaves Publications, 2009. – 121 p.

UDC 82.09:821.111-1

AMBIVALENCE OF INTERTEXTUAL MEANINGS IN POETIC DISCOURSE

Lushnikova Galina Igorevna,

Humanitarian Pedagogical Academy (branch),
Crimean Federal University after V.I. Vernadsky,
PhD, professor,
Yalta, Russia,
E-mail: lushgal@mail.ru

Sinelnikova Lara Nikolaevna,

Humanitarian Pedagogical Academy (branch),
Crimean Federal University after V.I. Vernadsky,
PhD, professor,
Yalta, Russia,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Annotation

The goal of the article is to present the interrelation of the two opposite intertextual functions realized in poetic discourse – the function of negation and the function of acceptance. The analysis of A. Croft's poems proves that the ambivalence is manifested by two types of intertextuality: by explicit negation and implicit acceptance. This phenomenon of «positive negation» confirms the fact of evolution of the theory and practice of intrtextuality.

Key concepts:

poetic discourse, ambivalence, intertextuality, contradiction.

УДК 81.42

ТРАНСВЕРБАЛЬНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ЗНАКИ ДИСКУРСА ЭЛИТЫ В НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ

Островская Татьяна Александровна,

Адыгейский государственный университет,
доктор филологических наук, доцент,
Майкоп, Россия,
E-mail: ostrovska.t@mail.ru

Аннотация

Рассматриваются характеристики дискурсивной личности через призму её поведенческих моделей. Приводится определение трансвербального компонента дискурса и отмечается его важная роль при формировании дискурсивных практик. Делается вывод о том, что трансвербальные компоненты, формирующие дискурс элитарной личности, являются знаками деления на «своих – чужих» или намеренной подстройкой под чужой дискурс.

Ключевые понятия:

дискурс, элита, трансвербальный компонент, невербальное поведение.

Скрытые смыслы, проявляющиеся в непрямо́й коммуникации в дискурсе, играют доминирующую роль в успехе коммуникации. В совокупности они представляют собой сложные знаковые системы, основанные на социальных моделях мировосприятия. С одной стороны, это многослойные образования со всеми признаками знака, с другой стороны, это структуры, которые в силу того, что «считываются» комплексно всеми органами восприятия, трудно поддаются строгому структурному анализу, но представляют собой интересный материал для дискурсивного исследования, особенностью которого, в частности, являются достаточно большие текстовые фрагменты, поскольку только в значительном дискурсивном пространстве можно выделить социальные знаки дискурса.

Дискурсивная личность обладает рядом характеристик, которые ставят ее в особое положение по сравнению с языковой личностью и коммуникативной

личностью – это способность актуализировать не только вербальные, но и невербальные знаки дискурса, включая такие специфические, как некоммунитивные знаки поведенческих паттернов дискурсивной личности. В свою очередь, дискурсивная элитарная личность представляет собой индивидуум, обладающий всеми признаками, которые актуализируются набором дискурсообразующих концептов дискурса элиты [2, с. 95–96]. Дискурсивные практики элитарной личности реализуются как в производстве и потреблении текстов, так и через фоновые знания, т. е. через «прозрачные» или «непрозрачные» поведенческие модели (речевые и социальные). Необходимость рассмотрения семиотики элитарной личности в дискурсивном пространстве, в частности, обусловлена тем фактом, что некоторые дискурсообразующие концепты, например, «достоинство», «честь», «джентльменство» и пр., характерные для определенной макросоциальной группы, актуализируются в большей степени благодаря проявлению определенных поведенческих невербальных моделей, нежели через вербальное поведение.

К *трансвербальным компонентам* дискурса мы относим компоненты фонового, статического, информативного свойства, которые содержат значимые характеристики участников дискурса, которые необходимо учитывать при производстве дискурсивных практик, тактик речевого поведения, при выборе средств для обеспечения успешной коммуникации.

Среди поведенческих знаков политического дискурса выделяются ритуальные и неритуальные действия/события. К ритуальным действиям относятся различные регулярные события, например, ежегодные скачки в Аскоте в Великобритании, которые являются одновременно спортивным состязанием и светским раутом. Скачки в Аскоте – это демонстрация незыблемости английских традиций, которые воплощаются в определенном дресс-коде. Во избежание омассовления, снижения уровня аристократизма мероприятия с недавнего времени строго отслеживаются критерии дамских шляп (основание их должно быть не менее 10 сантиметров) и длины юбок у дам – строго ниже колена или длиннее. Джентльмены в Королевской ложе должны быть одеты во фрак или серый дневной сюртук и цилиндр. Похоже, что в Великобритании всячески, хотя бы внешне, сохраняются ритуалы, характерные для эпохи модерна, и концепт «люмпенизация элиты» проявляется не так явно, как в России.

Ещё один пример невербальных знаков («скрытые правила поведения») в британском дискурсе рассматривается на примере королевской семьи.

«Она (Марион Кроуфорд) провела с Елизаветой и Маргарет целых шестнадцать лет. Через три года после ухода она опубликовала книгу «Маленькие принцессы», посвященную жизни королевской семьи. <...> Впервые в истории Англии лицо, имевшее доступ к высочайшим персонам, посмело поделиться с публикой своими воспоминаниями. Кроуфи была заклеимлена предательницей, и при дворе с тех пор упоминают о ней было запрещено» [1, с. 51].

Этот отрывок иллюстрирует нарушение няней королевских детей одной из основных моделей трансвербального поведения элиты – закрытости.

Очевидно, что при должных усилиях речевое поведение, манеры можно завуалировать, скрыть. Трансвербальный компонент, воспринимаемый (и ана-

лизируемый) всеми органами чувств, является более точным индикатором принадлежности к тому или иному дискурсу.

Трансвербальный компонент дискурса элиты как знак деления на «своих – чужих» представлен в интервью Юрию Сапрыкину по поводу выхода в свет новой книги Т.Н. Толстой «Легкие миры». Например:

«– Вы пишете, что даже в текстах близких по духу людей иногда видите слово, из-за которого вся магия разрушается. Все сразу становится ненастоящим. Что это за слова, можете пример привести?»

– Не могу. Это очень индивидуально. Допустим, приходит к тебе подруга в гости. Чудесная любимая подруга, изящная, хорошо одетая, все одно к одному. Но на ней колготки с леопардовым принтом <...> Или на ней майка с Микки Маусом. То есть что-то такое, чего я о ней не знала, проявилось. На самом деле там нет хорошего и плохого. Там есть чужое, которое в твоём личном эстетическом мире прodelывает брешь. Ты понимаешь, что есть другие миры. А это довольно тяжёлая работа – присоединить кусок чуждого тебе мира» [4].

Пример подстройки под дискурс «своего парня» демонстрирует привычки бывшего премьер-министра Великобритании Гарольда Уилсона, члена лейбористской партии. Будучи «An academic and apparatchik by origin», что означает «ученый и кадровый чиновник» (наш, советско-российский вклад в английский язык, в котором это замечательное слово имеет смысл: бюрократ, помощник в политическом аппарате – Т.О.) по своему происхождению, Г. Уилсон представлял собой семиотическую дискурсивную личность (термин Л.Н. Синельниковой). Например:

«Одержимость Уилсона средствами массовой информации отражала еще одну его слабость – акцент на стиле. В 1963–1966 годах премьер-министр явно был главным достоянием лейбористов. Но постепенно это все больше превращалось во внешнюю презентацию – трубка, напускная простота выходца с севера Англии, ношение дождевика «Ганнекс»... Премьер-министр казался больше озабоченным манипулированием властью, чем задачами, на которые власть можно нацелить...» [5].

Вещные знаки, определяющие стиль и поведение премьер-министра, предназначены для того, чтобы создать дискурс не «чиновника высокого ранга и ученого», а «простого человека с Севера», который носит традиционный дождевик, курит трубку и пр.

Таким образом, трансвербальные компоненты, формирующие дискурс элитарной личности, являются знаками деления на «своих – чужих» или намеренной подстройкой под чужой дискурс. Дифференциация невербальных и трансвербальных компонентов в границах паралингвистики является целесообразной, поскольку данные компоненты обладают различным генезисом, разными принципами функционирования и взаимодействия с вербальной составляющей – вербальные и невербальные компоненты актуализируются непосредственно в процессе производства и потребления текста, в то время как трансвербальные компоненты носят континуумный характер, присутствуя в коммуникации преимущественно в виде фоновых и/или имплицитных знаний.

---

1. Брэдфорд, С. Елизавета II. Биография Ее Величества королевы / С. Брэдфорд; пер. с англ. Г. Чхартишвили. – М.: Вагриус: Захаров, 1998. – 544 с.

2. Островская, Т.А. Лингвосомиотика дискурса элиты: монография / Т.А. Островская. – Майкоп, 2015. – 306 с.

3. Синельникова, Л.Н. Размышления после конференции по дискурсологии XI Международной Интернет-конференции «Дискурсология: язык, культура, общество», 17–26 мая 2012 года [Электронный ресурс] / Л.Н. Синельникова. – Режим доступа: <http://www.science-community.org/ru/node/6655>.

4. Татьяна Толстая: «Мне интересно, какие в народе кварки» [Электронный ресурс] // Воздух. – Режим доступа: <http://vozduh.afisha.ru/books/tatyana-tolstaya-mne-interesno-kakie-v-narode-kvarki/>.

5. Morgan, K. United Kingdom: a comparative case study of labour prime ministers Attlee, Wilson, Callaghan and Blair? [Electronic resource] / K. Morgan // The Journal of Legislative Studies. – 2004. – Vol. 10, # 2–3. – P. 38–52. – Access mode: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/135723304200032220?mobileUi=0&journalCode=fjls20&>.

References

1. Bre'dford, S. Elizaveta II. Biografiya Ee Velichestva korolevy / S. Bre'dford; per. s angl. G. Chxartishvili. – М.: Vagrius: Zaxarov, 1998. – 544 s.

2. Ostrovskaya, T.A. Lingvosemiotika diskursa e'lity: monografiya / T.A. Ostrovskaya. – Майкоп, 2015. – 306 s.

3. Sinel'nikova, L.N. Razmyshleniya posle konferencii po diskursologii XI Mezhdunarodnoj Internet-konferencii «Diskursologiya: yazyk, kul'tura, obshhestvo», 17–26 maya 2012 goda [E'lektronnyj resurs] / L.N. Sinel'nikova. – Rezhim dostupa: <http://www.science-community.org/ru/node/6655>.

4. Tat'yana Tolstaya: «Mne interesno, kakie v narode kvarki» [E'lektronnyj resurs] // Vozdux. – Rezhim dostupa: <http://vozduh.afisha.ru/books/tatyana-tolstaya-mne-interesno-kakie-v-narode-kvarki/>.

5. Morgan, K. United Kingdom: a comparative case study of labour prime ministers Attlee, Wilson, Callaghan and Blair? [Electronic resource] / K. Morgan // The Journal of Legislative Studies. – 2004. – Vol. 10, # 2–3. – P. 38–52. – Access mode: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/135723304200032220?mobileUi=0&journalCode=fjls20&>.

UDC 81.42

TRANSVERBAL AND BEHAVIORAL SIGNS OF A DISCOURSE OF ELITE IN INDIRECT COMMUNICATIONS

Ostrovskaya Tatiana Alexandrovna,

Adyghe State University ,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Maikop, Russia,
E-mail: ostrovskaya.t@mail.ru

Annotation

The paper presents peculiar features of a discursive personality through their behavioral patterns. the definition of the trans-verbal discourse component and its important role in discursive practices are pointed out. the author comes to a conclusion that while forming elite discourse, trans-verbal components work either as “an us-them” division sign or are intended to be a fine tuning in other discourses.

Key concepts:

discourse, elite, trans-verbal component, non-verbal behavior.

УДК 81.1

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В РАБОТАХ Г. ПАВЛОВСКОГО, С. КОРДОНСКОГО, А. АУЗАНА (ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ). ЧАСТЬ I

Ореховский Петр Александрович,

Институт экономики РАН,
Финансовый университет
при правительстве Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Москва, Россия,
E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Аннотация

В статье представлен дискурсивный анализ работ известных российских учёных – обществоведов Г. Павловского, С. Кордонского, А. Аузана. Демонстрируется различия политологического, социологического и экономического дискурсов, рассматривающих одну и ту же тему, что делает крайне затруднительным взаимопонимание представителей различных гуманитарных дисциплин. Большинство экономических работ, связанных с исследованием институтов, в качестве неявной посылки используют политический гедонизм, что делает возможным количественное моделирование институциональных изменений.

Ключевые понятия:

дискурс, конструктивизм, власть-собственность, вертикальный контракт, политический гедонизм.

Необходимое введение

Формально результатами общественных наук являются тексты, которые призваны убедить читателей в истинности тех или иных выдвигаемых авторами концепций. Искусство убеждения – определение риторики, а своеобразная «организация», конструирование текста, представляющего область исследования,

является дискурсом. Анализ дискурса предполагает поиск ответов на следующие вопросы:

1. О чём эта история? Как указывает А. Кламер, «учёные... хотя бы понять основную линию повествования до того, как начнётся представление самой работы. «Так о чём же ваша история?» это стандартный и весьма оправданный вводный вопрос» [3, с. 194].

2. Какая аргументация используется для доказательства основного тезиса работы? Как определяет риторику Д. Макклоски: «Наука являет собой пример письма с намерением, намерением убедить остальных учёных, в частности, учёных экономистов. Изучение подобных текстов, нацеленных на убеждение, греки называли «риторикой»... Риторика, конечно, можно было бы назвать иначе – «словесное мастерство» или «исследование аргументации» [8, с. 7].

3. Как эта история сочетается с другими историями, в которых так или иначе раскрывается та же самая тема?

Следует оговориться, что в дискурсивном анализе нет критериев для выявления истинности или, напротив, неверности тех или иных концепций. Как указывает У. Сэмюэлс, здесь используется методологический плюрализм [13, с. 13–30], а истина выступает лишь как социальный конструкт. Дальнейшее изложение не предполагает оценок рассматриваемых работ в стиле «этот автор – прав, а этот – ошибается».

Россия как «клуб»

Работа Г.О. Павловского [11] имеет подзаголовок «словарь абстракций Кремля», поэтому текст в ней организован в алфавитном порядке, от «Безальтернативности» до «Ярославля». Здесь нет нарратива, некоего «сюжета», разворачивающегося от начала к концу изложения. Такой способ организации дискурса приводит к определённой произвольности в обсуждении центральной темы, которой является логика власти, логика её выстраивания, размышления и действия. Поскольку такая логика не определяется алфавитом, постольку вне зависимости от намерений самого Павловского его текст оказывается зашифрованным, и требует существенного труда по пониманию и «раскодированию».

Россию автор определяет через термин, заимствованный у программистов, «клуб» – работоспособную ошибку [11, с. 115]. Но в чём суть этой ошибки? Исторически она восходит к 1991 г., Беловежским соглашениям (раздел «Государственность»).

«Конец Советского Союза был сном фантазий. Осенью 1991 года показалось, что вот-вот сбудутся все фантазии сразу. Но что-то пошло не так. В момент оргазма, когда желания столь сильны, что их не формулируют, все вдруг исчезло. Вещи ушли с мест, и все то, что было гражданским порядком, перестало существовать. Приготовились было вступить в борьбу за то, что еще не потеряно. Но <...> государство ударило в спину, отказываясь гарантировать что бы то ни было. Эту операцию отсоединения живого существа от всех форм защиты жизни и следует считать истоком новой власти.

Рухнуло доверие, материализованное в институтах; рухнуло доверие к тем, с кем вместе боролся за будущую справедливую власть. Рухнули сбережения

во вкладах сберкасс. Испарились и деньги в матрасе. Рухнула возможность, потеряв работу, найти другую» [11, с. 29–30].

Кажется, ну и что здесь особенного? Социальные потрясения случались в разное время в разных странах, СССР. Россия – не первое и не последнее государство, подвергшееся распаду. Однако Павловский избегает характеристики событий начала 90-х гг. как «революции»¹, хотя это вполне соответствовало бы марксистскому пониманию данного термина. Ведь имели место смена форм собственности (приватизация), смена элит (во многом изменена схема управления страной, ликвидированы все союзные министерства и ведомства, включая Госплан СССР), возникла многопартийность, изменились формы политической организации и борьбы. Причём, такое понимание вписывается не только в марксизм, но и в современную теорию революций, развиваемую Дж. Голдстоуном, где смена форм собственности не является обязательным условием [2]. Павловский ещё раз поясняет свою позицию в заключении:

«Беловежские соглашения 1991 года определили границы России в их нынешнем виде. Но сами они – акт необычной власти, более чем самодержавной – **власти упразднить свое государство** (здесь и далее в цитатах – жирный шрифт и курсив автора, Г.П.).

Назовем такую власть Сверхсуверенитет. Воспользовался им только Ленин, и то единожды – в 1917 году, Сталин эту власть получил в готовом виде и систематизировал. Сила и слабость власти – в ее двойной легитимности. Сверхсуверенитет своевольно помыкает страной, поскольку одержим (часто искренне) своей глобальной задачей. Всегда – **«именем мировой цивилизации»**, но всегда и **«в одной, отдельно взятой стране»**.

Сверхсуверенитет возник из нами же инициированной **катастрофы** – ликвидации государства (СССР) с одобрения мирового сообщества» [11, с. 115].

Революции – социальные сдвиги, в ходе которых народ меняет власть, упраздняет прежнее классовое деление и социальную структуру, а заодно переустраивает государство (если под последним понимать «состояние народа», а не отдельный, противостоящий – в соответствии с Гоббсом – гражданскому обществу субъект). Насколько я понимаю Г.О. Павловского, его характеристика «гениальности российской власти» состоит в том, что она может «упразднить государство», ликвидируя все старые социальные взаимосвязи, в том числе и свои обязательства перед народом. Более того, власть может упразднить и сам народ, превращая его в «население», и наоборот. Автор поясняет (раздел «Народ»):

«В прежнем космосе Путина **народ** удален от политики. Всякое вторжение народа во власть – вещь опасная: то революция, то съезд народных депутатов, то народная война. Но теперь Путину политически понадобился **народ**, отдельно от государственной оболочки. Почему и для какого использования, ему еще непонятно. Зато началось конструирование и пополнение народа. «Народ» заселяют населением.

¹ Вместо этого в тексте часто используется термин «катастрофа», но это не синоним революции. События начала 90-х Г.О. Павловский также относит к «катастрофам». Любопытно, что события зимы 2013–2014 гг. на Украине Павловский характеризует именно как «революцию». Но анализ его последних работ выходит за рамки нашего сравнительного анализа.

Народ для Путина в реальности – лишь *население*. Это он закрепил в русском политическом дискурсе «население» как собирательное имя для граждан Российской Федерации. Принимая индивидуальных граждан в ОНФ, население принимают в народ» [11, с. 57].

Понятно, что если «народа» нет, и его начала создавать из «населения» российская «гениальная власть», то и демократия в России также находится в зачаточном состоянии. Выстроить соответствующие институты может – если захочет – власть:

«Я рассматриваю демократический опыт России как эксперимент. **Демократия** у нас может получиться, а может – нет. Удача или неудача импровизации определяется кроме прочего проработкой опыта строительства демократических институтов» (с. 36). Отсюда возникает любопытный вопрос об экспертном сообществе, занимающемся «проработкой опыта», к которому принадлежит и сам автор, но об этом – позже. Здесь же в дискурсе Павловского возникает неожиданная этническая тема: «Общеизвестно выражение **асимметричная Федерация**. Она асимметрична из-за неравенства областей и республик в составе Российской Федерации и того, что в состав одних субъектов входят другие субъекты, что, вообще говоря, абсурдно. Это советские обрубки, фрагменты административных тел, нашпигованные бюрократией, присвоившей символическую компетенцию.

Зато есть масса непредставленных субъектов, и главные среди них – **русские**. Мы твердим, что кавказские земли – «та же Россия». Верно. Но никто не говорит официально, что и русские земли – та же Россия. Русские, кавказские, татарские земли – все составные части России в политике представлены по-разному; а русские не представлены никак. Не представлены и различия между русскими землями, ведь мы не унитарны» [11, с. 37].

Зафиксировав абсурд, Павловский движется дальше, показывая на примере военной реформы, проводившейся министром обороны Сердюковым, иммунитет и отторжение реформ в российском социуме вообще. Описание протестов против военной реформы используются для усугубления чувства абсурда от российской демократии. Одновременно у внимательного читателя возникает чувство недоумения – если «социум» сопротивляется, то у него есть «субъекты», противостоящие «власти», но – кто они? Если «народа» нет, то кто от его имени приобретает право действовать, сопротивляться «гениальной власти»? В разделе «Демократия» автор не даёт ответа на этот вопрос. Эксперимент ещё только в самом начале.

Важная часть российского клуджа – экономика. Павловский, по сути, использует старую концепцию «власти-собственности», с помощью которой характеризовались и «азиатский способ производства», и «феодализм» [11, с. 62–113]. Поэтому в России нет экономики как таковой:

«Слово «экономика» используется нами как эвфемизм. Это официальный жаргон, вроде «коммунизма» в СССР; нынешний требует, чтобы политическая позиция описывалась как хозяйственная. Российский либерально-бюрократический официоз идет не от ценности, а от конъюнктуры, причем абсолютизируемой. Такое понятие об экономике хорошо выражает слово проект» [11, с. 113]. Действительно, проект предполагает начало и конец, в нём есть руководители, ответственные за разные части и этапы проекта. У любого проекта есть риски невыполнения, связанные со спонтанностью поведения окружающей среды, поэтому необходимо запланировать резервы, и т. д. Проект –

термин, который позволяет осовременить и отчасти замаскировать отношения «власти-собственности».

В результате все экономические феномены превращаются в политические. «Другой ведущий политтехнолог России, проектант ее экономики Алексей Кудрин, подолгу оставался в тени. Почему Кудрин политтехнолог? Потому что экономика России не результат хозяйственного развития – это политический артефакт, отражающий необычную концепцию власти и собственности» [11, с. 50].

В общем-то, кажется, что концепция Павловского становится понятной: российская власть, перераспределяя природную ренту, получаемую от экспорта ресурсов, обеспечивает себе тем самым лояльность «опасного населения»; поскольку собственность не отделена от социального статуса, постольку защиту от экспроприации также предоставляет только принадлежность человека к правящей коалиции, и т. д., и т. п. В общем, по первому впечатлению, российский клудж – это всего лишь переехавшее в 21 в. феодальное политическое устройство, где абсолютный монарх (президент) может делать с населением всё что хочет. «Феодализм – авторитаризм» дополняется заимствуемыми с запада стандартами потребления и частью гражданских промышленных технологий. От внешнего разрушения передовым демократическим западом такое государство защищается унаследованным, по воле исторического случая, ядерным оружием. С различными вариациями взгляд на Россию как отсталое авторитарное государство широко распространён среди российских политологов и является вполне respectable. Но Павловский расходится с этой моделью по нескольким важным позициям, на которых специально акцентирует внимание читателя.

1. *Petrol state*. «Нефтяное», или правильнее сказать, «сырьевое» государство вполне вписывается в вариант «власти-собственности», а заодно и «ограниченного доступа» по Нортю [9]. Однако Павловский выступает против отождествления такого режима с Россией:

«Принципиальное отличие России от **нефтегосударств** там же, где и формальное сходство, – **в слабости государственных институтов**: институты России действительно слабы, слабее некуда. Это так часто повторяли, что уже не спрашивают – действительно ли эти институты находятся там, где висят их вывески? Не действуют ли реальные институты в совершенно других местах? Можно ли назвать авторитарным политический строй, где центральная власть не производит авторитаризма, а является его потребителем? Наш **авторитаризм симулируется местными бюрократиями**. Они изображают покорность, и возникает чувство, будто власть чрезвычайно сильна. Ведь если не спорить с силой, значит, ее боишься, а раз боишься, значит, она сильнее.

Сила Путина производна от дисциплины, но не он сам и не центр дисциплинировал эти режимы. Путин приобретает у них знаки покорности, имеющие точную цену в деньгах, в межбюджетных трансфертах с широкими взглядами на их целевое использование. Губернатор, который завел собственный бизнес – молодец, он делает то, что надо; это не коррупция. Власть, конечно, приказывает местным боссам, но не раньше, чем выяснит, что они на самом деле исполняют. И только уяснив последнее, отдает приказ.

Так **нефть** и газ создали место для централизованного контроля – теневого, но действенного. Банки и финансовые центры у нас не места, где финансы аккумулируются, а места, где в финансы конвертируют связи с полезными людьми.

Центр не может ничего навязать, у него нет таких сил, он вынужден торговать, что-то продавая. И центральная власть продает – первым **нефть** и газ, вторым участие в доходах и выгодах, а третьим, что, возможно, всего важнее, продаются связи – связи, влияющие на власть и ею самой являющиеся» [11, с. 62–63].

Т.е., по Павловскому, в России – не жёсткий авторитарный, но скорее «феодальный», «рыхлый» политический режим. Перераспределяемая в центре сырьевая рента на местах дополняется «своими», местными доходами и ресурсами. Ни авторитарный диктатор, ни абсолютный монарх не договариваются со своими же чиновниками – наместниками; напротив, российский клудж подерживается многочисленными конвенциями. И «мировой запад» предоставлял помощь в 90-е тоже «по договорённости» о нераспространении ядерных технологий, а не «под залог ренты», как это практикуется в «нефтегосударствах».

2. Вертикаль власти обычно связывают с авторитаризмом, однако Павловский интерпретирует этот термин совершенно иначе: «Под именем вертикали действует оригинальная и надежная система скупки-кредитования управляющих групп для работы по федеральным заданиям» [11, с. 18]. Как ни странно, это напоминает ту самую демократию, про которую в другом месте утверждается, что её в России пока нет. И сам автор ниже указывает:

«Работая по заданиям центра и выполняя поставленные задачи, регионалы подтверждают компетентность, сохраняют должности, которые занимают, и с ними – право обогащаться (право строго **привязано к месту власти**), их местным недругам запрещается враждебная активность – конкурировать можно лишь непублично и с ведома центра.

Центр скупает менеджмент, позволяя тому позаботиться о цене покупки, – а боссы переустраивают местную власть в режимы управления собственностью. Повышая капитализацию последней, владелец вынужденно развивает свой регион. **Вертикаль власти работает как сильно деформированный институт развития.**

Приоритеты заданы федеральным центром. Обогащаться местный босс должен так, чтобы недовольство им не превысило лимит, – местная экономика обязана быть социальной и неконфликтной. Выполняя обязательства по социальным нормативам и показателям, можно расхищать бюджет и трансферты, но умеренно нескандалным образом. (Этим условиям лучше всего отвечает схема «откатов», что объясняет взрыв ее популярности.)

Вертикаль власти ориентирует губернатора на устойчивое развитие, а не на депрессию и произвол!» [11, с. 19].

Если принять эту концепцию, становится непонятен пафос «клуджа». Павловский нигде не приводит описания идеала, какой-либо западной или восточной политико-экономической модели без «деформаций институтов развития». Нет никакого обоснования тезиса о том, что «откаты» – специфическое российское явление, и что в какой-либо прекрасной демократической стране местные политические деятели принимают решения о развитии вверенных им земель и муниципалитетов, не заботясь о своей личной выгоде. Такой известный теоретик общественного выбора, как экономист М. Олсон полагал ситуацию передела политической ренты естественной [10].

Но вертикаль власти у Павловского дополняется ещё и конфликтами. При этом регионы заинтересованы в производстве своеобразной симуляции конфлик-

тов – центр под их погашение выделяет ресурсы. Вообще говоря, это напрямую противоречит представлению об «институте развития»: депрессия, упадок территорий провоцирует конфликт едва ли не успешнее, чем развитие. Кажется, либо одно, либо другое, но автор – диалектик, он часто использует парадоксы:

«Все заинтересованы в нынешней системе – и все ей нелояльны! Все работают провокаторами конфликтов, по которым рассчитываются бонусами из кармана других участников. Но пока провокаторы носят маски «государственных лиц», все вместе можно назвать стабильностью.

При возникновении реальной угрозы для страны такая система немобилизуема. Ведь теневые «карманы», влиятельные в обычное время, всего лишь **места, где нет государства**. При попытке собраться в боевую машину такая Россия **сложится**, а ее институты испарятся². Останется территория с ее **«населением»** ©. Мобилизация, все равно боевая или политическая, приведет к состоянию моментального коллапса власти. Общественные сети отвернутся от государства, ведь победившие давно за себя заплатили, а проигравшие ненавидят власть, если еще не мертвы» [11, с. 49].

3. Общественный договор в государстве, перераспределяющем сырьевую ренту, представляется относительно простым. Часть ренты присваивается доминирующей коалицией элит, а часть передаётся социально незащищённым слоям населения, которые в ответ демонстрируют лояльность. Но Павловский строит принципиально иную конструкцию:

«Власть не отдаёт места арбитра между бюджетозависимыми социальными группами («путинским большинством») и людьми, производящими добавленную стоимость (бизнес, рабочие, инженеры). Она сохранит центральное положение и останется «круглым столом» всякого внутреннего **договора**. Идеология власти: без нас вы не договоритесь! Проверить это нельзя, так как мы всегда тут как тут. И никому еще не удавалось рассортировать реальность угроз, от которых защищает гениальная власть. Иные угрозы производны от нее же самой.

Пока власть балансирует между полюсами сегрегированной страны, невозможен никакой **договор**; ведь балансировать можно лишь до тех пор, пока **договора нет**» [11, с. 88].

Что это означает? Если нет договора, то есть ситуация постоянно поддерживаемой конфликтной ситуации. И этот конфликт, по Павловскому, организует сама же власть, и сама же его разрешает.

Ресурсное государство

На мой взгляд, центральной работой С.Г. Кордонского является небольшая монография «Ресурсное государство» [4]. С одной стороны, она подводит итог его размышлениям о советском периоде, а с другой – уже содержит основные идеи «Сословной структуры постсоветской России» [5] и «Россия. Поместной Федерации» [6]. В основном о «Ресурсном государстве» далее и пойдёт речь.

² Трудно сказать, относит ли Павловский нынешние сюжеты с присоединением Крыма, международными санкциями и операцией российских ВКС в Сирии к «реальным угрозам» или нет. Но пока его оценка представляется скорее неверной, в чём-то напоминая описываемую выше «симуляцию угрозы» для оживления спроса на экспертные услуги.

В отличие от поэтических и туманных, многозначных текстов Павловского, С. Г. Кордонский излагает свою концепцию прямо и относительно просто. Там, где Павловский говорит, что «экономика – это эвфемизм, нечто вроде коммунизма», Кордонский пишет:

«В России, с моей точки зрения, не было той экономики, которая описывается в стандартных учебниках. То, что внешние наблюдатели принимают за экономику, вероятнее всего, вообще не экономика, а ресурсная организация государственной жизни» [4, с. 9].

Ресурсная организация предполагает планирование, распределение, использование – однако в ней нет обычного обмена, торговли. Обмен предполагает наличие собственности, различения «своего» и «чужого». Термин «собственность» в первой части «Ресурсного государства» (одноимённый раздел) не используется Кордонским вообще.

Если «собственности» нет, то – логично – нет и товаров, капитала, денег в их традиционном понимании. Есть ресурсы, планы, нормативы, учётные документы (деньги в таком случае превращаются в талоны, выполняющие учётно-распределительную функцию). Ещё есть право распоряжения ресурсами, что представляет собой властное полномочие. Количество ресурсов равнозначно количеству таких властных полномочий; в обычной экономике подобное обладание ресурсами означало бы богатство, в ресурсном государстве – силу, власть.

Упразднение собственности и превращение её во властное полномочие – «общественную собственность» – сюжет социализма. Дисциплина, которая адекватно описывает такое общественное использование ресурсов в соответствии с распоряжениями власти – политэкономия социализма. Кордонский указывает:

«Советский социализм был целостной системой управления ресурсами, рационально выстроенной, логически связной и реализованной в системе государственного устройства. Он не умер, вопреки мнению большинства отечественных идеологов, политиков и экономистов. Более того, очистившись от советской риторики, он возрождается как во многом антисоветский – но социализм...» [4, с. 9–11].

Если этот принципиальный пункт о наличии социализма в постсоветской России принимается, то далее из него разворачивается множество сюжетов (историй).

1. Динамика ресурсного государства. Рост ресурсного государства означает увеличение создаваемых (добываемых) в оборот ресурсов, уменьшение – снижение объёма таких ресурсов. Ресурсами становится, естественно, не только сырьё, но и технологии, инфраструктура, образование, здравоохранение и т. д. Гражданам ресурсы предоставляются для их дальнейшего производительного использования; если же последние начинают изымать их из оборота, чтобы пустить на личные нужды, это уменьшает количество ресурсов и должно наказываться. Для наказания таких «расхитителей» и поощрения производителей используются репрессии. Вообще, репрессии и страх – основные условия развития ресурсного государства по Кордонскому. В свою очередь цели такого государства формируются официальной идеологией и являются относительно экзогенными (геополитическими – для царской России, строительством социализма – для СССР).

Снижение объёма репрессий, либерализация режима использования ресурсов моментально приводит к снижению их объёма, расхищению, выводу из оборота. Начинается депрессия, которая может закончиться распадом ресурсного

государства. Циклы репрессий и депрессий являются нормой для России, организуя основной механизм отечественной истории. Хотя, возможно, в очередной раз какая-то из депрессий зайдёт так далеко, что восстановление государства станет невозможным, и бывшие российские территории войдут в состав нормальных, «правовых», «рыночных» государств.

2. Социальная структура. Ресурсное государство для достижения стоящих перед ним целей формирует необходимые ему социальные группы и наделяет их ресурсами:

«Советские сословия, кроме того, что были идеологическими институтами, были ещё и социально-учётными группами, формируемыми социалистическим государством для решения конкретных проблем концентрации и распределения трудовых ресурсов – на основании признаков национальности, образования, происхождения, места жительства, занятости в отраслях социалистического ресурсного хозяйства. Фактически каждый параметр паспортного учёта... конституировал определённое учётное сословие, которому нечто полагалось, но и нечто обязывалось...» [5, с. 49].

Репрессии были также необходимым механизмом «регулирувания межсословных отношений в СССР», они позволяли, по сути, достигать необходимых пропорций социальной структуры [5, с. 73].

Наличие законов о государственной службе и соответствующих актов, регулирующих трудовые отношения в различных федеральных ведомствах, по мнению, Кордонского, в достаточной мере иллюстрирует продолжение сохранения «ресурсного характера» труда в постсоветской России.

3. Пространственная организация. Население, превращаемое в ресурсы, не свободное и относительно немобильное, организуется в сословия с различными правами. В свою очередь, то же самое должно произойти и с пространством, включая сюда территории, рассматриваемые как ресурс. Очевидно, что сравнительная однородность, равноправие территориальных субъектов противоречило бы самой идее ресурсной организации – ведь таковые субъекты являются частью социального пространства, которое не просто неоднородно, но ещё и разграничено сословными перегородками. Отсюда логично возникает идея «разгороженных мест», поместий:

«Поместьем становится часть «реального» пространства, отделённая от него границей любого рода, в том числе и забором, и преобразуемая сообразно «человеческим» представлениям о том, как оно должно быть организовано. Так, регионы Российской Федерации, особенно её республики, будучи «в реальности» её субъектами, «на самом деле» представляют собой поместья их президентов и глав администраций. Существенная часть муниципальных районов, например, «на самом деле» стали поместьями глав муниципальных образований, в которых практически вся могущая приносить доход собственность зарегистрирована на членов их семей и доверенных лиц и где без их ведома и муха не летает» [6, с. 22].

Конечно, идея о том, что в нынешней России продолжает функционировать социализм, может показаться неприемлемой, однако такова реальность, описываемая дискурсом С.Г. Кордонского. В принципе, эти формулировки можно ввести в некое общецивилизационное русло концепции неразделённости власти-собственности. Например, как это делает М. ван Кревельд: «империи

и феодальные общества... не знали различия между «правительственной властью» и «собственностью», или, по крайней мере, это различие не было чётким. Не важно, был ли правитель слабым или сильным, но он правил... теми, кто был «его», независимо от того, были ли эти люди членами его рода, вождями низшего ранга (наместниками), его сторонниками, домашней челядью, вассалами или рабами... Это означает, что «политической» власти в современном смысле этого слова не существовало, и, конечно, не было и соответствующего термина...

Ситуация в классических городах-государствах была совершенно иной... в Греции и Риме «правительство» (*arche, imperium*) определялось как форма власти одних людей над другими, которые, в отличие от членов семьи и рабов, были равны (*homoioi*) перед законом и не «принадлежали» друг другу ни в каком смысле. Так была проведена очень чёткая граница между частной (*idios, res private*) и публичной (*demosios, res publica*) сферами...

...Разработка зрелой теории разделения власти и собственности – по-видимому, самого важного политического изобретения во все времена – заняла, вероятно, не одно столетие» [7, с. 37–39].

Сравнивая тексты Г. О. Павловского и С. Г. Кордонского, можно обнаружить много общего. Это уже упоминавшееся смешение власти и собственности, саркастическое отношение к современной российской юстиции (суд в СССР – России не защищает право, но регулирует порядок, устраняя его нарушения), отрицание рынка и т. д. Однако есть и существенные различия. Там, где Павловский видит нагромождение абсурда – например, в федеративном, административно-территориальном устройстве, у Кордонского выступает своеобразный сословно-поместный порядок («поместная Федерация»). И если для Павловского нынешняя политическая Россия – клудж, то у Кордонского – продолжение давних, ещё царских традиций циклов развития ресурсного государства.

С. Ю. Барсукова определяет суть работы С. Г. Кордонского «Сословная структура постсоветской России» следующим образом: «...Не обманывайте себя, наш рынок и порожденные им классы чахнут в тени ресурсной экономики, социальной организацией которой является сословное мироустройство» [1, с. 81]. Наверное, можно сказать и так. Но можно сказать и иначе: суть работ и Павловского, и Кордонского – в делегитимации российского политико-экономического устройства. Павловский иронично характеризует российскую власть как «гениальную», а Кордонский классифицирует состав этой самой власти следующим образом: «Издавна в стране сложились три культуры: удельно-княжеская, воровски-купеческая и аристократически-бандитская» [4, с. 33–34]. При этом С. Г. Кордонский специально оговаривается: «Термины удельные князья – помещики, воры и бандиты – не несут в себе оценочного смысла. Эти определения не более чем констатация того, что люди с соответствующими менталитетом и способами действий – главные актеры нашей российской драмы в эпохи депрессий» [4, с. 32].

Так что – да, конечно, «не обманывайте себя», а впереди ещё и укрепление ресурсного государства, то есть фаза массовых репрессий по Кордонскому (по О. Э. Бессоновой – «расцвет раздатка»). Бесправному населению остаётся только надеяться на буржуазно-демократическую революцию, которая наконец разделит власть и собственность, даст гражданские права и превратит всех в народ. Но это уже марксистский дискурс (и марксистская реальность). В других вариантах – либо

репрессии, либо устранение клуджа вплоть до распада ресурсного государства, т. е. современной России. «Иного не дано».

1. Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике или 16 оттенков серого. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2015.
2. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. – М.: Издательство института Гайдара. 2015.
3. Кламер А. Странная наука экономика. – М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения. 2015.
4. Кордонский С.Г. Ресурсное государство. – М., REGNUM. 2007.
5. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2008.
6. Кордонский С.Г. Россия. Поместная Федерация. – М.: Европа. 2010.
7. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. – М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум.
8. Макклоски Д. Риторика экономической науки. – М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения. 2016.
9. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд. Института Гайдара. 2011.
10. Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. – М.: Новое издательство. 2013.
11. Павловский Г. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. – М.: Европа. 2012.
12. Плискевич Н.М. «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России, 2006, № 3. – С. 62–113.
13. Сэмюелс У. Дж. «Истина» и «дискурс» в социальном конструировании реальности. В кн. Истоки: Качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке / редкол.: В.С. Автономов (гл. ред.), О.И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д.В. Мельник (отв. секр.) и др. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2015.

References

1. Barsukova S. Yu. E'sse o neformal'noj e'konomike ili 16 ottenkov serogo. – М.: Izd. dom Vysšej shkoly e'konomiki. 2015.
2. Goldstoun Dzh. Revoljucii. Ochen' kratkoe vvedenie. – М.: Izdatel'stvo instituta Gajdara. 2015.
3. Klamer A. Strannaya nauka e'konomika. – М.; SPb: Izd-vo Instituta Gajdara; Izd-vo Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015.
4. Kordonskij S.G. Resursnoe gosudarstvo. – М., REGNUM. 2007.
5. Kordonskij S.G. Soslovnaya struktura postsovetsoj Rossii. – М.: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie». 2008.
6. Kordonskij S.G. Rossiya. Pomestnaya Federaciya. – М.: Evropa. 2010.
7. Krevel'd M. Rascvet i upadok gosudarstva. – М., Chelyabinsk: IRISE'N, Socium.
8. Makkloski D. Ritorika e'konomicheskoy nauki. – М.; SPb: Izd-vo Instituta

Gajdara; Izd-vo Mezhdunarodnye otnosheniya. 2016.

9. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. – M.: Izd. Instituta Gajdara. 2011.

10. Olson M. Vozvyshenie i upadok narodov: E'konomicheskij rost, stagflyaciya i social'nyj skleroz. – M.: Novoe izdatel'stvo. 2013.

11. Pavlovskij G. Genial'naya vlast'! Slovar' abstrakcij Kremlya. – M.: Evropa. 2012.

12. Pliskevich N.M. «Vlast'-sobstvennost'» v sovremennoj Rossii: proisxozhdenie i perspektivy mutacii // Mir Rossii, 2006, № 3. – S. 62–113.

13. Se'myuels U. Dzh. «Istina» i «diskurs» v social'nom konstruirovanii real'nosti. V kn. Istoki: Kachestvennye sdvigi v e'konomicheskoy real'nosti i e'konomicheskoy nauke / redkol.: V.S. Avtonomov (gl. red.), O.I. Anan'in (zam. gl. red.), D.V. Mel'nik (otv. sekr.) i dr. – M.: Izd. dom Vysshej shkoly e'konomiki. 2015.

UDC 81.1

RUSSIAN POLITICAL AND ECONOMIC MODEL IN THE WORKS OF G. PAWLOVSKY, S. KORDONSKY, A. AUZAN (DISCOURSE ANALYSIS). PART I

Orekhovsky Pyotr Aleksandrovich,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Doctor habilitatus in economics,
Professor, chief researcher,
Moscow, Russia,
E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Annotation

This paper presents a discourse analysis of the works of famous Russian scientists – humanities G. Pawlovsky, S. Kordonsky, A. Auzan. It demonstrates the difference between discourses of political science, sociology and economics, considering the same theme. The last makes it extremely difficult understanding of representatives of various humanitarian disciplines. Most economic studies related to the study of institutions as an implicit premise is used political hedonism that makes possible the quantitative modeling of institutional change.

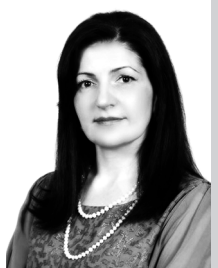
Key concepts:

discourse, constructivism, the “government-owned”, vertical contract, political hedonism.

УДК 323.2

АНАЛИЗ ИСТОРИКО-ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Джантеева Джульета Солтановна,

Заведующая отделом социально-политических исследований
Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Черкесск, Россия,
E-mail: dzhanteeva2312@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются причины и последствия включенности исторического дискурса в этнополитические коммуникации на Северном Кавказе, уделяя внимание проблемным аспектам, связанным с политизацией и этнизацией локальной истории. На основе эмпирических данных обоснована общественная потребность в распространении объективного исторического знания как основной опоры институциональной политики идентичности.

Ключевые понятия:

исторический дискурс, этнополитические коммуникации, Северный Кавказ, этнополитика, история, историческая память.

В условиях продолжающейся борьбы за историю как общенациональную культурную ценность и ключевой фактор самоидентификации современного российского общества [9], актуализируется тяготение северокавказских культур к прошлому. Это отражается в политико-коммуникативных процессах Северного Кавказа, отличающихся частым обращением их участников к истории, которая приобрела статус «политической религии» [6, с. 14, 34]. Понимая политико-идеологическую значимость «разворачивающегося во времени нарратива» [13, р. 69], акторы этнополитики используют его для укрепления этнической самоидентификации и установления власти над массовым «знанием о прошлом».

В науке существует множество теоретических подходов к определению понятия «исторический дискурс». В соответствии с концепцией О.Г. Дуки, история представляется как форма реализовавшейся действительности, вос-

принимаемой нами как объективно существующая, а история как дискурс воспринимается нами как одна из допустимых форм реализовавшейся действительности. Дискурс истории включает следующие элементы: 1) интерпретируемые события, их участники и 2) контекст, т. е. а) обстоятельства, при которых происходили события, б) фон, поясняющий события, в) оценка участников событий, г) информация, релеванная событиям. «Специфическими чертами исторического дискурса являются хронологически последовательное изложение событий, сюжетизация и драматизация изложения» [5]. Содержательный исторический дискурс включает предпосылки и последствия событий, которые в случае замалчивания профессиональными историками используются иными околонучными субъектами.

Активная «работа над прошлым» способствовала изменению политики идентичности в современной России с акцентуацией внимания на роли государства. Так, О.Ю. Малинова считает, что начавшийся в 2011–2012 гг. новый этап политики идентичности в стране характеризуется более пристальным вниманием государственной власти, которая стремится «расширить репертуар политически «пригодных» событий», что стало приобретать очевидные признаки «систематической стратегии» [7, с. 183]. Действительно, государственная власть рассматривает историко-культурное наследие как ресурс формирования и укрепления общероссийской идентичности. Начиная с предвыборной статьи В.В. Путина о «национальном вопросе» [10], в российской публичной политике заметно возросло внимание к историко-культурному аспекту эволюции российского общества.

Понимание прошлого имеет значение для формирования самоидентичности, а также – поддержания позитивной групповой идентичности. Образы прошлого определяют системы ценностей и социальное поведение людей. Поэтому коммуникатору важно знать социально-ценностную ориентацию реципиента, чтобы направлять процесс обмена информацией в нужное русло и добиваться поставленных целей. Однако на Северном Кавказе возможности политического воздействия коммуникатора на реципиента или общественное мнение ограничены культивированием в регионе определенных социальных отношений, эмоциональных состояний, атрибуций, регламентов и стереотипов. В этом контексте используются методы подсознательного стимулирования, когда в поток исторической информации внедряются принятые этническим большинством представления о прошлом, содержащие оценочные ассоциации, этнические авто- и гетеростереотипы или стандарты, что приводит к осуществлению замысла коммуникатора, направленного на получение автоматически положительной или отрицательной реакции на то или иное событие. К закрепленным на подсознательном уровне ассоциациям относятся и этнические предубеждения, провоцирующие ценностное отношение к проблеме «свои – чужие».

В контексте рассматриваемого вопроса целесообразно обратиться внимание на причины включенности дискурса о прошлом в этнополитические коммуникации Северного Кавказа. Во-первых, это обусловлено политической потребностью в выстраивании стратегий и целей, в необходимости обеспечения их поддержки со стороны влиятельных партнеров и гражданских структур, включая медиаторов, выполняющих посреднические функции между акторами публичной политики [12, с. 18]. Здесь особое значение придается историческо-

му оформлению этнических претензий на власть и повышение политического статуса этнической общности, что естественно в условиях исторически сложившейся иерархичности и конкуренции северокавказских этносов в борьбе за ограниченные ресурсы. Одновременно с этим, исторический дискурс используется для групповой солидаризации, а также артикуляции этнокультурных ценностей. Внутренняя противоречивость и несбалансированность обозначенного исторического дискурса создает возможность переориентации общественного внимания от актуальных этнополитических вопросов в конкретном регионе на аналогичные внешние проблемы более высокого порядка, затрагивающие интересы этноса. Во-вторых, исторический дискурс позволяет лоббировать этнополитические интересы и оказывать влияние на государственное управление. Обращаясь к прошлому, акторы этнополитики интерпретируют/переинтерпретируют распределение общественных благ и предлагают воплотить свои идеи в жизнь. Исторический дискурс актуализирует и механизмы традиционной народной дипломатии, способствующие достижению этнополитического консенсуса [4, с. 105], обусловленного этнополитической культурой северокавказских народов, а также тем, что политические коммуникации включают «весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое различное влияние на политику». В-третьих, исторический дискурс используется для формирования общероссийской идентичности и способствует изменению статуса исторического образования как важного фактора рационализации исторического мышления и сохранения историко-культурного наследия [17].

Тем самым, функции исторического дискурса этнополитических коммуникаций Северного Кавказа потенциально связаны с решением следующих основных задач: конструирования идентичности; защиты политических и юридических прав народов [13, с. 121]; обоснования политических амбиций этнических общностей; этнической мобилизации; формирования ценностного отношения к проблеме «свои – чужие»; репрезентации и артикуляции групповых интересов, а также сохранения историко – культурного наследия и знания о прошлом.

Особенности реализации обозначенных функций исторического дискурса зависят от региональных условий, политизации и этнизации истории. Следствием таких манипуляций являются конфликты «памятей» с участием акторов этнополитики. По мнению ряда зарубежных ученых, история включена в структуру национальной идентичности [18] и без истории невозможно существование нации. Так, Э. Дж. Хобсбаум и Дэвид Дж. Кертцер считают, что «нацию делает нацией именно прошлое», оправдывающее ее существование, а историки создают это прошлое [15, с. 3].

Репрезентацией и интерпретацией различных аспектов прошлого занимаются ученые из смежных наук и другие «исторические агенты». В этой связи следует обратить внимание на то, что не вся информация о прошлом является историческим знанием. Следует различать историческое знание, историческую информацию и данные исторического характера. В этнополитических коммуникациях Северного Кавказа используется историческая информация этнической направленности, которая способствует достижению политических целей акторами этнополитики и, как правило, отвечает информационным запросам

аудитории. Для оживления сообщений об исторических событиях используются различные приемы с включением анекдотов, мифов и легенд. При этом понятие «исторический факт» не всегда корректно применяется в сообщениях исторической направленности, где легко обнаружить его замену на востребованный «здесь и сейчас» «исторический материал». Как отмечают М. Карретеро и М. Криджер, «конструирование исторических нарративов основано на онтологической и неисторической концепции собственного народа, что затрудняет понимание альтернативного нарратива (counternarrative) местных исторических агентов» [16]. Указанные подходы вписываются в «этнически предвзятое» историческое оценивание, связывающее историко-дискурсивную практику иноэтнических субъектов политики с заранее заданным видением и таким образом вносящее в процесс проблематизации контекста коммуникативного акта искусственно заданные переменные. В данном случае интерпретационные рамки истории ухудшают качество восприятия информации о прошлом, затрудняют поиск «исторической истины», деформируют историческое сознание и приводят к конфликту «памятей». Предвзятое использование исторических конструкций ведет к усилению этнической дистанции и межэтническому размежеванию.

Многие этнополитические конфликты в Северо-Кавказском регионе имеют исторические корни. На это указали и эксперты, принявшие участие в социологическом опросе (всего было опрошено 49 человек), который мы провели во всех субъектах РФ в СКФО в феврале 2017 года. По мнению экспертов СКФО, распространению негативной этнической информации в регионе способствуют ошибки национальной политики в советский период (42,8%). Говоря о проблемах эффективных политических коммуникаций в СКФО, эксперты выделили: фальсификацию этнической истории (55%) наряду с необъективным освещением в СМИ факторов, детерминирующих межэтнические отношения в регионе (включая историческую справедливость) (59%) и необъективную интерпретацию этнополитических событий (61,2%).

Вместе с тем, противоречивые дискурсивные практики акторов этнополитики в рассматриваемом регионе детерминированы гиперисторизмом общественного сознания северокавказских народов [2, с. 545]. Чрезмерная актуализация «ряда элементов исторического наследия» в сознании народа и акторов политического процесса [8, с. 100] синхронизирует с развитием публичной истории, которая стремится донести до широкой аудитории не столько историческое знание, сколько переосмыслить прошлое, пригодное к употреблению в настоящем и будущем. При этом внимание фокусируется на этнической составляющей. В такой ситуации нарастает межэтническое соперничество за присвоение прошлого и усиливаются попытки создать свои версии этнической истории, в том числе через стратегии актуализации «нужного» и забвения «мешающего». Поэтому в этнокультурной среде Северного Кавказа чрезвычайно сложно использовать приемы поддержания политико-коммуникативных процессов, способствующих преодолению сохраняющихся тенденций межэтнического размежевания. При этом возрастанию интереса к прошлому способствует унификация этнических культур наряду с тенденцией сокращения количества этнодифференцирующих признаков [11, с. 247]. Но и в данном случае не все так однозначно. К примеру, в последние годы заметно снизилась публичная реабилитационная деятельность репрессированных и насильственно пересе-

ленных народов Северного Кавказа, в то время как адыгские этносы проявляют активность по солидаризации вокруг темы Кавказской войны, т. к. дискурс о трагической истории обладает наибольшим мобилизационным потенциалом. Обращаясь к дискурсивной проблеме «Россия и Кавказ», М. А. Аствацатурова предлагает уделять внимание на ее сложносоставное содержание, детерминированное, прежде всего, противоречивым историческим процессом вхождения Кавказа в политико-правовое пространство России, а также многоуровневыми современными феноменами и процессами геополитической, этнополитической, этноконфессиональной природы [1].

Указанные обстоятельства объясняют и то, почему в этнополитических коммуникациях наибольшему политическому воздействию и переоценкам подвергается история Северного Кавказа Нового и Новейшего времени. С XIX века история обеспечивает социально-групповую идентификацию, а начиная с XX века, функция идентификации стала реализовываться на уровне массовых представлений о прошлом [3, с. 43]. Это означает, что профессионально подготовленная историческая информация направлена не только на распространение научного знания, но и на формирование массового «знания о прошлом», то есть, – «исторической памяти». В развитии «индустрии памяти» (Кервин Клейн) участвуют не только историки, но и политики, журналисты и другие представители интеллектуальных кругов. Поэтому опрошенные нами эксперты указали на необходимость знания истории участниками политических коммуникаций в СКФО. При ответе на вопрос «На Ваш взгляд, какими профессиональными компетенциями должны обладать основные акторы этнополитики, участвующие в политических коммуникациях СКФО?» эксперты указали, что для представителей власти на Северном Кавказе важное значение имеет «уважение к обычаям и традициям проживающих в регионе народов, толерантность» и «объективное, основанное на конкретных фактах, отношение к потребностям этнических групп». Наибольшие требования предъявляются к ученым/экспертам и журналистам, что связано с их профессиональной деятельностью и потенциальной возможностью актуализировать прошлое и «создавать историю народа». По мнению экспертов, журналисты должны изучать и знать историю и этнокультуру народов Северного Кавказа, объективно освещать мнения всех акторов этнополитики, знать обычаи «других», освещать вопросы этнополитики объективно и корректно. По мнению экспертов, исполнительная журналистика должна быть нацелена на распространение позитивных исторических примеров. Ученым и экспертам необходимо демонстрировать: «знание этнополитических процессов и возможность их прогнозирования»; «знание истории, культуры, обычаев, традиций народов»; «стремление к истине, стремление своими работами не навредить, а содействовать урегулированию конфликтных и проблемных ситуаций»; «знание объективных исторических фактов»; «умение анализировать и объективно оценивать исторические события и современное политическое состояние».

Таким образом, история Северного Кавказа становится особым типом политического продукта, активно используемым акторами этнополитики для продвижения определенных идей и достижения поставленных целей, но без учета исторической памяти они обречены стать причиной конфликтов. В северокавказском обществе есть запрос на объективное историческое знание,

которое рассматривается как основная опора институциональной политики идентичности.

1. Аствацатурова М.А. Россия и Кавказ [Электронный ресурс]. URL: http://politkavkaz.ru/expert_club/comments/the-discourse-of-russia-and-the-caucasus/ (дата обращения: 11.06.2017).
2. Герман Р.Э. Репрезентации исторического прошлого в структуре этнических идеологий Северного Кавказа // Полиэтническое общество, власть и демократия в России: Сборник статей / Под общей редакцией академика М.К. Горшкова и проф. А.-Н.З. Дибирова. Москва-Махачкала. – 2012. – 672 с.
3. Джантеева Д.С. Северный Кавказ в историческом медиадискурсе // Исторический выбор народов Кавказа – поступательное развитие в составе России: материалы I Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 185-летию вхождения Карачая в состав Российского государства. 29 апреля 2014 г. / отв. ред. Джантеева Д.С. Черкесск: БИЦ СевКав-ГГТА, 2014. – 102 с.
4. Джантеева Д.С. Политико-коммуникативные процессы в полиэтничном регионе. Карачаевск – Черкесск: КЧГУ, 2016. – 116 с.
5. Дука О.Г. Дискурс исторической науки и дискурс идентичности // Дискурс-Пи. Научно-практический альманах. Екатеринбург. – 2005. – Вып. 5. – С. 170–172.
6. Копсов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
7. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
8. Панарин С.А. Позиционно-исторические факторы кавказской политики // Политические исследования. Полис. – 2002. – № 2. – С. 100–112.
9. Петров Ю.А. История как ценность // Стратегия России. – 2016. – № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1470008686&archive=1472680750&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 16.07.2017).
10. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Вестник российской нации. – 2012. – № 2–3 (22–23). – С. 59–65.
11. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2008. – 368 с.
12. Сунгуров А.Ю. Публичная политика: основные направления исследований (мировой и российский опыт) // Публичная политика. – 2017. – № 1. – С. 8–28.
13. Халюзин В.А. Политическая жизнь традиционного северокавказского общества в контексте глобализации. М.: ООО «ЦИУМинЛЛ», 2014. – 164 с.
14. Bell D. S.A. Mythscapes: memory, mythology, und national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. № 1. pp. 63–81.
15. Hobsbaum E.J., David J. Kertzer. Ethnicity and nationalism in Europe today. Anthropology today. 1992. Vol. 8. M1. pp. 3–8.
16. Mario Carretero, Miriam Kriger. 2011. Historical representations

and conflicts about indigenous people as national identities. *Culture & Psychology*. Vol. 17. issue: 2, pp. 177–195.

17. Tulay Ocal. 2016. Necessity of Cultural Historical Heritage Education in Social Studies Teaching. *Creative Education*. Vol. 7. No. 3. pp. 396–404.

18. Wodak R., De Cillia R., & Reisigl M. (1999). the Discursive Construction of National Identities. *Discourse and Society*. Vol. 10. pp. 149–173. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1177/0957926599010002002>.

References

1. Astvacaturova M.A. Rossiya i Kavkaz [E'lektronnyj resurs]. URL: http://politkavkaz.ru/expert_club/comments/the-discourse-of-russia-and-the-caucasus/ (data obrashheniya: 11.06.2017).

2. German R.E'. Rerezentacii istoricheskogo proshlogo v strukture e'tnicheskix ideologij Severnogo Kavkaza // Polie'tnichnoe obshhestvo, vlast' i demokratiya v Rossii: Sbornik statej / Pod obshej redakciej akademika M.K. Gorshkova i prof. A.-N.Z. Dibirova. Moskva-Maxachkala. – 2012. – 672 s.

3. Dzhanteeva D.S. Severnyj Kavkaz v istoricheskom mediadiskurse // Istoricheskij vybor narodov Kavkaza – postupatel'noe razvitie v sostave Rossii: materialy I Mezhdregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 185-letiyu vxozhdeniya Karachaya v sostav Rossijskogo gosudarstva. 29 aprelya 2014 g. / otv. red. Dzhanteeva D.S. Cherkessk: BIC SevKavGGTA, 2014. – 102 s.

4. Dzhanteeva D.S. Politiko-kommunikativnye processy v polie'tnichnom regione. Karachaevsk – Cherkessk: KChGU, 2016. – 116 s.

5. Duka O.G. Diskurs istoricheskoy nauki i diskurs identichnosti // Diskurs-Pi. Nauchno-prakticheskij al'manax. Ekaterinburg. – 2005. – Vyp. 5. – С. 170–172.

6. Kopusov N. Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 320 s.

7. Malinova O.Yu. Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushhej e'lity i dilemmy rossijskoj identichnosti. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2015. – 207 s.

8. Panarin S.A. Pozicionno-istoricheskie faktory kavkazskoj politiki // Politicheskie issledovaniya. Polis. – 2002. – № 2. – С. 100–112.

9. Petrov Yu.A. Istoriya kak cennost' // Strategiya Rossii. – 2016. – № 2. [E'lektronnyj resurs]. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1470008686&archive=1472680750&start_from=&ucat=14& (data obrashheniya: 16.07.2017).

10. Putin V.V. Rossiya: nacional'nyj vopros // Vestnik rossijskoj nacii. – 2012. – № 2–3 (22–23). – С. 59–65.

11. Stefanenko T.G. E'tnopsixologiya: Uchebnik dlya vuzov. 4-e izd., ispr. i dop. M.: Aspekt Press, 2008. – 368 s.

12. Sungurov A.Yu. Publichnaya politika: osnovnye napravleniya issledovaniy (mirovoj i rossijskij opyt) // Publichnaya politika. – 2017. – № 1. – С. 8–28.

13. Xalyuzin V.A. Politicheskaya zhizn' tradicionnogo severokavkazskogo obshhestva v kontekste globalizacii. M.: OOO «CIUMiNL», 2014. – 164 s.

14. Bell D. S.A. Mythscapes: memory, mythology, und national identity //

British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. № 1. pp. 63–81.

15. Hobsbaum E.J., David J. Kertzer. Ethnicity and nationalism in Europe today. *Anthropology today*. 1992. Vol. 8. M1. pp. 3–8.

16. Mario Carretero, Miriam Kriger. 2011. Historical representations and conflicts about indigenous people as national identities. *Culture & Psychology*. Vol. 17. issue: 2, pp. 177–195.

17. Tulay Ocal. 2016. Necessity of Cultural Historical Heritage Education in Social Studies Teaching. *Creative Education*. Vol. 7. No. 3. pp. 396–404.

18. Wodak R., De Cillia R., & Reisigl M. (1999). the Discursive Construction of National Identities. *Discourse and Society*. Vol. 10. pp. 149–173. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.1177/0957926599010002002>.

UDC 323.2

ANALYSIS OF HISTORICAL DISCURSIVE PRACTICES OF ETHNOPOLITICAL COMMUNICATIONS IN THE NORTH CAUCASUS

Dzhanteeva Julieta Soltanovna,

Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Researches,
Chief of department of socio-political researches,
Candidate of Historical Sciences,
Cherkessk, Russia,
E-mail: dchulyach@inbox.ru

Annotation

The author is analyzing the reasons and consequences of an inclusiveness of a historical discourse in ethno-political communications in the North Caucasus, paying attention to the problem aspects connected with politicization and ethnization of local history. On the basis of empirical data the public need for distribution of objective historical knowledge as main support of institutional policy of identity is proved.

Key concepts:

historical discourse, ethno-political communications, North Caucasus, ethnopolicy, history, historical memory.

УДК 323.2+27, 327, 316.4

МАЛИКИТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДИСКУРСА МОБИЛЬНОСТИ В ИСЛАМЕ*

Исаков Александр Сергеевич,

Уральский Институт Управления
Российской Академии Народного Хозяйства
и Государственной службы при Президенте РФ,
старший преподаватель,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация:

Статья посвящена описанию маликитского измерения дискурса мобильности в исламе. Автор делает попытку обобщить связанные с мобильностью дискурсивные комплексы и выявить пути их исторической детерминации. В статье раскрывается юридическая формула маликитской правовой школы и ее особое влияние на процесс легитимации политических изменений. Конкретные особенности мазхаба выводятся из рассмотрения двух современных примеров: второй жасминовой революции в Тунисе 2010–2011 годов и вооруженного конфликта в Ливии с 2011 года. Также затрагивается влияние «Арабской весны» на процессы мобилизации мусульманского населения.

Ключевые понятия:

Маликитский мазхаб, дискурс мобильности, политический ислам, Ливия, Тунис, Арабская весна.

С начала активной фазы событий так называемой «Арабской весны» прошло более пяти лет. Данные события вызвали масштабную мобилизацию социально-политического участия, реактивных изменений и множества реформ в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. За это время качественным образом изменилось как само пространство региона, так и научные подходы к его изучению [5]. Одно из возникших направлений академических изыска-

---

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 15–19–6–1 «Разработка концепта мобильности в современных гуманитарных и социально-политических исследованиях: теоретико-методологический анализ».

ний касается именно процессов мобильности, оказывающих активное влияние на политическую конъюнктуру стран Исламского Востока.

Основной вектор мобильности – это усложнение социальной структуры населения и тектонические изменения политического поведения. В целом, это касается актуализации требований осовременивания государств исламской восточной политики. Сталкиваясь с достижениями и высоким уровнем жизни большинства стран Запада, население мусульманских стран все чаще отказывает авторитарным режимам в легитимности, в надежде, что демократизация является залогом экстенсификации экономического развития и резкого роста уровня благосостояния.

Такое положение дел свидетельствует о возможности реализации академического интереса к дискурсу мобильности в пространстве исламского Востока. «Ставший очевидным такой признак современности, как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов, позволяющую проанализировать и концептуально смоделировать динамику коммуникационных процессов. Если ранее обществоведы оперировали преимущественно понятиями статического мира («социальный слой», «политический институт», «габитус» и др.), то сегодня фокус исследовательского внимания отчетливо перемещается в сторону изучения мобильных объектов и динамичных форм деятельности» [11].

Однако, в отличие от западной политики, исламский мир является несекулярным обществом, где любые изменения детерминируются и трансформируются религиозным канонем. Специфика этого канона оказывает системообразующее влияние на процесс адаптации изменений и их качественной интерпретации. При этом стоит отметить, что кроме традиционалистского барьера религии, данная специфика может быть и катализатором изменений. Именно такая ситуация и просматривалась в событиях «Арабской весны», когда политический авангард в стремлении к реформированию режимов консолидировался вокруг религиозных сил.

Это соответствует и общей логике изучения исламских стран, при научных изысканиях в отношении которых акцент традиционно делался на изучении роли исламизма в процессах политического развития [16]. Хотя стоит отметить и тот факт, что если религия обличала протест, то в основе возникновения протестов зиждильсь чисто экономические причины [8]. Необходимость их решения была главным требованием протестующих и лежала в основе реформаторской повестки.

Негативные последствия революционной активности, такие как гражданские войны в Сирии, Ливии или Йемене, а также неспособность квазидемократических сил, пришедших на смену авторитарных режимов, к практическому воплощению институциональных проектов политического развития, привели к необходимости объективных ограничений резкого изменения качественных характеристик политической, социальной и экономических систем. На Востоке проявилась аутентично западная особенность, когда под влиянием осознания «возможных грядущих катастроф, связанных с безудержным неконтролируемым бегом, заданным рыночной экономикой и капиталистической конкуренцией, стали [осуществляются] попытки поисков каких-то объективных ограничений или пределов» [12].

Если в странах западной политики данные ограничения укладываются в логику создания моделей «устойчивого развития» и, иногда, сопровождаются правым поворотом во внутривнутриполитической повестке, то в странах исламской политики – проявляются в попытках реконцептуализации религии, либо реставрации старых режимов. В целом же, поиск новых социально-политических символов в исламе лежит в основе любых модернизационных проектов.

Основания для создания новых религиозных символов могут сильно различаться. Это могут быть попытки полномасштабной рецепции западной модели организации общества, либо синтез теорий западной политической науки и традиций локального общества, либо создание аутентичных проектов политической модернизации. При любом из указанных вариантов проводником практических изменений неизменно будет являться религия. При этом инварианты взаимодействия религиозной нормы и политических изменений будут также различными. Если общий мобилизационный потенциал, традиционно, характеризуется термином «исламизм», в значении некоторой идеологии, которая концентрирует в себе традиционные ценности и реваншистский потенциал, то непосредственным механизмом легитимации изменений является мазхаб.

Мазхаб, или правовая школа ислама, содержит в себе информацию о процедурах, с помощью которых рядовой верующий может определять, какие возникающие изменения допустимы, а какие являются неприемлемыми. При этом не будет иметь значения степень религиозности целевого индивида или общества, так как подобные традиции закрепляются в обществе на уровне общей этики поведения и оказывают влияние как на носителей религии, так и на всех остальных, при условии долгосрочного проживания в обществе.

На сегодняшний день в исламе остаются актуальными пять фундаментальных мазхабов, каждый имеет собственную правовую формулу и ряд социальных особенностей. Это четыре суннитских мазхаба: ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский, и один шиитский – джафаритский. Каждая правовая школа оказывает уникальное воздействие на возможность изменений в обществе, характеризует уровень социальной динамики, оказывает общее смыслообразующее влияние на дискурс мобильности в исламе.

Рассматривая мазхаб как предмет изучения политической науки, необходимо полностью абстрагироваться от его религиозных функций, делая акцент на социально-политическом влиянии, которое он оказывает на общество. В свою очередь, это позволяет рассматривать ареалы распространения правовых школ как независимые пространства, имеющие собственный уникальный потенциал мобильности. При этом проживающие в данных пространствах индивиды имеют общую специфику политического поведения и отношения к изменениям.

Примечательно, что события «Арабской весны» начались с маликитских стран. Впоследствии именно эти страны воспроизвели самый необычный опыт политического развития в регионе, включающий в себя как кейс самого демократического государства исламского Востока по оценке западных экспертов, которым является Тунис [14], так и пример полного фактического уничтожения благополучного государства, продемонстрированного Ливией. Кроме того, в маликитское пространство входят также арабские страны: Марокко, Мавритания, частично признанная Сахарская Арабская Демократическая Республика, а также иные мусульманские страны Северной Африки (за исключением Египта и Судана).

Как отмечают эксперты, правовая формула маликитского мазхаба основана на ограниченном применении логических заключений: «маликиты пользуются принципом, называемым истислах (араб. «улучшение»), близко стоящим к ханафитскому принципу истихсан. Но истихсан они понимают по-своему, считая, что если по какой-то проблеме нет ясности в Откровении, то необходимо применить предпочтительное решение проблемы, независимо от того, имеется ли возможность кияса или нет. Это и называется истислахом» [13]. С одной стороны, это создает высокий адаптационный люфт и позволяет обществу модернизироваться в зависимости от того, насколько сильной является потребность в обществе. С другой стороны, подобная процедура накладывает два важных ограничения на процессы мобильности. Во-первых, это исключает возможность видных исламоведов напрямую быть цензорами или проводниками общественных изменений. Во-вторых, отсутствует процедура легитимации изменений, исходя из воли общества, т. е. любые изменения, получившие одобрение в ходе голосования или иной подобной процедуры, не будут автоматически обретать позитивную презумпцию.

Несмотря на ограниченный функционал демократических практик, реализация демократии как политического режима в данной группе стран возможна. Залогом ее существования будет октроированный характер и возникновение в ходе каких-либо глобальных институциональных изменений. Например, важную роль при переходе к демократическому правлению сыграл краткосрочный период нахождения у власти после второй жасминовой революции 2010–2011 годов исламистов, которые смогли согласовать новый политический процесс с особенностями религии.

Тем не менее, само неприятие общественной воли в качестве цензора политических изменений не позволяет говорить о том, что функционирование демократии возможно в долгосрочной перспективе. Ее нивелирование будет осуществляться за счет ограниченного плюрализма с одной стороны, а с другой – неспособности такого политического режима выполнять те функции, которые выполняются в странах западной политики, а именно: стабилизация государства, предотвращение вызовов и угроз. Это усугубляется еще и тем, что демократические процедуры создают новые риски за счет снижения возможности армии влиять на политический процесс и возможности исламистов участвовать в политическом диалоге. Армия на Востоке имеет характер сословия и является традиционным инструментом стабилизации политического развития, а неконтролируемый исламизм, сопровождаемый социальными потрясениями, зачастую приводит к возникновению экстремизма и реваншизма.

Обратной стороной указанных особенностей является и неприятие абсолютистского правления. Поскольку воля большинства не рассматривается в качестве полноценного инструмента легитимации, даже поддерживаемое большинством единоличное управление не будет считаться полноценно легитимным. Компенсировать это способны традиционные институты коллективной ответственности, в связи с чем в маликитских странах особую актуальность приобретает институт «шура», т. е. советов.

Наличие подобных компенсаторных механизмов, вкуче с возможностью реализации демократических процедур, позволяет говорить о достаточно широкой

возможности рецепции иностранных практик и моделей организации общества. Стоит заметить, что критериями такой рецепции, имеющей целью улучшение уровня жизни, будет структурное сходство. Чем сильнее потенциальная страна соответствует европейскому пониманию национального государства, тем более эффективно будет заимствование и последующее социально-экономическое развитие. В противном случае возникают внутренние конфликты, логическим продолжением которых может стать гражданская война, как, например, это случилось в Ливии.

Именно на Тунис и Ливию события «Арабской весны» оказали наибольшее мобилизующее воздействие. В связи с этим особая специфика маликитского измерения дискурса мобильности может быть рассмотрена сквозь призму именно этих стран. Исторический путь данных государств был весьма отличным, но в ходе событий 2010–2011 годов ситуация сложилась очень похожая. В обоих случаях имели место свержение лидеров, долгое время находящихся у власти, и замена правящей элиты представителями исламистских партий.

Как отмечается рядом зарубежных и отечественных авторов, гражданские протесты и военные столкновения были направлены именно на противодействие устоявшимся авторитарным режимам и необходимость их демократизации [7]. Практическая реализация демократии и свободные выборы неизбежно приводили к усилению происламских политических сил с последующей исламизацией страны. Это произошло не столько за счет сильной популярности таких партий и их поддержки в обществе, сколько в виду того, что они являлись единственной альтернативой силам, аффилированным с прежними режимами.

И в Тунисе, и в Ливии была осуществлена мобилизация мусульманской уммы с целью изменить социально-экономические условия и улучшить сравнительное положение государств. Несмотря на то, что как вооруженные противостояния в Ливии, так и акты гражданского неповиновения в Тунисе фактически означали крушение государств как институтов, именно катастрофы являются лучшим катализатором мобильности и, как следствие, потребности в изменениях [15, с. 237–238]. Разница в дальнейших событиях может быть объяснена внутренними особенностями государств, сопряженными со спецификой дискурса мобильности маликитских стран.

Тунис является гомогенным государством, где 99% населения говорит на местном варианте арабского языка и исповедует суннитское направление ислама. Существует историческое осознание государства, имеющего значимую доколониальную историю, процессы этнического становления в котором выкристаллизовали тунисскую нацию, сохранившую и институционально оформившую свои особенные черты в годы колониальной зависимости.

В стране распространен французский язык, используемый как второй. «Французский и стандартный арабский языки соперничают в таких престижных областях, как образование, управление, торговля, промышленность, СМИ и культура, что выделяет их положение в лингвистической полифонии Магриба. При этом динамика их употребления не постоянна и не равнозначна. Арабский в качестве официального языка имеет преимущество в делопроизводстве, но все же в этих странах французский язык продолжает использоваться в администрации» [2]. Фактор французского языка рассматривается как облег-

чающий проникновение в страну современных европейской концепций и идей, что способствует и культурному взаимодействию. Благодаря языку местная интеллигенция имеет более высокий потенциал мобильности и взаимодействия с западными коллегами, высокой является и образовательная мобильность.

Совокупность данных характеристик позволяет говорить о сравнительно высокой близости Туниса к европейскому пониманию национального государства. Государства, имеющего свою религию, этническую и национальную идентичность, устоявшееся понимание государственных границ и чувство пространства. Именно поэтому мобилизация населения не произвела значимых институциональных сдвигов, не сместила акцент внутренней ориентации общества на панарабские проекты или исламский космополитизм.

Сам подъем исламизма объясняется историческими особенностями, характеризующимися ситуацией, когда религиозная повестка зачастую подавлялась со стороны государства. «Чтобы понять причины кризиса и последовавшего за ним подъема исламизма, необходимо провести некоторый ретроспективный анализ и отметить, что тунисское общество после завоевания страной независимости испытало радикальную секуляризацию, каковой не знала ни одна другая арабская страна» [3]. При этом, «Широкая секуляризация, не подкреплённая повышением уровня жизни основных социальных групп, вызвала сопротивление части населения, склонявшегося к поддержке исламистов [3].

Тем не менее, исламисты агрегировали ту же повестку, которая существовала до 2010 года. Во время президентства Зин эль-Абидина Бен Али, в отличие от периода правления Хабиба Бургибы, преследованию подвергались только радикальные исламисты, умеренная повестка ретранслировалась действующей властью [4]. Любые идеи всегда подкреплялись ориентацией на достижение более высокого уровня жизни. Это способствовало быстрому падению популярности исламистов и их фактическому мирному отстранению от власти после парламентских выборов 2014 года.

Общим вектором мобильности стало создание тунисской модели, которая является эталоном демократии по меркам Африки, уникальным опытом развития политической ситуации и фактором возрастания демократических ожиданий в соседних странах. Данный проект приближает страну к состоянию национального государства европейского типа, не изменяя ключевым образом политический дискурс страны, отдавая предпочтение стабилизации политического устройства и воспроизводству действующей модели государства.

Резкий рост демократических настроений и соответствующие изменения нормативно-правовой базы с 2011 года соседствует с экспоненциальным ростом угроз государству с незначительным улучшением ситуации в 2015–2016 годах. Это не позволяет говорить о том, что данная модель будет воспроизводиться в долгосрочной перспективе, но дает возможность выявить структуру, благодаря которой она была создана. Само существование нынешнего политического режима стало следствием краткосрочного периода нахождения у власти умеренных исламистов, создавших архитектуру для дальнейшего политического диалога. Благодаря этому современные политические институты отчасти воспринимаются скорее как октроированные, нежели как следствие воли большинства.

Совершенно иной представляется ситуация в Ливии. Долгосрочное правление Муаммара Каддафи характеризуется крайне ограниченным политическим

плюрализмом, соседствовавшим с высоким уровнем жизни, достигнутым за счет экспорта углеводородов. За годы его правления в стране появились устойчивый средний класс, широкие социальные группы с высоким уровнем дохода и накоплением, а также значимое количество человек, получивших европейское образование. Все эти факторы породили высокие требования к государству на предмет участия граждан в процессе принятия политических решений.

При этом страна представляла собой крайне сложное историческое смешение трех разных регионов: Триполитании, Киренаики и Феццана, объединенных в начале XX века под властью Италии [10]. Разные части этой колонии исторически до этого никогда не осмыслили себя частью единого государства. Пестрым является и этнический состав населения: арабы, берберы и туареги. Причем каждая из указанных групп имеет собственные локальные места проживания. Несмотря на похожесть языковой нормы, даже ливийские арабы не всегда осознавали себя в качестве единой нации. Акцент на строительство ливийской нации делал в последние годы своего правления Муаммар Каддафи, однако даже более ранние его проекты были ориентированы на панарабскую повестку, оставшуюся актуальной в Ливии и по сей день. В частности, именно благодаря высокой актуальности панарабизма в Ливии легко создала свою базу запрещенная в РФ террористическая группировка ДАИШ.

Соответственно, возникший после «Арабской весны» вооруженный конфликт стал, в большей степени, именно следствием подобных противоречий. «Гражданская война в Ливии разгоралась, неся на себе отпечаток земляческих и межплеменных конфликтов, долгие годы тлевших под спудом режима «прямого народовластия» [1]. Отсутствие осознания населения как единой нации также отдаляет государство от статуса национального государства. В условиях, когда структурные ограничения маликитского мазхаба затрудняют реализацию демократии как проекции воли большинства, создается почва для вакуума власти.

Представляется, что разрешение возникшей ситуации возможно по двум направлениям. Во-первых, в Тунисе важную переходную роль сыграли умеренные исламисты, очертившие институциональные рамки для внутреннего политического диалога. В Ливии их приход к власти стал невозможен в виду активизации экстремистских группировок, этнических кланов, племен и внутреннего раскола. При создании предпосылок для преодоления такого рода противоречий и установления единовластия создалась бы почва для планомерного перехода власти в рамках демократических институтов, с вероятным последующим падением интереса к религиозной проблематике среди населения, как это было в Тунисе и соседнем Египте.

Во-вторых, это внешнее воздействие, следствием которого стала интенсификация конфликта, результатом чего может стать и его деэскалация. На практике это может представлять собой военную операцию с последующим созданием новой модели государства. Особенности маликитских стран таковы, что подобная октроированная модель имеет больше шансов на реализацию, нежели попытки сохранить действующие институты, потерявшие легитимность, как артикулируемые прежним режимом, не создавшим единое представление о нации среди ливийцев.

Подводя итог, можно заключить, что маликитское измерение дискурса мобильности основано на местных традициях, оставляющих высокий потен-

циал для динамики изменений. В качестве институциональной основы данного потенциала не рассматриваются демократические процедуры. Ограничивается и возможность проведения изменений со стороны исламского духовенства, что делает невозможным появление потенциальных моделей теократического правления. Кроме того, страны маликитской группы не имеют четкой позиции в дихотомии «национализм-космополитизм». Политические изменения, становящиеся следствием мобилизации, усиливают конъюнктурные особенности, которые продиктованы историческим опытом государства. Это позволяет говорить о совершенно различных дискурсах и векторах политического развития, возникающих в результате политических преобразований, которые могут выстраиваться в логике создания государства европейского образца, как это происходит в Тунисе, либо уничтожения государства под влиянием мобилизационных процессов, как это происходит в Ливии. Остальные страны региона, в целом, сосредоточены на стабилизации воспроизведения качественных характеристик политических систем в устоявшемся виде.

1. Видясова М. Ф. Куда идет тунисская «революция»? [Текст] / М. Ф. Видясова // Научно-аналитический журнал обозреватель – Observer. 2011. № 10. С. 79–96.

2. Дагбаева О.И. Особенности языковой ситуации в странах Северной Африки [Текст] / О.И. Дагбаева // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. 2015. № 1. С. 55–59.

3. Долгов Б.В. Демократия и исламизм в арабских странах (Алжир, Тунис, Египет) [Текст] / Б.В. Долгов // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2010. № 5. С. 285–302.

4. Долгов Б.В. Исламистский вызов в странах Магриба [Текст] / Б.В. Долгов // Азия и Африка сегодня. 2010. № 6. С. 41–48.

5. Исаков А.С. «Арабская Весна» как источник концептуального плюрализма в политических исследованиях исламского Востока [Текст] / А.С. Исаков // Социум и Власть. 2016. № 4 (60). С. 78–83.

6. Исаков А.С. Политическая модернизация в странах исламского Востока: концептуальный генезис [Текст] / А.С. Исаков // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. № 1. С. 79–92.

7. Корьякина Е.Ю. Ближний Восток накануне событий «Арабской весны»: взгляд германских экспертов [Текст] / Е.Ю. Корьякина // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. № 4. С. 12–19.

8. Курбанов М.А. Арабская Весна: возвращение к истокам? [Текст] / М.А. Курбанов // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 300–309.

9. Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего [Текст] / В.В. Наумкин, В.А. Кузнецов, Н.В. Сухов, И.Д. Звягельская. Москва, 2016. 34 с.

10. Пономарева Т.И. Образование итальянской колонии Ливия [Текст] / Т.И. Пономарева // Вестник Северного (арктического) федерального универ-

ситета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 1. С. 35–41.

11. Русакова О.Ф. Дискурс мобильности в современных коммуникациях [Текст] / О.Ф. Русакова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 13. С. 245–252.

12. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Дилеммы: «мобильность-стабильность» versus «развитие-застой» [Текст] / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3–4. С. 175–180.

13. Ханмагомедов Я.М. Сложение мусульманского (суннитского) права [Текст] / Я.М. Ханмагомедов // Исламоведение. 2013. № 2. С. 96–102.

14. Freedom in the World 2017. Tunisia [Электронный ресурс] // Freedom House. – Режим доступа: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2017/tunisia>.

15. Islam and Modernity [Text] // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 296 p.

16. Stein E. Studing Islamism after the Arab Spring [Text] / E. Stein // Mediterranean Politics. 2014. Vol. 19. No. 1. P. 97–120.

References

1. Vidyasova M.F. Kuda idet tunisskaya «revolyuciya»? [Tekst] / M.F. Vidyasova // Nauchno-analiticheskij zhurnal obozrevatel' – Observer. 2011. № 10. S. 79–96.

2. Dagbaeva O.I. Osobnosti yazykovoj situacii v stranax Severnoj Afriki [Tekst] / O.I. Dagbaeva // Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhyb Narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: Yazyki i special'nost'. 2015. № 1. S. 55–59.

3. Dolgov B.V. Demokratiya i islamizm v arabskix stranax (Alzhir, Tunis, Egipet) [Tekst] / B.V. Dolgov // Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke. 2010. № 5. S. 285–302.

4. Dolgov B.V. Islamistskij vyzov v stranax Magriba [Tekst] / B.V. Dolgov // Aziya i Afrika segodnya. 2010. № 6. S. 41–48.

5. Isakov A.S. «Arabskaya Vesna» kak istochnik konceptual'nogo plyuralizma v politicheskix issledovaniyax islamskogo Vostoka [Tekst] / A.S. Isakov // Socium i Vlast'. 2016. № 4 (60). S. 78–83.

6. Isakov A.S. Politicheskaya modernizaciya v stranax islamskogo Vostoka: konceptual'nyj genezis [Tekst] / A.S. Isakov // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki. 2017. № 1. S. 79–92.

7. Kor'yakina E.Yu. Blizhnij Vostok nakanune sobytij «Arabskoj vesny»: vzglyad germanskix e'kspertov [Tekst] / E.Yu. Kor'yakina // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki. 2015. № 4. S. 12–19.

8. Kurbanov M.A. Arabskaya Vesna: vozvrashhenie k istokam? [Tekst] / M.A. Kurbanov // Vestnik NGUE'U. 2013. № 4. S. 300–309.

9. Naumkin V.V., Kuznecov V.A., Suxov N.V., Zvyagel'skaya I.D. Blizhnij Vostok v e'poxu ispytaniy: travmy proshlogo i vyzovy budushhego [Tekst] / V.V. Naumkin, V.A. Kuznecov, N.V. Suxov, I.D. Zvyagel'skaya. Moskva, 2016. 34 s.

10. Ponomareva T.I. Obrazovanie ital'yanskoj kolonii Liviya [Tekst] /

T.I. Ponomareva // Vestnik Severnogo (arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2017. № 1. S. 35–41.

11. Rusakova O.F. Diskurs mobil'nosti v sovremennykh kommunikatsionnykh [Tekst] / O.F. Rusakova // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2014. № 13. S. 245–252.

12. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Dilemmy: «mobil'nost'-stabil'nost'» versus «razvitiye-zastoj» [Tekst] / O.F. Rusakova, V.M. Rusakov // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 3–4. S. 175–180.

13. Xanmagomedov Ya.M. Slozhenie musul'manskogo (sunnitskogo) prava [Tekst] / Ya.M. Xanmagomedov // Islamovedenie. 2013. № 2. S. 96–102.

14. Freedom in the World 2017. Tunisia [Elektronnyj resurs] // Freedom House. – Rezhim dostupa: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2017/tunisia>.

15. Islam and Modernity [Text] // Edited by M.Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 296 p.

16. Stein E. Studing Islamism after the Arab Spring [Text] / E. Stein // Mediterranean Politics. 2014. Vol. 19. No. 1. P. 97–120.

UDC 323.2+27, 327, 316.4

MALIKI MEASUREMENT OF DISCOURSE OF MOBILITY IN ISLAM

Isacov Alexander Sergeevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Senior lecturer,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article describes the Maliki measuring of discourse of mobility in Islam. the author attempts to generalize mobility-related discursive systems and identify ways of historical determination. the article deals with the legal formula of Maliki law school and its especial influence on the process of legitimation of the political changes. Specific features of Madhab derived from a consideration of two modern cases: the second jasmine revolution in Tunisia in 2010–2011 and military conflict in Libya since 2011. Also describes the influence of «Arab Spring» on the processes of mobilization of the Muslim population.

Key concepts:

Maliki madhab, discourse of mobility, political Islam, Libya, Tunisia, Arab Spring.

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС» (Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)

Доклады

УДК 327+008 (510)

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ МЯГКОЙ СИЛЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Кучинская Татьяна Николаевна,

Забайкальский государственный университет,
доктор философских наук, доцент,
Чита, Россия,
E-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается китайская модель «мягкой силы» и ее трансформации в современных условиях. Автор выявляет культурно-ценностные ресурсы, принципы построения «мягкой силы» КНР и механизмы ее реализации. Внутренние и внешние практики китайской «мягкой силы» выступают частью культурной стратегии КНР. Автор прогнозирует дальнейшее наращивание Китаем «мягкой силы» и расширение ареала культурно-цивилизационного влияния, требующего учета в современных российско-китайских отношениях.

Ключевые понятия:

мягкая сила, национальная модель, Китай, практики мягкой силы.

Теоретический конструкт «soft power», разрабатываемый с конца 80-х гг. прошлого столетия Дж. Найем-мл., обрел плодотворную почву в современном научном дискурсе и политических практиках государств

мира, генерируя порой специфические формы и инструменты, образующие национальные модели.

Необходимо отметить, что выделенные нами базовые компоненты «мягкой силы» (культура, политические ценности и идеалы, внешняя политика) [11, с. 11.] спустя четверть века значительно трансформировались и расширились. Смещение акцентов в современном дискурсе «soft power» в сторону культуры, культурных ценностей и норм, по мнению профессора Лондонской Школы экономики В.А. Коллахэна, означает «культурный разворот» (cultural turn) в международных отношениях в целом [10, с. 217]. Научный анализ «soft power» как особого рода управленческой политики переходит в плоскость дискурсивного, структурного и измерительно-инструментального подходов [12]. «Soft power» как культурная стратегия и инструмент межкультурной коммуникации становится предметом антропологических, культурфилософских и культурологических исследований.

Особый интерес в этом плане представляет опыт современного Китая. Китайский научный дискурс «мягкой силы», бытующий в междисциплинарном поле теории культуры и теории силы, породил гибридизированное понятие – «мягкая сила культуры» (中国文化软实力). Исследование данного феномена в КНР выделилось в отдельное научное направление, получившее институциональное оформление в виде «мозговых центров» мягкой силы [7, с. 22]. В целом, культура выступает «фундаментом» китайской модели мягкой силы, определяя её культуроцентричность.

Базовыми ресурсами культурной «мягкой силы» Китая являются традиционная китайская культура как «ядро» «мягкой силы»; демонстрация экономических и политических успехов страны; культурные инновации как механизм актуализации, популяризации и наращивания культурной мощи. Процесс ценностно-идеологического наполнения содержания «мягкой силы» Китая соответствует принципу триединства составляющих: сохранение китайской специфики, содействие культурным инновациям и улучшение качества культурной продукции [9].

Традиционная культура как источник «мягкой силы» культуры Китая обладает значительным потенциалом. Традиции политического наследия, жизненность которых онтологизируется как компонент традиционной политической культуры [4, с. 115] обогащает представление о «мягкой силе» властных отношений и «мягких» методах управления, связанное с учениями древнейших китайских философов Лао-цзы, Конфуция, Мэн Кэ, Сунь-цзы.

Культурные инновации как источник «мягкой силы» призваны укреплять её мощь, превращая Китай «из обладающего культурными ресурсами в глобальную культурную державу» [2]. Особая роль в этом процессе отводится процессу инновирования и укрепления китайских культурных ценностей.

Инновационное строительство системы «китайских ценностей» сводится к «реанимированию» традиционных ценностей, укреплению ценностей социализма, генерированию «всеобщих» ценностей. Базовые ценности являются духовным ядром «мягкой силы», всеобщие ценности – основой,

образуя единую систему ценностей «мягкой силы» китайской культуры, включающую традиционные ценности китайской культуры (гармония, долг, доверие, дружелюбие и др.), ценности социализма (справедливость, равенство, свобода), заимствованные и китаизированные ценностные элементы инкультур (демократия, законность, благосостояние и др.). Синтез данных ценностей является для китайской культуры инновационной формой, позволяющей Китаю транслировать свою «мягкую силу» внутри и вовне [6].

Принципы укрепления культурной «мягкой силы» КНР сводятся к нацеленности на сбалансированное развитие: 1) системы базовых ценностей китайской культуры и культурного разнообразия; 2) социального и экономического эффекта культурных инноваций; 3) национального культурного производства и межкультурной коммуникации; 4) культурного строительства и социокультурной модернизации страны; 5) традиций и открытости.

Концепция «мягкой силы» обрела плодотворную почву в партийной идеологии КПК, гармонично встраиваясь в социокультурную реальность современного Китая посредством политических практик.

Коренные отличия китайской модели «мягкой силы» заложены в её двухвекторной направленности: на гармонизацию внутри китайского социума и вовне. Использование «мягкой силы» как инструмента внутренней политики КНР рядом западных ученых и аналитиков оценивается как негативный опыт, практикующийся в ряде авторитарных государств [10; 13]. Так, в рамках общей концепции повышения «мягкой силы» китайской культуры отмечается необходимость улучшения духовного состояния общества, повышение гражданской ответственности, воспитание в духе общественной, профессиональной и семейной этики, повышение моральных требований, предъявляемых к личности, развитие высокой традиционной нравственности китайской нации и культивирование новых нравов и морально-этических принципов, соответствующих эпохе. На практике реализация этих задач предполагается на основе расширения массовых мероприятий по развитию духовной культуры, волонтерского сервиса [5].

Диверсифицированная система практик мягкой силы культуры Китая включает общепринятые и специфические культурные механизмы. Среди наиболее эффективных и активно используемых в КНР площадок мягкой силы культуры внутри страны выделяют радио-, телевизионную и интернет-индустрии, новостные информационные сайты. Неотъемлемой частью культурного строительства КНР является развитие брендов культурных индустрий как механизма укрепления силы китайской культуры. Специфичные культурные практики КНР включают: «возрождение традиционных китайских академий Шуюань, создание сети мозговых центров нового типа с китайской спецификой», «культурных экозащитных зон (КЭЗ)», формирование и продвижение культурных брендов внутренних регионов КНР в рамках реализации стратегии «мягкой силы региональной культуры» [3; 8] и т. п.

По мнению китайских исследователей, инструментальный набор китайской «мягкой силы» включает ряд политико-идеологических и социокультурных ресурсов – мягкую политическую власть, культурную власть,

дипломатическую силу, культурную, экономическую, экологическую и т. д.; идентификационную мощь идеологии и ценностных ориентаций, притягательную силу социокультурной организации и модели развития, творческую силу нации [1, с. 135–136].

Специфика китайской «мягкой силы» во внешних социокультурных практиках её продвижения проявляется в механизмах прямого культурного воздействия и опосредованных внешнеполитических механизмах.

Агентами-проводниками прямого культурного воздействия выступают: 1) институты и классы Конфуция – глобальный культурно-образовательный проект при политической, кадровой и финансовой поддержке правительства КНР (Ханьбань), направленный на популяризацию китайского языка и культуры. К концу 2015 г. проект насчитывал 500 Институтов и 1000 классов Конфуция со штаб-квартирами в 135 странах и регионах мира; 2) образовательные программы и международные обмены, нацеленные на привлечения иностранных студентов, численность которых планируется увеличить к 2020 г. до 500 тыс. чел.; 3) туристические бренды, выступающие важным механизмом распространения информации о китайской культуре, историческом и культурном наследии; 4) массовые общественно-культурные мероприятия (форумы, конференции, выставки и т. д.); наиболее масштабные культурные проекты последних лет – Всемирная выставка ЭКСПО 2010 в Шанхае, Олимпиада-2008 в Пекине, Универсиада-2009 в Харбине, Годы культуры (2007–2008), языка (2009–2010), туризма (2012–2013) в России и Китае); 5) культурные индустрии в плане содействия их выходу на мировые рынки и создания узнаваемых китайских брендов; особое значение придается киноиндустрии, медиапроизводству, издательской продукции, развитию Интернета, новостных и информационных агентств; 6) транснациональные сети зарубежных китайцев, как «продолжение» Китая, способствуют активному распространению китайской культуры в мире, «укреплению дружеских связей с другими народами мира, вносят значительный вклад в дело мира и развития во всем мире».

Опосредованные (экономические, социальные, политические) социокультурные механизмы китайской «мягкой силы» реализуются через ценностные установки внешней стратегии КНР построения «гармоничного мира» и нового китайского «гармоничного регионализма». «Мягкая сила» «гармоничного регионализма» проявляется в расширении представительства Китая в международных и региональных интеграционных объединениях и увеличении «государств-сателлитов», поддерживающих «Пекинский консенсус» в различных регионах мира. Наибольшего успеха в реализации «мягкой силы» Китай добился в ряде стран африканского, латиноамериканского, юго-восточного, центрально-азиатского регионов, определяя контуры расширения своего социокультурного пространства.

Дальнейшее наращивание мощи «мягкой силы» Китаем и расширение ареала культурно-цивилизационного влияния, по мнению экспертов, могут быть лимитированы лишь рядом факторов: непопулярность «китайской модели», авторитарного «Пекинского консенсуса», традиционно иерархич-

ного и эголитаристского видения китайского мирового порядка на Западе, обеспокоенность наращиванием «жесткой силы» Китая в мире.

Анализ ценностного наполнения и социокультурных практик реализации «мягкой силы» позволяет сделать вывод о том, что Китай обладает достаточным ценностным потенциалом для дальнейшего наращивания своего «культурного присутствия», в т.ч. и в России, что обуславливает необходимость усиления культурной стратегии РФ с целью выстраивания гармоничного взаимодействия двух стран.

1. Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. М.: Восточная книга, 2010. 240 с.

2. Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М.: Восточная книга, 2014. 256 с.

3. Абрамова Н.А. Культурные индустрии в социокультурных практиках современного Китая (на примере провинций Хэнань и Сычуань) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2011. № 10. С. 95–100.

4. Абрамова Н.А. Политическая культура Китая. Традиции и современность. М.: Муравей, 2001. 320 с.

5. Доклад Ху Цзиньгао на XVIII съезде Коммунистической партии Китая // Китай: перспективы и реалии. 2012. № 1. С. 10–27.

6. Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: автореф. дис. ... доктора философских наук: 09.00.13 / Забайкальский государственный университет. Чита, 2013. 43 с.

7. Тарабарко К.А., Кучинская Т.Н. Культурные практики реализации «мягкой силы» Китая // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 22–24.

8. Тарабарко К.А., Кучинская Т.Н. Мягкая сила региональной культуры: осмысление опыта современного Китая // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII Междунар. науч.-практич. конференции (Благовещенск-Хэйхэ, 22–23 мая 2017 г.) / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск: БГПУ, 2017. С. 356–360.

9. Шэнь Чжуанхай. Вэньхуа жуаньшили хуаюй цзяньгоу: сяньши юй фанши = Мягкая сила культуры в китайском дискурсе: китайская реальность и китайский путь // Доклад китайских культурных инноваций. Пекин, 2010. № 1. С. 49–64.

10. Callahan W.A. Identity and Security in China: the Negative Soft Power of the China Dream // POLITICS. 2015. Vol. 35 (3–4), p. 216–229.

11. Nye J.S. Soft Power: the Means to Success in World Politics / J.S. Nye – NY: Public Affairs Group, 2004. 397 p.

12. Soft Power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.

13. Wilson Jeanne L. Russia and China Respond to Soft Power:

Interpretation and Readaptation of a Western Construct // *Politics*. 2015. Vol. 35, Special Issue 3–4. P. 287–300.

References

1. Abramov V.A. Globaliziruyushhijsya Kitaj: grani sociokul'turnogo izmereniya. M.: Vostochnaya kniga, 2010. 240 s.
2. Abramov V.A., Abramova N.A. Cennostnyj potencial kitajskogo «mogushhestvennogo kul'turnogo gosudarstva» v proekciyax global'nogo razvitiya. M.: Vostochnaya kniga, 2014. 256 s.
3. Abramova N.A. Kul'turnye industrii v sociokul'turnyx praktikax sovremennogo Kitaya (na primere provincij Xe'nan' i Sychuan') // *Rossiya i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstviya: sbornik Vostochnogo centra*. 2011. № 10. S. 95–100.
4. Abramova N.A. Politicheskaya kul'tura Kitaya. Tradicii i sovremennost'. M.: Muravej, 2001. 320 s.
5. Doklad Xu Czin'tao na XVIII s"ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya // *Kitaj: perspektivy i realii*. 2012. № 1. S. 10–27.
6. Kuchinskaya T.N. Arhitektonika sociokul'turnogo prostranstva Kitaya v usloviyax transnacional'nogo mezhkul'turnogo vzaimodejstviya RF i KNR: avtoref. dis. ... doktora filosofskix nauk: 09.00.13 / Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet. Chita, 2013. 43 s.
7. Tarabarko K.A., Kuchinskaya T.N. Kul'turnye praktiki realizacii «myagkoj sily» Kitaya // *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2017. № 1. S. 22–24.
8. Tarabarko K.A., Kuchinskaya T.N. Myagkaya sila regional'noj kul'tury: osmyslenie opyta sovremennogo Kitaya // *Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy VII Mezhdunar. nauch.-praktich. konferencii (Blagoveshhensk-Xe'jxe', 22–23 maya 2017 g.)* / Otv. red. D.V. Buyarov. Blagoveshhensk: BGPU, 2017. S. 356–360.
9. She'n' Chzhuanxaj. Ve'n'xua zhuan'shili xuayuj czyan'gou: syan'shi yuj fanshi = Myagkaya sila kul'tury v kitajskom diskurse: kitajskaya real'nost' i kitajskij put' // *Doklad kitajskix kul'turnyx innovacij*. Pekin, 2010. № 1. S. 49–64.
10. Callahan W.A. Identity and Security in China: the Negative Soft Power of the China Dream // *POLITICS*. 2015. Vol. 35 (3–4), p. 216–229.
11. Nye J.S. *Soft Power: the Means to Success in World Politics* / J.S. Nye – NY: Public Affairs Group, 2004. 397 p.
12. *Soft Power: teoriya, resursy, diskurs* / pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. 376 s.
13. Wilson Jeanne L. Russia and China Respond to Soft Power: Interpretation and Readaptation of a Western Construct // *Politics*. 2015. Vol. 35, Special Issue 3–4. P. 287–300.

UDC 327+008 (510)

CHINESE MODEL OF SOFT POWER: MODERN TRANSFORMATIONS

Kuchinskaya Tatiana Nikolaevna,

Transbaikal State University,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Chita, Russia,
E-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

Annotation

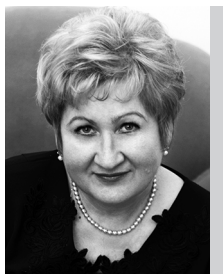
The article examines the Chinese model of “soft power” and its transformation in modern conditions. the author reveals cultural recourses of the PRC’s “soft power” construction and mechanisms of its implementation. Internal and external practices of the Chinese “soft power” are a part of the PRC’s cultural strategy. the author predicts further expansion of China’s “soft power” and the space of its cultural-civilizational influence that should be considered in the development of modern Russian-Chinese relations.

Key concepts:

soft power, national model, China, practices of soft power.

УДК 378

ПОЛИТИКА МЯГКОЙ СИЛЫ РФ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Терентьева Ирина Васильевна,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
доктор педагогических наук, доцент,
Казань, Россия,
E-mail: irina.terenteva@kpfu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты развития «мягкой силы» в России. В работе отмечается, что пополнение запасов «мягкой силы» предполагает гибкое, контекстно-зависимое, интегрированное и творческое использование разнообразных коммуникативных технологий. Делается вывод, что качественные и количественные параметры реализуются лишь в той степени, в которой их признают другие участники процесса, прежде всего рядовые граждане.

Ключевые понятия:

Россия, «мягкая сила», развитие страны.

Современные реалии демонстрируют, как наряду с реализацией концепции странового маркетинга все больше растет интерес к развитию и осуществлению «мягкой силы».

Как известно, «бренд» – это сугубо позитивный оценочный термин. Практика убеждает, что бренд страны может быть сильным или слабым, иногда противоречивым, наконец, бренда у страны может и не быть, а вот негативных брендов практически не бывает. Уместно напомнить понятие «страновой брендинг», означающее деятельность, направленную на создание бренда страны и управление им. Оно было введено в научный оборот Саймоном Анхолтом, который сам от него очень быстро отказался, однако, запущенный им термин в обращении все же остался.

В чем же различие между понятиями «страновой брендинг» и «мягкая сила»? Оно коренится в различии дисциплинарной принадлежности (теория международных отношений, в одном случае, и теория маркетинга – в другом), а также – в их прагматической направленности.

Интегрировать эти категории стремились многие исследователи. Голландский ученый Петер Ван Хам в 2001 г. в статье «Восход государства-бренда» детально анализирует использование брендинговых технологий во внешнеполитических целях. Так, отмечает автор, Словения осталась *балканской* страной, хотя хотела бы присоединиться к бренду стран *альпийских, страны Балтии* пока не оказались в числе *северных*, как им хотелось бы. А вот прием новых членов в НАТО – по Ван Хаму, во многом задуманный как присоединение к сильному бренду и одновременно попытка этот бренд усилить, несмотря на отсутствие реальной военной необходимости и немалые издержки, состоялся [4].

Очевидно, что близкими к ним являются такие традиционные категории, как публичная дипломатия, пропаганда, информационная война, объединяющиеся под общим названием – коммуникативные технологии. Между всеми этими категориями имеются серьезные различия, анализ которых требует специального обсуждения. Поэтому ограничимся важным категориальным уточнением: публичная дипломатия, пропаганда, информационная война, равно как и страновой брендинг – это виды деятельности и одновременно – инструменты. «Мягкая сила», в отличие от них, – это ресурс, для обретения которого могут использоваться все перечисленные виды деятельности (при этом понятия «пропаганда» и «информационная война» имеют отрицательные оценочные коннотации и в контексте разговоров о «мягкой силе» их обычно избегают [5]).

Относительная непредсказуемость процесса формирования «мягкой силы», а также затянувшийся эффект предпринимаемых усилий, являются ее особенностями. Многие ученые считают, что для осуществления (ре) брендинга страны надо не менее двух десятков лет. Эта константа подтверждается примерами из реальной практики. Построение удачного ребрендинга Германии, Японии, Испании, Южной Кореи и ЮАР, например, до сих пор не завершено [6]. Продолжительность и многофакторность обретения «мягкой силы» делает этот процесс трудно контролируемым.

Существуют также разные подходы к измерению «мягкой силы». Один из них [7] был предложен корпорацией RAND, которая провела исследование по разработке способов измерения страновой силы (*nation power*), одним из компонентов которой была признана «мягкая сила» (2005 г.). Использовались в работе потенциальные параметры «мягкой силы» (инновации, распространение языка и культурных ценностей, система союзов, доступ к международным коммуникациям, туризм и т. п.). Интересно, что авторы исследования предложили использовать простейший субъективный критерий – ответ на один-единственный вопрос: «В какой стране, если не в вашей собственной, вы хотели бы жить?» [8]. Очевидно, что накопив ответы на этот вопрос, не составляло бы труда выстроить рейтинг измеренной таким образом «мягкой силы» стран.

В 2012 году общественности были представлены результаты исследования, выполненного совместно компанией «Ernest and Young» и Московской школой управления «Сколково» [9]. В нем на основе изучения источников (статистика международных организаций, рейтинги в прессе), относящихся в основном ко второй половине 2000-х гг., были рассчитаны два рейтинга «мягкой силы». Один – для двадцати быстроразвивающихся на тот момент рынков (в порядке мест в рейтинге: КНР, Индия, Россия, Бразилия, Турция, Мексика, ЮАР, Венгрия, Чехия, Словакия, Польша, Эстония, Украина, Чили, Румыния, Литва, Хорватия,

Аргентина, Коста-Рика, Индонезия). Другой, совмещающий страны G7 и первые семь стран из первого списка (получилось следующее: США, Франция, Германия, Великобритания, Канада, Италия, Япония плюс КНР, Индия, Россия, Бразилия, Турция, Мексика, ЮАР). Россия, как видим, оказалась в этих рейтингах на вполне почетном третьем и десятом местах соответственно. Следует сказать, что в «сколковском» индексе самой сильной позицией России стала иммиграция – конечно из стран СНГ [12].

И все же данные рейтинги «мягкой силы» вызывают некоторые вопросы. Прежде всего, почему сравнение по «мягкой силе» проводится среди быстро развивающихся экономик? Быстрое экономическое развитие способно привлекать к стране симпатии, но это – не главный фактор, их обеспечивающий, ведь «мягкая сила» ассоциируется скорее с традицией, чем с динамикой. При этом, некоторые обстоятельства и условия, сопутствующие быстрому развитию экономики, например, экологические проблемы, отнюдь, не способствуют благоприятному имиджу страны. И подобный выбор «выводит из игры» такие страны, как Швейцария, Австрия, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Они – не самые динамичные в экономическом развитии, хотя в рейтингах страновых брендов неизменно занимают высокие места.

Представляется, что более эффективные инструменты измерения «мягкой силы» скорее могут быть созданы на основе уже апробированных рейтингов страновых брендов. Как отмечают специалисты, наиболее универсальными из них являются следующие:

– Индекс национальных брендов (*The Anholt-GfK Roper Nation Brands Index* – *NBI*), разработанный С. Анхолтом в 2005 г. Он определяется путем опроса постоянно возрастающего числа респондентов [10] сперва в 35, а затем в 50 странах из различных регионов мира.

– Индекс страновых брендов (*Country Brand Index* – *CBI*), публикуемый международной консалтинговой компанией «Future Brand». В нем ранжируется в два с лишним раза больше, по сравнению с *NBI*, количество стран (118 в 2012 г.), тогда как число оценщиков значительно меньше, и это в основном люди, так или иначе связанные с путешествиями. К тому же, в нем используется более сложная опросная схема, которая в большинстве своем учитывает субъективные ощущения респондентов.

Тем не менее, несмотря на указанные различия, десятка стран-лидеров, указанных в *NBI-2012* и *CBI-2012/2013*, совпадает на 70%, а различия носят вполне предсказуемый характер: по праву во втором рейтинге отсутствуют Великобритания, Франция и Италия, зато присутствуют Новая Зеландия, Норвегия и Финляндия (излюбленные места активного туризма). Надо, впрочем, заметить, что первые три страны все равно присутствуют в *CBI* на высоких местах.

Россия в *NBI-2012* находится на 22 месте, и за все время существования этого индекса сдвигалась вверх или вниз максимум на 1–2 пункта. При этом тянет вниз Россию позиция «Государственное управление» (42-е место в 2012 г.), а «вытягивает» позиция «Культура и историческое наследие» (9-е место в 2012 г.). Другие позиции – это «Экспорт», «Люди», «Туризм», «Инвестиции и иммиграция». Позиция России в *CBI* еще хуже – 83-е место, вслед за Боснией и Герцеговиной и перед Бахрейном (в 2011 г. было 82-е место, в 2010 г. – 81-е).

В отличие от *NBI*, в рейтинге *SBI* Россия не попадает в первые 25 позиций даже по параметру «Культура и культурное наследие».

Разумеется, приведенные рейтинги страновых брендов для использования их с целью оценки «мягкой силы» необходимо модифицировать; ясно и то, что выстраивать систему для измерения «мягкой силы» проще именно на основе существующей системы измерения страновых рейтингов.

Пополнение запасов «мягкой силы» предполагает гибкое, контекстно-зависимое, интегрированное и творческое использование самых разнообразных коммуникативных технологий. Здесь любая деятельность должна сопровождаться четким пониманием нескольких принципиально важных моментов.

1. Главный фактор создания благоприятной репутации страны /формирования ее бренда/, обретения ею «мягкой силы» – это реальное развитие в таком направлении и к такому состоянию, которое будет привлекать к ней симпатии. В страновом брендинге рассогласованность векторов коммуникации и реального развития и даже простое отставание второго от первого, если и не сводит на нет, то во многом обесценивает все коммуникативные усилия.

2. Формирование бренда страны и обретение ею «мягкой силы» даже при самых благоприятных условиях – это долгий процесс, результаты которого становятся обычно заметными в среднем через два десятилетия, когда на страну по-новому взглянет уже следующее поколение. Причем, это именно процесс, а не контролируемая процедура. Бренд не строится, а выращивается, «мягкая сила» постепенно набирается, репутация складывается. Этим процессам можно способствовать или препятствовать, но надо понимать, что факторы, влияющие на них, многообразны, а сами они имеют особенности и собственные векторы движения.

3. Действия, претендующие на способствование усилению «мягкой силы» или ее эффективное использование, должны быть согласованы между собой. Пока что практика в этом плане оставляет желать лучшего.

Подчеркнем, что «мягкая сила» – это еще и политический ресурс, и как всякий ресурс он может накапливаться, использоваться, и утрачиваться. При этом данный ресурс обладает важной особенностью: его качественные и количественные параметры достигают такой степени, в которой они востребованы другими участниками процесса, причем, как было замечено выше, прежде всего индивидами, рядовыми гражданами.

Времена существования СССР и постсоветской России знали периоды взлета и падения «мягкой силы» страны. Эти периоды довольно убедительно рассмотрены в краткой заметке профессора НИУ ВШЭ А.П. Портанского [3]. По его трактовке, максимум был достигнут в 1945–1961 гг., затем последовало уменьшение, особенно после 1968 г. Новый рост начался с перестройкой и продолжился после 1991 г. Начиная с дела «Юкоса» в 2003 г., пошло быстрое снижение, перешедшее в 2012 г. в стремительно ускоряющееся падение. На настоящий момент в России наблюдается острейший дефицит «мягкой силы», что мобилизует страну к активным действиям.

Немалое значение имеет активность отдельно взятых российских регионов. Так, во Всемирный конгресс российских соотечественников входит Всемирный конгресс татар, который объединяет общественные организации татарской диаспоры, находящиеся в различных странах мира. Именно они организуют, к при-

меру, фольклорный национальный праздник «Сабантуй», ставший общепризнанным международным культурным мероприятием, признанным ЮНЕСКО. Сабантуй, впервые проведенный 25 мая 2017 г. в Париже у подножия Эйфелевой башни, собрал более 10 тыс. участников, где были представлены великолепные образцы народного творчества. Мэр Парижа г-жа Анн Идальго по достоинству оценила значимость таких мероприятий между нашими странами, причем столь значимое мероприятие, как оказалось, можно проводить не только на уровне столиц государств, но и региональных городов. Как положительный итог праздника Сабантуй, можно назвать возникшие идеи развития совместных программ между Казанью и Парижем в области туризма, образования, а также – создания совместных предприятий, развитии инфраструктуры городов и т. д.

Другой важный момент – подготовка молодых специалистов, готовых профессионально использовать возможности «мягкой силы». С этой целью в Казанском федеральном университете организована Школа публичной дипломатии, представляющая собой новую форму общественного взаимодействия [14].

Одно можно сказать, что чем позитивнее образ государства, тем больше у него возможностей эффективно использовать инструментарий «мягкой силы». И наоборот. Соответственно, уповать исключительно на «мягкую силу» как на способ улучшения восприятия государства за рубежом, неправильно. Здесь вполне применима аналогия с принципом сообщающихся сосудов, исключаящим возможность того, что один из сосудов будет полон, а другой – пуст.

---

1. Астафьева, Е.М. «Жесткое» влияние «мягкой силы» [Текст] / Е.М. Астафьева // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2009. – № 12. – С. 17–28.

2. Най, Джозеф С. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике [Текст] / Джозеф С. Най. – Нью-Йорк: Паблик афферз, 2004. – 192 с.

3. Павлов, А. «Мягкая сила» в контексте лидерства [Текст] / А. Павлов // Русский журнал. – 25.10.2008.

4. Политология [Текст]: Учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2009. – 511 с.

5. Рогозин, А. Коммерческий пиар и политические технологии объединяются (Беседа члена Молодежной общественной палаты, аспиранта МГИМО (У) МИД России Алексея Рогозина с Дж. Наем о НАТО, России и «умной силе») [Электронный ресурс] / А. Рогозин // www.apn.ru/index.php?newsid=20896. – 3 с.

6. Рукавишников, В. О «мягкой мощи» России в глобализирующемся мире [Текст] / В. Рукавишников // Управление мегаполисом. – 2009. – № 4. – С. 105–124.

7. Сизов, В. Фактор силы в политике США [Текст] / В. Сизов // Международные процессы. – 2009. – № 2. – С. 33–40.

8. Современная мировая политика: прикладной анализ [Текст] / отв. ред. А.Д. Богатуров. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 588 с.

9. Трибрат, В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю [Текст] / В. Трибрат // Международные процессы. – 2005. – № 1. – С. 34–39.

10. Филимонов, Г.Ю. Неофициальная внешняя культурная политика как компонент «мягкой силы» США [Текст] / Г.Ю. Филимонов // США и Канада:

экономика, политика, культура. – 2007. – № 4. – С. 69–82.

11. Хелемендик, С. SoftPower – мягкая сила «made in USA» [Электронный ресурс] / С. Хелемендик // inosmi.ru. – 2 с.

12. Шелов-Коведяев, Ф.В. Мировой кризис и инструментарий «мягкой силы» для России [Текст] / Ф.В. Шелов-Коведяев // Безопасность Евразии. – 2009. – № 3. – С. 218–232.

13. Net, J. US power and strategy after Iraq // Foreign affairs. – N.Y., 2003. – № 4. – P. 60–73.

14. Сайт КФУ. URL: <http://kpfu.ru/imoiv/struktura/otdeleniya/otdelenie-mezhdunarodnyh-otnoshenij/kafedra-mezhdunarodnyh-otnoshenij/kruzhki-nauchnye-i-uchebnye-centry/shkola-publichnoj-diplomatii>.

References

1. Astaf'eva, E.M. «Zhestkoe» vliyanie «myagkoj sily» [Tekst] / E.M. Astaf'eva // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. – 2009. – № 12. – S. 17–28.

2. Naj, Dzhozef S. Myagkaya sila. Slagaemye uspeha v mirovoj politike [Tekst] / Dzhozef S. Naj. – N'yu-Jork: Pablik afferz, 2004. – 192 s.

3. Pavlov, A. «Myagkaya sila» v kontekste liderstva [Tekst] / A. Pavlov // Russkij zhurnal. – 25.10.2008.

4. Politologiya [Tekst]: Uchebnik / otv. red. V.D. Perevalov. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: NORMA, 2009. – 511 s.

5. Rogozin, A. Kommercheskij piar i politicheskie texnologii ob"edinyayutsya (Beseda chlena Molodezhnoj obshhestvennoj palaty, aspiranta MGIMO (U) MID Rossii Alekseya Rogozina s Dzh. Naem o NATO, Rossii i «umnoj sile») [E'lektronnyj resurs] / A. Rogozin // www.apn.ru/index.php?newsid=20896. – 3 s.

6. Rukavishnikov, V. O «myagkoj moshhi» Rossii v globaliziruyushhemsya mire [Tekst] / V. Rukavishnikov // Upravlenie megapolisom. – 2009. – № 4. – S. 105–124.

7. Sizov, V. Faktor sily v politike SShA [Tekst] / V. Sizov // Mezhdunarodnye processy. – 2009. – № 2. – S. 33–40.

8. Sovremennaya mirovaya politika: prikladnoj analiz [Tekst] / otv. red. A.D. Bogaturov. – M.: Aspekt Press, 2009. – 588 s.

9. Tribat, V. «Myagkaya bezopasnost'» po Dzhozefu Nayu [Tekst] / V. Tribat // Mezhdunarodnye processy. – 2005. – № 1. – S. 34–39.

10. Filimonov, G.Yu. Neoficial'naya vneshnyaya kul'turnaya politika kak komponent «myagkoj sily» SShA [Tekst] / G.Yu. Filimonov // SShA i Kanada: e'konomika, politika, kul'tura. – 2007. – № 4. – S. 69–82.

11. Xelemendik, S. SoftPower – myagkaya sila «made in USA» [E'lektronnyj resurs] / S. Xelemendik // inosmi.ru. – 2 s.

12. Shelov-Kovedyaev, F.V. Mirovoj krizis i instrumentarij «myagkoj sily» dlya Rossii [Tekst] / F.V. Shelov-Kovedyaev // Bezopasnost' Evrazii. – 2009. – № 3. – S. 218–232.

13. Net, J. US power and strategy after Iraq // Foreign affairs. – N.Y., 2003. – № 4. – P. 60–73.

14. Sajt KFU. URL: <http://kpfu.ru/imoiv/struktura/otdeleniya/otdelenie-mezhdunarodnyh-otnoshenij/kafedra-mezhdunarodnyh-otnoshenij/kruzhki-nauchnye-i-uchebnye-centry/shkola-publichnoj-diplomatii>.

UDC 378

SOFT POWER POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND APPLIED ASPECT

Terentyeva Irina Vasilievna,

Kazan (Privolzhsky) Federal University,
Doctor of pedagogical sciences, Associate professor,
Kazan, Russia,
E-mail: irina.terenteva@kpfu.ru

Annotation

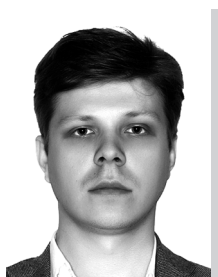
Some aspects of the development of “soft power” in Russia are considered in the article. the paper notes that replenishment of the “soft power” reserves implies flexible, context-dependent, integrated and creative use of various communication technologies. It is concluded that qualitative and quantitative parameters are realized only to the extent that they are recognized by other participants in the process, primarily ordinary citizens.

Key concepts:

Russia, “soft power”, the development of the country.

УДК 327

«МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Столетов Олег Владимирович,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
кандидат политических наук, старший преподаватель,
Россия, Москва,
E-mail: oleg-stoletov1@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются особенности политики «мягкой силы» России в макрорегионе Большого Средиземноморья. Автор дает характеристику понятию «Большое Средиземноморье», анализирует основные политические потребности и институциональные формы российского «мягкого» влияния в регионе. Основное внимание уделяется региональному измерению публичной дипломатии различных российских организаций. Автор приходит к выводу, что использование Россией технологий «мягкой силы» в Большом Средиземноморье преимущественно выстраивается в парадигме историко-культурного диалога.

Ключевые понятия:

Россия, «мягкая сила», публичная дипломатия, Большое Средиземноморье.

В условиях возрастающей динамики протекания в современном мире процессов макрорегионализации, значимость регионального измерения стратегии «мягкой силы» существенно возрастает. Эта тенденция проявляется в политике «мягкого» влияния ведущих государств мира, в том числе России. В рамках данной статьи перспективным представляется рассмотрение особенностей политики «мягкой силы» России в Большом Средиземноморье. Данный регион рассматривается нами как макрорегиональная форма географической, геополитической, геоэкономической и геокультурной пространственной взаимосвязанности, существующей между Черноморским регионом, Южной Европой, Ближним Востоком, Северной Африкой, Кавказом и бассейном Каспийского моря.

Регион Большого Средиземноморья по ряду причин является для России стратегически значимым. Об этом было сказано еще в Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 года [12].

Выход России к Черному морю позволяет ей развивать экономические связи с широким спектром стран Большого Средиземноморья, в первую очередь, в сфере энергопоставок. Ключевая роль в данном аспекте сегодня принадлежит Турции и Греции (проект «Турецкий поток») – странам, которые представляют собой плацдарм для выхода России на рынки энергоносителей третьих государств. Большое Средиземноморье является важным звеном в проекте КНР «Один пояс – один путь» и инициативе России «Большое Евразийское партнерство» [24; 29].

Важным фактором, усиливающим значимость Большого Средиземноморья для России, является возрастание региональных угроз. Военно-стратегическая угроза для России вызвана перманентным увеличением присутствия НАТО в регионе. Большинство балканских государств (Болгария, Хорватия, Словения, Албания), имеющих выход к Черному, либо Средиземному морям, в 2000-е годы были включены в Альянс. В июне 2017 года официально была принята в НАТО Черногория [16]. При этом политика НАТО в сфере обеспечения региональной безопасности продемонстрировала свою неэффективность в ходе вооруженных конфликтов в Ираке, Ливии и Сирии. Возрастание военно-террористической угрозы в регионе привело к началу Россией антитеррористической операции в Сирии в 2015 году. Воссоединение Республики Крым с Россией, произошедшее в 2014 году, усилило военно-стратегические позиции России на Черном море, однако, одновременно создало внешнеполитические и внешнеэкономические сложности, а также породило потребность в выстраивании эффективной системы военной обороны Крыма. Эти кризисные и конфликтные процессы оказывают деструктивное влияние на контекст макрорегионального развития.

В Большом Средиземноморье исторически протекает большое количество различных территориальных конфликтов, имеющих этноконфессиональную природу, в которые вовлечены государства, квазигосударственные и негосударственные акторы [27]. Данный тезис относится, в частности, к кипрскому и палестино-израильскому конфликтам. Кроме того, в настоящее время наблюдается эскалация вооруженного противостояния на Ближнем Востоке, влияющая на макрорегиональное пространство. Тем не менее, Большое Средиземноморье также является одним из мировых центров, сосредотачивающих интенсивные международные коммуникации различных культур и цивилизаций [28]. Эта особенность региона порождает запрос на сложную и многомерную модель «мягкой силы» России, адекватную его специфике.

На пространстве Большого Средиземноморья существует небольшое количество официальных дипломатических форматов, способных обеспечить продвижение Россией своего «мягкого» регионального влияния. К числу таких площадок следует отнести созданный в 2009 году Российско-арабский форум сотрудничества, а также учрежденный в 2010 году Совет сотрудничества высшего уровня (ССВУ) России и Турции. Коммуникация в формате парламентской дипломатии осуществляется по линии взаимодействия с Парламентской ассамблеей Средиземноморья [15; 23], а также Межпарламентской Ассамблеей Православия.

На уровне государственной экономической дипломатии Россия стремится позиционировать себя в рамках Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). В июле 2016 года на заседании Совета

министров иностранных дел государств-членов ОЧЭС в Сочи Россия выступила с инициативой создания Механизма развития проектного сотрудничества в Черноморском регионе. На саммите ОЧЭС в Стамбуле в мае 2017 г. председатель Правительства России Д. А. Медведев призвал страны данной организации в целях развития интеграционных процессов налаживать сотрудничество с ЕАЭС и ШОС [14]. Однако, так как в ОЧЭС ключевую роль играет Турция, активность России в данной организации сильно зависит от динамики российско-турецких отношений.

Неправительственный аспект экономической дипломатии России в Большом Средиземноморье связан с ролью международных деловых советов, функционирующих в рамках Торгово-промышленной палаты (ТПП) Российской Федерации. Международные деловые советы ТПП имеет со значительным количеством стран Большого Средиземноморья. Деловые советы призваны оказывать поддержку в проведении мероприятий, способствующих налаживанию связей между российским и зарубежным бизнес-сообществом.

В публичной дипломатии Россия уделяет наибольшее внимание странам Большого Средиземноморья, с которыми имеет историко-культурные связи. Значимую роль в развитии культурных связей между Россией и данными странами играет Россотрудничество и российские центры науки и культуры (РЦНК), выполняющие функции представительств данной структуры в государствах региона. РЦНК регулярно проводят мероприятия, соотносящиеся с российской информационной повесткой, в том числе при участии общественных организаций, входящих в состав координационных советов российских соотечественников соответствующих стран, являющихся членами Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом [20]. Одним из примеров является ежегодная акция «Бессмертный полк». В 2017 году она, в частности, проводилась в Молдавии, Сербии, Черногории, Болгарии, Израиле, Греции, Италии, Франции, Испании, Турции, Ливане. Именно РЦНК отводится основная роль в осуществлении культурного влияния России на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В настоящее время такие центры работают в Египте, Сирии, Тунисе, ОАЭ, Бахрейне, Марокко, Израиле и даже Палестинской автономии [26].

Россия в области культурной политики в регионе большое внимание уделяет истории. Примером этому могут служить российско-словенские отношения. Центральным культурным мероприятием, проводимым в рамках визита президента России В. В. Путина в Словению в 2016 году, стало открытие в Любляне памятника российским и советским воинам, погибшим на территории этой страны в Первую и Вторую мировые войны [21].

Важная роль в развитии межкультурного диалога отводится российским и международным некоммерческим организациям, ориентированным в своей деятельности на поддержку православия, православной культуры и традиционных ценностей. В числе наиболее значимых представляется необходимым назвать Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО), Всемирный русский народный собор (ВРНС), Международный общественный фонд единства православных народов, Фонд Андрея Первозванного, Центр национальной славы, Фонд святителя Василия Великого, Международный

Византийский Клуб, Ассоциацию культурного и делового сотрудничества и дружбы с народами Греции и Кипра «Филия», Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций».

Значимость Фонда единства православных народов и Всемирного русского народного собора в сфере межконфессионального диалога особенно высока ввиду близости этих структур к Московской Патриархии Русской Православной Церкви. Патриарх Кирилл является Председателем Попечительского Совета Фонда единства православных народов. В 2009 году Патриарх Кирилл был избран главой ВРНС. Должность председателя ИППО с 2007 года занимает экс-глава Счетной палаты России С. В. Степашин. В Совет ИППО входят президент Фонда исторической перспективы Н. А. Нарочницкая, генеральный директор АНО «Русская гуманитарная миссия» Е. А. Примаков. Данные общественные организации активно позиционируют себя на международном уровне, где участвуют в продвижении платформы защиты христианского населения государств так называемого «библейского» региона, к которому принято относить территории, ныне занимаемые Израилем, Палестинской автономией, Сирией, Ливаном, Иорданией, Египтом [1; 25]. В частности, они регулярно участвуют в проведении конференционных мероприятий в рамках работы Совета ООН по правам человека, где Россия выступает совместно с такими государствами, как Ватикан, Кипр, Греция, Сербия, Ливан, Испания. В качестве примера эффективной организации межконфессионального диалога позиционируется Межрелигиозный совет России [7].

Ассоциация «Филия» решает задачи укрепления дружбы и взаимопонимания между народами России, Греции и Кипра, развития научных, культурных и иных гуманитарных связей между странами, формирования у греческой и международной общественности позитивного восприятия России. Показательно, что в мае 2016 года данная Ассоциация учредила филиал в крымской Ялте [4]. Филиал призван оказать поддержку усилиям Крыма по установлению дружественных связей с Грецией и Кипром.

Международный Византийский Клуб занимается продвижением идей византийского наследия в Большом Средиземноморье. Данная международная общественная организация была создана в 2016 году, ее штаб-квартира находится в Афинах. Одной из ее целей является содействие продвижению образа России как наследницы Византии за рубежом. В настоящее время данная организация расширяет свое международное присутствие. В мае 2017 года Клуб открыл представительство в Республике Молдова [5]. Планируется открытие представительств в Сербии и Армении.

В российско-греческой публичной дипломатии значимую роль играют такие площадки, как Российско-греческий форум гражданских обществ, Российско-греческий форум межрегионального и межмуниципального гуманитарного сотрудничества.

В целях развития публичной дипломатии России и Турции в 2013 году был сформирован Российско-турецкий форум общественности (РТФО). В развитии данной инициативы в 2015–2016 гг. произошел перерыв, вызванный кризисом российско-турецких отношений вследствие того, что в ноябре 2015 год российский самолет Су-24 был сбит ракетой «воздух-воздух» с турецкого самолета F-16 над территорией Сирии [9]. Однако, в 2017 году, после того как Турция

принесла извинения за сбитый самолет, диалог по линии гражданского общества вновь возобновился.

Россия стремится поддерживать в макрорегионе русский язык, опираясь на концепцию «Русская школа за рубежом», утвержденную президентом России в ноябре 2015 года [13]. Однако реализация данной политики в настоящее время демонстрирует достаточно ограниченные результаты. Например, только после длительной работы в марте 2017 года в Белграде удалось открыть Первую русскую школу имени Валентины Терешковой [3].

Особое место в публичной дипломатии России в регионе занимает Республика Крым. Активная роль в данном случае принадлежит общественной организации «Региональная немецкая национально-культурная автономия Республики Крым». Данная организация была создана в 2014 году в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры на территории Республики. В настоящее время организация реализует проект «Народная дипломатия», в рамках которой полуостров посещают немецкие делегации [18]. В рамках своей работы данной структуре удалось привлечь в Крым несколько делегаций бизнесменов, политиков и депутатов из Германии. В Республике Крым, после присоединения к России, продолжилась традиция проведения международного фестиваля народной культуры «Болгарские встречи». Участниками данного форума являются делегаты общественных организаций, ученые, СМИ, представляющие Болгарию [2].

В настоящее время Россия повышает научно-образовательный и экспертный потенциал своей публичной дипломатии в регионе. Центром реализации этой политики все более становится Крым. В декабре 2014 года в Симферополе был открыт Таврический информационно-аналитический Центр Российского института стратегических исследований (РИСИ) – Региональный институт средиземноморских исследований. Создание Центра стало результатом реализации программы сотрудничества между РИСИ и Крымским федеральным университетом имени В.И. Вернадского [6]. Летом 2017 года на базе Севастопольского государственного университета был создан Научно-образовательный центр «Международные политические исследования Большого Средиземноморья».

Элементом публичной дипломатии России в регионе является медийное присутствие, которое реализуется в различных формах. Например, в Греции с 2014 года осуществляется сотрудничество между представительством Россотрудничества в Афинах и телеканалом «Аттика», в рамках которого демонстрируются телепроекты, посвященные российской тематике [8]. В январе 2017 года российское информационное агентство «Sputnik» начало вещание на популярной ливанской высокорейтинговой политической радиостанции «Голос Ливана» [30]. На территории Сербии ведет работу российско-сербский медиацентр имени Ногина и Куриного «Руски Экспрес», призванный развивать взаимодействие в медиасфере по широкому кругу вопросов между Россией и балканскими странами. Например, в октябре 2014 года данный медиацентр организовал и провел в Белграде премьерный показ кинокартины Н.С. Михалкова «Солнечный Удар». В 2016 году центр освещал доставку Россией Благодатного огня из Иерусалимского Храма Гроба Господня в православные храмы и обители Сербии, а также Черногории, Хорватии и Республики Сербской, входящей в состав Боснии и Герцеговины [10]. Телеканал «Russia Today» транслируется

в Греции, Италии, Испании, Франции, Турции, Палестинской автономии и большинстве арабских государств [22].

Сфера гуманитарного взаимодействия в чрезвычайных ситуациях также находится в пространстве «мягкого» влияния России в Большом Средиземноморье. В апреле 2012 года между Россией и Сербией было подписано межправительственное соглашение об учреждении Российско-сербского гуманитарного центра (РСГЦ) в Нише. Центр провел ряд успешных операций по оказанию помощи и ликвидации чрезвычайных ситуаций на территории Сербии, Албании, Боснии и Герцеговины, Греции, Словении, в том числе в ходе разрушительного наводнения, охватившего Балканы в мае 2014 года. Центр осуществляет подготовку специалистов из числа граждан Сербии, привлекая для этого возможности вузов МЧС России, сотрудничает с общественными, религиозными и ветеранскими организациями, школами и СМИ Сербии. Работа центра осуществляется в сложной общественно-политической обстановке [19]. В 2016 году, когда имели место пожары в Боснии и Герцеговине, а также в Хорватии, РСГЦ предлагал этим странам помощь, но получил от них отказ [17].

Еще один пример осуществления Россией политики гуманитарной безопасности в регионе – создание в феврале 2016 года Координационного центра по примирению враждующих сторон на территории Сирийской Арабской Республики. В числе основных задач центра – реализация механизма контроля за соблюдением режима прекращения огня, активное содействие переговорному процессу о примирении между представителями легитимных сирийских властей и мятежной оппозиции, организация доставки гуманитарной помощи мирному населению. Центр осуществляет сотрудничество с ООН, Международным комитетом Красного Креста, Сирийским арабским Красным Полумесяцем [11].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что использование Россией технологий «мягкой силы» в Большом Средиземноморье преимущественно базируется на существующих историко-культурных связях со странами данного макрорегиона. Проводниками «мягкой силы» России главным образом выступают представительства Россотрудничества, деловые советы Торгово-промышленной палаты, медиакомпаний, некоммерческие организации и образовательные учреждения, поднимающие в своей публичной дипломатии значимые для государств региона темы. Основное внимание в работе данных организаций уделяется вопросам этноконфессионального, а в более широком плане – межкультурного диалога, что обусловлено сохранением в регионе острых противоречий, проявляющих себя в конфликтных отношениях различных стран. Россия предпринимает попытки расширить спектр возможных для себя направлений проецирования «мягкого» влияния в Большом Средиземноморье, уделяя внимание вопросам гуманитарной безопасности.

---

1. Беседа с Еленой Александровной Агаповой, заместителем председателя Императорского Православного Палестинского Общества // Православие.ru, 22.10.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/86936.html>.

2. «Болгарские встречи» пройдут в Ялте и Севастополе // Россия сегодня, 05.11.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://crimea.ria.ru/society/20151105/1101413552.html>.

3. В Белграде открылась Первая русская международная школа имени Валентины Терешковой // Императорское православное палестинское общество, 27.03.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ippo.ru/predsedatel/article/v-belgrade-otkrylas-pervaya-russkaya-mezhdunarodna-402641>.

4. В Крыму создано отделение Ассоциации культурного и делового сотрудничества и дружбы с народами Греции и Кипра «Филия» (АКДС «Филия») // Постоянное представительство Республики Крым при Президенте Российской Федерации, 10.05.2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://ppcrimea.ru/index.php/ru/novosti/254-v-krymu-sozdano-otdelenie-assotsiatsii-kulturnogo-i-delovogo-sotrudnichestva-i-druzhy-s-narodami-gretsii-i-kipra-filiya-akds-filiya>.

5. В Молдове открывается филиал Международного Византийского клуба // Sputnik, 30.05.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.sputnik.md/news/20170529/12874490/moldova-vizantiiskiy-club.html>.

6. В Симферополе состоялось торжественное открытие Таврического информационно-аналитического Центра РИСИ // РИСИ, 17.04.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://riss.ru/events/12099/>.

7. В Совете ООН по правам человека готовы сотрудничать с Россией // Россия сегодня, 10.03.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/religion/20170310/1489714224.html>.

8. Греческий телеканал «Аттика» начал ежедневно передавать программы о РФ // Россия сегодня, 01.02.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/world/20150201/1045307612.html>.

9. Инцидент с российским Су-24: турецкая провокация и ее последствия // Россия сегодня, 24.11.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/world/20151124/1327795616.html>.

10. К православной Пасхе с помощью России в Сербию спецрейсом доставят Благодатный огонь // ТАСС, 23.04.2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/obschestvo/3234046>.

11. Колотило А. Центр помощи и примирения // Красная звезда, 27.12.2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.redstar.ru/index.php/advice/item/31788-tsentr-pomoshchi-i-primireniya>.

12. Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета. – 11.07.2000 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html.

13. Концепция «Русская школа за рубежом». – 04.11.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/50643>.

14. Медведев призвал страны ОЧЭС наладить сотрудничество с ЕАЭС и ШОС // Россия сегодня, 22.05.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/world/20170522/1494782724.html>.

15. Меморандум о взаимопонимании между Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств и Парламентской ассамблеей Средиземноморья [Электронный ресурс] – URL: <http://iacis.ru/upload/iblock/c86/108-memorandum.pdf>.

16. Мнение: принятие в НАТО Черногории – это для альянса «задел на будущее» // Россия сегодня, 06.06.2017 [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/radio_brief/20170606/1495903664.html.

17. МЧС не тушит пожары в Черногории из-за политизации вопроса, заявили в РСГЦ // Россия сегодня, 17.07.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/world/20170717/1498656145.html>.
18. «Народная дипломатия»: Крым – это жемчужина Европы // Новый день, 26.04.2017. – URL: <https://newdaynews.ru/crimea/601215.html>.
19. На Балканах разрастается информационная война против России // Взгляд, 06.06.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://vz.ru/politics/2017/6/6/873386.html>.
20. Положение о деятельности координационного совета российских соотечественников Греции. – URL: http://ksrs-greece.gr/images/2016/pologenie_final.pdf.
21. Фаляхов Р., Крючков И. Путин в Словении забыл о войне с НАТО // Газета.ru, 30.07.2016 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/30_a_9720875.shtml.
22. Рокоссовская А. Попали в пятерку // Российская газета, 09.03.2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2016/03/09/rt-popal-v-top-5-samyh-populiarnyh-mezhdunarodnyh-novostnyh-kanalov.html>.
23. Российские парламентарии встретились с делегацией Парламентской ассамблеи Средиземноморья // Вместе-РФ, 10.04.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://vmeste-rf.tv/news/50218/>.
24. Столетов О.В. Перспективы реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути» в условиях международно-политической турбулентности // Сборник «Россия в современной архитектуре международной безопасности: вызовы и перспективы: Материалы научной конференции (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2015 г.), Изд-во Московского университета, Москва, 2016. – С. 87–96.
25. Устав Международной общественной организации Императорское православное палестинское общество, 2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ippo.ru/about/article/ustav-2014-g-202573>.
26. Фроловский Д. Народная дипломатия России на Ближнем Востоке // ИноСМИ.Ru, 22.02.2016 [Электронный ресурс]. – URL: http://inosmi.ru/reg_mideast/20160222/235502563.html.
27. Шмелев Н. На разломе цивилизаций. Средиземноморье – Черноморе – Каспий // Вестник Европы. – № 18, 2006 [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/18/kr9.html>.
28. Южилин В. А. Средиземноморье и Россия в новых геополитических реалиях // Дисс. к. полит. н. – М., 2001. – 154 с.
29. Яковец Ю. В., Растворцев Е. Е. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений: Научный доклад. – М.: МИСК, 2017. – 63 с.
30. Sputnik Arabic начинает вещание на популярной ливанской радиостанции // Россия сегодня, 16.01.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/society/20170116/1485758752.html>.

References

1. Beseda s Elenoj Aleksandrovnoj Agapovoj, zamestitelem predsedatelya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva // Pravoslavie.ru,

- 22.10.2015 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/86936.html>.
2. «Bolgarskie vstrechi» projdut v Yalte i Sevastopole // Rossiya segodnya, 05.11.2015 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://crimea.ria.ru/society/20151105/1101413552.html>.
3. V Belgrade otkrylas' Pervaya russkaya mezhdunarodnaya shkola imeni Valentiny Tereshkovej // Imperatorskoe pravoslavnoe palestinskoe obshhestvo, 27.03.2017 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://www.ippo.ru/predsedatel/article/v-belgrade-otkrylas-pervaya-russkaya-mezhdunarodna-402641>.
4. V Krymu sozdano otdelenie Associacii kul'turnogo i delovogo sotrudnichestva i druzhby s narodami Grecii i Kipra «Filiya» (AKDS «Filiya») // Postoyannoe predstavitel'stvo Respubliki Krym pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 10.05.2016 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://ppcrimea.ru/index.php/ru/novosti/254-v-krymu-sozdano-otdelenie-assotsiatsii-kulturnogo-i-delovogo-sotrudnichestva-i-druzhby-s-narodami-gretsii-i-kipra-filiya-akds-filiya>.
5. V Moldove otkryvaetsya filial Mezhdunarodnogo Vizantijskogo kluba // Sputnik, 30.05.2017 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://ru.sputnik.md/news/20170529/12874490/moldova-vizantiiskiy-club.html>.
6. V Simferopole sostoyalos' torzhestvennoe otkrytie Tavricheskogo informacionno-analiticheskogo Centra RISI // RISI, 17.04.2015 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://riss.ru/events/12099/>.
7. V Sovete OON po pravam cheloveka gotovy sotrudnichat' s Rossiej // Rossiya segodnya, 10.03.2017 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://ria.ru/religion/20170310/1489714224.html>.
8. Grecheskij telekanal «Attika» nachal ezhednevno peredavat' programmy o RF // Rossiya segodnya, 01.02.2015 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://ria.ru/world/20150201/1045307612.html>.
9. Incident s rossijskim Su-24: tureckaya provokaciya i ee posledstviya // Rossiya segodnya, 24.11.2015 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://ria.ru/world/20151124/1327795616.html>.
10. K pravoslavnoj Pasxe s pomoshh'yu Rossii v Serbiyu specrejsom dostavyat Blagodatnyj ogon' // TASS, 23.04.2016 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://tass.ru/obschestvo/3234046>.
11. Kolotilo A. Centr pomoshhi i primireniya // Krasnaya zvezda, 27.12.2016 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://www.redstar.ru/index.php/advice/item/31788-tsentr-pomoshchi-i-primireniya>.
12. Konceptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii // Nezavisimaya gazeta.– 11.07.2000 [E'lektronnyj resurs]. – URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html.
13. Konceptsiya «Russkaya shkola za rubezhom». – 04.11.2015 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/50643>.
14. Medvedev prizval strany OChE'S naladit' sotrudnichestvo s EAE'S i ShOS // Rossiya segodnya, 22.05.2017 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://ria.ru/world/20170522/1494782724.html>.
15. Memorandum o vzaimoponimanii mezhdru Mezhpaparlamentskoj Assambleej gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyx Gosudarstv i Parlamentskoj assambleej Sredizemnomor'ya [E'lektronnyj resurs] – URL: <http://iacis.ru/upload/iblock/c86/108-memorandum.pdf>.

16. Mnenie: prinyatie v NATO Chernogorii – e'to dlya al'yansa «zadel na budushhee» // Rossiya segodnya, 06.06.2017 [E'lektronnyj resurs]. – URL: https://ria.ru/radio_brief/20170606/1495903664.html.

17. MChS ne tushit pozhary v Chernogorii iz-za politizacii voprosa, zayavili v RSGC // Rossiya segodnya, 17.07.2017 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://ria.ru/world/20170717/1498656145.html>.

18. «Narodnaya diplomatiya»: Krym – e'to zhemchuzhina Evropy // Novyj den', 26.04.2017. – URL: <https://newdaynews.ru/crimea/601215.html>.

19. Na Balkanax razrastaetsya informacionnaya vojna protiv Rossii // Vzglyad, 06.06.2017 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://vz.ru/politics/2017/6/6/873386.html>.

20. Polozhenie o deyatel'nosti koordinacionnogo soveta rossijskix sootchestvennikov Grecii. – URL: http://ksrs-greece.gr/images/2016/pologenie_final.pdf.

21. Falyaxov R., Kryuchkov I. Putin v Slovenii zabyl o vojne s NATO // Gazeta.ru, 30.07.2016 [E'lektronnyj resurs]. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/30_a_9720875.shtml.

22. Rokossovskaya A. Popali v pyaterku // Rossijskaya gazeta, 09.03.2016 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://rg.ru/2016/03/09/rt-popal-v-top-5-samyh-populiarnyh-mezhdunarodnyh-novostnyh-kanalov.html>.

23. Rossijskie parlamentarii vstretilis' s delegaciej Parlamentskoj assamblei Sredizemnomor'ya // Vmeste-RF, 10.04.2014 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://vmeste-rf.tv/news/50218/>.

24. Stoletov O.V. Perspektivy realizacii proekta «E'konomicheskij poyas Shelkovogo puti» v usloviyax mezhdunarodno-politicheskoy turbulentsnosti // Sbornik «Rossiya v sovremennoj arxitekture mezhdunarodnoj bezopasnosti: vyzovy i perspektivy: Materialy nauchnoj konferencii (Nizhnij Novgorod, 28–30 sentyabrya 2015 g.), Izd-vo Moskovskogo universiteta, Moskva. 2016. – S. 87–96.

25. Ustav Mezhdunarodnoj obshhestvennoj organizacii Imperatorskoe pravoslavnoe palestinskoe obshhestvo, 2014 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://www.ippo.ru/about/article/ustav-2014-g-202573>.

26. Frolovskij D. Narodnaya diplomatiya Rossii na Blizhnem Vostoke // InoSMI.Ru, 22.02.2016 [E'lektronnyj resurs]. – URL: http://inosmi.ru/reg_mideast/20160222/235502563.html.

27. Shmelev N. Na razlome civilizacij. Sredizemnomor'e – Chernomore – Kaspij // Vestnik Evropy. – № 18, 2006 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/18/kr9.html>.

28. Yuzhilin V.A. Sredizemnomor'e i Rossiya v novyx geopoliticheskix realiyax // Diss. k. polit. n. – M., 2001. – 154 s.

29. Yakovec Yu.V., Rastvorcev E.E. Bol'shaya Evraziya: strategiya partnerstva civilizacij i ob"edinenij: Nauchnyj doklad. – M.: MISK, 2017. – 63 s.

30. Sputnik Arabic nachinaet veshhanie na populyarnoj livanskoj radiostancii // Rossiya segodnya, 16.01.2017 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://ria.ru/society/20170116/1485758752.html>.

UDC 327

RUSSIAN «SOFT POWER» IN THE GREAT MEDITERRANEAN

Stoletov Oleg Vladimirovich,

Moscow State University
by M.V. Lomonosov,
candidate of political sciences, senior lecturer,
Moscow, Russia,
E-mail: oleg-stoletov1@yandex.ru

Annotation

The article analyzes the peculiarities of Russian «soft power» policy in the macro-region of the Greater Mediterranean. the author gives a description of the concept of the «Great Mediterranean», analyzes the main political needs and institutional forms of Russian «soft» influence in the region. the main attention is paid to the regional dimension of public diplomacy of different Russian organizations. the author comes to the conclusion that Russia's use of «soft power» technologies in the Great Mediterranean is mainly built in the paradigm of historical and cultural dialogue.

Key concepts:

Russia, soft power, public diplomacy, the Great Mediterranean.

УДК 325.14

МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РОССИЙСКОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ»: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Франц Валерия Андреевна,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
кандидат политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: val-franc@yandex.ru

Аннотация

Статья рассматривает миграцию как значимый ресурс российской «мягкой силы». Преимущественное внимание уделяется вопросам миграции из стран СНГ и, особенно, из государств Средней Азии как основного источника миграционных потоков в Россию. По мнению автора, миграционная политика России направлена на две основные целевые аудитории – внутреннюю и внешнюю, при этом усилия органов власти и гражданского общества распределяются между этими направлениями неравномерно, и их эффективность неодинакова. В связи с этим автор ставит целью рассмотреть сильные и слабые стороны внутригосударственной и международной деятельности РФ в сфере миграции.

Ключевые понятия:

миграционная политика, мягкая сила, евразийская интеграция, интеграция мигрантов, противодействие дискриминации.

С начала 2000-х годов дискурс «мягкой силы» прочно вошел в Российскую политическую реальность. О необходимости освоения и активного применения этого современного инструмента влияния заговорили с «высоких трибун» крупнейшие российские государственные деятели, а вслед за ними вопросами эффективного применения «softpower» в России и за рубежом заинтересовалось и отечественное научное сообщество.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №16-33-00010.

Одно из наиболее полных определений феномена «softpower», на наш взгляд, было дано Джозефом Наем в работе 2011 года «Будущее власти», где автор определяет «мягкую силу» как «способность влиять на других при помощи приобщающих инструментов, определяющих международную повестку дня, а также при помощи убеждения и позитивной привлекательности, с целью достижения желаемых результатов» [7, с. 20–21].

Также в работах разных лет Дж. Най обозначает спектр ресурсов, которые могут использоваться субъектами политики и международных отношений для реализации своих стратегий «мягкой силы». В частности, в статье «Мягкая сила» 1990 года ученый называет такие источники «softpower», как «культурная и идеологическая привлекательность, а также правила и институты международных режимов» [6, с. 168].

На сегодняшний день стараниями разнообразных исследовательских учреждений и отдельных ученых данный список был существенно расширен. В России к настоящему моменту также были предприняты попытки сформировать собственные параметры и критерии успешного применения «мягкой силы». Так, сравнительно недавно компанией Ernst & Young совместно с московским Институтом исследования быстроразвивающихся рынков Сколково был учрежден индекс «мягкой силы», рассчитываемый по 13 критериям. В число сформированных исследователями критериев вошли такие параметры, как ранг компаний в рейтинге репутации журнала Fortune, число граждан страны в мировой сотне влиятельных персон по версии журнала Time, статус национальных вузов в рейтинге Times Higher Education, число олимпийских медалей, а также, что особенно важно в контексте нашего исследования, – показатели миграционных и туристических потоков.

В данном рейтинге Россия заняла достаточно высокие позиции, что, по утверждению составителей, обусловлено большими туристическими потоками и значительным количеством олимпийских медалей, но в первую очередь – миграцией (главным образом, из стран СНГ). Не удивительно, ведь наша страна является вторым в мире государством по численности проживающих на его территории мигрантов после США, а в 2014 г. ООН признала Россию самой желанной для беженцев страной. Таким образом, можно утверждать, что миграционная привлекательность является значимым элементом российской «мягкой силы».

Необходимо отметить, что работа по формированию миграционной привлекательности России направлена на две основные целевые аудитории – внутреннюю и внешнюю. При этом усилия, предпринимаемые российскими органами государственной власти в области воздействия на каждую из этих аудиторий, распределяются, на наш взгляд, недостаточно равномерно, вследствие чего, в частности, отношение этих аудиторий к вопросам миграции сильно отличается.

На текущий момент в нашей стране ведется активная работа в направлении формирования благоприятных и взаимовыгодных международных отношений с основными «поставщиками» мигрантов – странами СНГ, а также по созданию привлекательного образа России в глазах их жителей. Так, на наш взгляд, в контексте изучения данного направления деятельности, особого внимания заслуживает деятельность таких организаций, как «Россотрудничество» и фонд «Русский мир».

В работе Россотрудничества особое место занимает деятельность по созданию условий для успешной евразийской интеграции. С этой целью организацией осуществляется содействие социально-экономическому развитию стран-партнеров, проводятся многочисленные мероприятия с целью продвижения российских культуры и языка в мире, развитию международных связей.

Что касается идеологической составляющей евразийской интеграции, ее суть была озвучена В. Путиным на открытии очередного заседания Валдайского клуба в 2013 году. В своем выступлении Президент затронул вопрос о ценностях, объединяющих государства, представленные в евразийском пространстве. Так, В. Путин подчеркивал, что участие в проекте «Евразия» является, в первую очередь, возможностью для государств-членов сохранить свою культурно-историческую идентичность и политическую субъектность. Кроме того, Президентом была высказана достаточно консервативная точка зрения, что «Европа ушла от своих христианских основ», религия отошла на периферию общественного внимания. Результатом этого стало искажение семейных ценностей и распространение разрушительных для института семьи нетрадиционных видов отношений. Евразийские же государства объединяет поддержка традиционных семейных ценностей, а также доверие к государственным и религиозным лидерам и институтам. При этом, только сохраняя свою культурную самобытность, евразийские страны могут претендовать на то, чтобы стать «самостоятельным центром развития, а не периферией Европы и Азии» [1].

Такая ценностная ориентация соответствовала актуальным изменениям международной обстановки и сопутствующему активному усилению антизападной риторики в российских политических коммуникациях. Пожалуй, наиболее ярко характер новых ценностных ориентаций евразийской интеграции отразил в своей статье «Не рыбу, а удочку», опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике», К. Косачев.

По утверждению политика, российский подход может опираться на три «столпа»: сотрудничество, безопасность, суверенитет. «Российская модель не делает основной упор на общечеловеческие ценности, отнюдь не исключая их при этом из своих установок – просто они не являются ее «лицом» и не могут стать ее специфическим «экспортным продуктом» в силу их статуса общего достояния. Но потому она и не собирается перестраивать партнерские отношения под себя, что в практике других государств оборачивается десоверенизацией партнеров, приходом более мощного чужого бизнеса под панегирики открытым границам и свободному рынку, растворением религиозных и традиционных устоев» – убежден К. Косачев [2].

С момента начала кризиса 2014 года на Украине и В. Путин, и К. Косачев, и ряд других крупных государственных деятелей начинают более явно делать акцент на так называемой обратной, негативной, стороне «мягкой силы», ссылаясь, в частности, на высказывания самого Дж. Ная, который неоднократно подчеркивал, что Америка должна исключить из своей внешнеполитической стратегии имперские ноты. Так, в работе «Мягкая сила и американская внешняя политика» исследователь высказывал мнение, что «Империя – это не тот нарратив, который поможет нам понять других и сотрудничать в современную информационную эпоху XXI века» [5, с. 264].

Резюмируя, можно говорить о том, что новая идеология евразийской интеграции построена, главным образом, на противопоставлении Западу, закономерным образом принявшем форму консерватизма. Вопрос о том, могут ли консервативные ценности выстоять в конкурентной борьбе в современном все более глобализирующемся мире, остается открытым. Однако в свете международных потрясений, ознаменовавших собой начало 21 века – «цветных революций» и нередко следующих за ними военных конфликтов – идеология сотрудничества и уважения к суверенитету может стать перспективным источником «мягкой силы».

Также с точки зрения оценки российской «мягкой силы» интерес представляет деятельность фонда «Русский мир», учрежденного в 2007 году указом Президента РФ В. В. Путина № 796. Согласно концепции фонда, «Русский мир» является глобальным проектом, который объединяет всех, кто говорит на русском языке и искренне интересуется Россией и ее будущим, чувствует свою сопричастность к ее судьбе [8]. Фондом также активно продвигается концепция «Россия – вторая Родина». Вероятно, наиболее значимым направлением работы Фонда являются образовательные и учебно-методические проекты и программы. В рамках данного направления Фонд организует курсы русского языка за рубежом, курсы по русскому языку, истории и основам законодательства РФ для трудовых мигрантов, направляет российских преподавателей на работу за рубежом, финансирует издание учебников по русскому языку для распространения в зарубежных странах и т. п. Таким образом, можно утверждать, что особенности политики Фонда делают его мощным проводником российской «мягкой силы».

Несмотря на существование целого ряда серьезных вызовов для распространения российской «мягкой силы» на евразийском пространстве, сложно отрицать, что государством и гражданским обществом ведется активная работа в этом направлении. Что же касается внутригосударственной миграционной политики, на наш взгляд, в этой сфере активность основных субъектов и, в первую очередь, органов государственной власти, несколько уступает международной. Внутригосударственным проблемам интеграции мигрантов в местное сообщество и снижения сопутствующего социального напряжения уделяется недостаточное внимание, при том, что, в частности, временные трудовые мигранты, будучи удовлетворенными условиями работы в России и получая здесь средства к существованию, могут стать мощными проводниками положительного имиджа нашей страны в государствах своего проживания. Кроме того, на сегодняшний день имеет место насущная потребность в повышении миграционной привлекательности страны как ПМЖ, ведь население России сокращается, а для эффективного функционирования экономики требуется все больше рабочей силы.

С одной стороны, за последние годы в рамках российской миграционной политики был достигнут ряд положительных результатов. В частности, упрощены многие процедуры, предоставляющие мигрантам право на пребывание и ведение трудовой деятельности в России. Кроме того, значительно упрощена выдача патентов на трудовую деятельность, упорядочены процедуры оформления медицинских страховок, сформулированы требования к знанию мигрантами русского языка, российского законодательства, истории государства и т. п. Все это, безусловно, способствует повышению эффективности интеграции.

Однако чтобы понять, какие пробелы существуют в российских практиках интеграции мигрантов, обратимся к солидному практическому и научному опыту, накопленному к настоящему моменту странами Европейского союза. Так, на международном уровне благоприятными условиями для интеграции иностранцев считаются безопасность проживания, возможность воссоединения с семьёй в стране пребывания, доступ к натурализации и борьба с дискриминацией [4, с. 33].

Статистика показывает, что для России особенно проблемными пунктами являются безопасность проживания мигрантов и, в особенности, вопросы дискриминации. По мнению исследователей [3, с. 111–138], мигранты в России ощущают себя дискриминированными: в сфере труда и занятости, в сфере найма и покупки жилья, в бытовых отношениях с местным сообществом, в отношениях с государственными, особенно правоохранительными органами. Мигранты не имеют доступа к социальным услугам помимо бесплатной экстренной медицинской помощи, помощи роженицам и обучения детей в российских школах. Однако в сравнении с возможностями социального обеспечения, доступными европейским мигрантам, эти возможности достаточно малы.

Также стоит отметить, что РФ не была подписана Международная конвенция ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990, вступила в силу в 2003 г.), Конвенции МОТ № 97 «О трудящихся – мигрантах» (1949 г.) и № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» (1975 г.).

Такое отношение к трудовым мигрантам в России во многом негативно сказывается на ее международном имидже. Это усиливается тем контрастом, который существует между российскими и зарубежными законодательными, правоприменительными и интеграционными практиками. В частности, к январю 2007 г. 20 из 25 государств-членов ЕС внедрили положения ряда антидискриминационных директив в своё законодательство. В результате этого в большинстве стран Европы были созданы юридические механизмы защиты и восстановления прав лиц, пострадавших от дискриминации, разработаны меры, ограничивающие распространение прямой дискриминации, выявлены социальные, политические и культурные предпосылки и факторы дискриминации.

Что касается интеграционных программ, исследователями выделяется две основные их разновидности [3, с. 227–243]. Первый и наиболее распространенный тип – это программы первичной адаптации мигрантов, предполагающие обязательное прохождение интеграционных курсов (Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Нидерланды). Такого рода программы, как правило, предполагают финансирование Правительством государства организации интеграционных курсов муниципалитетами, что, на наш взгляд, является особенно ценным примером для России. Стоит отметить, что участие в таких программах является для европейских мигрантов бесплатным.

Вторым, гораздо менее распространенным, типом интеграционных программ являются программы, ориентированные на мигрантов, которые уже продемонстрировали свою неспособность адаптироваться к принимающему сообществу – безработных или получающих социальную помощь (Швеция, Финляндия). Подобные программы предусматривают право мигрантов, зарегистри-

стрированных в качестве безработных или получающих социальное пособие, на индивидуальный интеграционный план – соглашение, заключаемое между муниципальными органами самоуправления, организацией по трудоустройству и самим мигрантом. Данное соглашение гарантирует поддержку мигранта и членов его семьи в процессе приобретения знаний и навыков, необходимых для успешного трудоустройства и общей адаптации к принимающему сообществу. Интеграционный план может предусматривать содействие в изучении языка принимающего государства, профессиональное консультирование и реабилитацию, тренинги и другие необходимые меры. При этом интеграционный план в обязательном порядке должен быть разработан в течение двух месяцев с момента потери мигрантом работы или начала получения социальной помощи.

Также интерес представляет распространенный во многих странах Европы феномен межкультурного посредничества – неформальная практика профилактики и урегулирования межэтнических и межкультурных конфликтов на основе принципов добровольности, беспристрастности и конфиденциальности. В качестве посредников, как правило, выступают мигранты, уже успешно интернировавшиеся в принимающее сообщество и способные оказать помощь соотечественникам и представителям принимающего государства в вопросах взаимной адаптации.

Если посмотреть на российские реалии в свете вышесказанного, можно сделать следующие выводы. В последние годы муниципальные образования стали уделять более пристальное внимание вопросам интеграции мигрантов, однако их взаимодействие с гражданским обществом в лице некоммерческих организаций носит зачастую недостаточно структурированный и систематический характер, что подчеркивают сами руководители НКО. Наряду с данной проблемой, существует и другая – нередко максимум ответственности за интеграцию мигрантов возлагается на плечи этнических общественных объединений и диаспор, что, по свидетельствам руководителей данных объединений, не обеспечивает необходимую глубину интеграции, приводит к замкнутости этнических сообществ и анклавизации. При этом можно говорить о существовании в России своеобразного аналога института межкультурного посредничества, что является положительной тенденцией. Еще одна положительная тенденция состоит в том, что в территориальных единицах, традиционно привлекающих большие миграционные потоки, таких как Московская, Ленинградская, Тюменская и Свердловская область, и особенно в крупных мегаполисах, активность гражданского общества в сфере интеграции мигрантов достаточно высока. Все это создает фундамент для повышения миграционной привлекательности страны, что становится особенно актуальным в свете снижения миграционных потоков в Россию в последние 2 года и усиления международной конкуренции за мигрантов.

«Болевыми точками», снижающими уровень «мягкой силы» российской миграционной привлекательности, являются низкий уровень социальной и правовой защищенности мигрантов, а также достаточно высокая степень дискриминации в разных сферах. На наш взгляд, особенно значимой проблемой является то, что в отличие от той же Европы, в России большинство услуг, связанных с адаптацией, являются для мигрантов платными. Получить бесплатную помощь в этой области мигрант может, чаще всего, только благодаря доброй

воле граждан, формирующих некоммерческие организации. При этом степень комплексности услуг по содействию интеграции сильно уступает европейским аналогам. Решение данных проблем представляется актуальным шагом на пути наращивания потенциала российской «мягкой силы».

1. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 // Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>.

2. Косачев К. «Не рыбу, а удочку» // Интернет-журнал «Россия в глобальной политике» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642>.

3. Мукомель В.И. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель – М.: НП «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. – 245 с.

4. Niessen, J. Immigration, Citizenship and the Benchmarking of Integration in the EU // The Nexus between Immigration, Integration and Citizenship in the EU. Collective Conference Volume. 2006. April.

5. Nye J. (Jr.) Soft Power and American Foreign Policy // Political Science Quarterly, Vol. 119, No. 2 (Summer, 2004), pp. 255–270.

6. Nye J. (Jr.) Soft Power. Foreign Policy, No. 80, Twentieth Anniversary (Autumn, 1990), pp. 153–171.

7. Nye, J. (Jr.) the Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. – 320 p.

8. Интернет-сайт Фонда «Русский мир» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruskiymir.ru/fund/>.

References

1. Zasedanie mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» 19.09.2013 // Oficial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>.

2. Kosachev K. «Ne rybu, a udochku» // Internet-zhurnal «Rossiya v global'noj politike» [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642>.

3. Mukomel' V.I. Migranty, migrantofobii i migracionnaya politika / Отв. ред. V.I. Mukomel' – М.: НП «Central'nyj Dom advokata», Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, «Academia», 2014. – 245 s.

4. Niessen, J. Immigration, Citizenship and the Benchmarking of Integration in the EU // the Nexus between Immigration, Integration and Citizenship in the EU. Collective Conference Volume. 2006. April.

5. Nye J. (Jr.) Soft Power and American Foreign Policy // Political Science Quarterly, Vol. 119, No. 2 (Summer, 2004), pp. 255–270.

6. Nye J. (Jr.) Soft Power. Foreign Policy, No. 80, Twentieth Anniversary (Autumn, 1990), pp. 153–171.

7. Nye, J. (Jr.) the Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. – 320 p.

8. Internet-sajt Fonda «Russkij mir» [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ruskiymir.ru/fund/>.

UDC 325.14

MIGRATION ATTRACTIVENESS AS A FACTOR OF RUSSIAN SOFT POWER: REALITIES AND PROSPECTS

Frants Valeriya Andreevna,

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.Yeltsin,
PhD in political sciences,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: val-franc@yandex.ru

Annotation

The article considers migration as a significant resource of Russian soft power. It focuses on migration from CIS countries and especially from Central Asian States as major sources of migratory flows to Russia. According to the author, the migration policy of Russia is aimed at two main target audiences – internal and external. The efforts of the authorities and civil society are distributed between these areas unequally and have different effectiveness. In this regard, the author aims to consider the strengths and weaknesses of domestic and international activities of the Russian Federation in the field of migration.

Key concepts:

migration policy, soft power, Eurasian integration, integration of migrants, combating discrimination.

УДК 327:37 (574:571)

ПАРАДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Макашев Жандос Каримович,

Казахский университет международных отношений
и мировых языков им. Абылай хана,
докторант,
Алматы, Казахстан,
E-mail: ohlert@rambler.ru

Аннотация

Глобализационные процессы выдвигают необходимость сотрудничества между субгосударственными акторами, к развитию парадипломатии. По мнению автора, гуманитарно-образовательное и культурное сотрудничество выступают как инструменты soft power. А экономическое направление парадипломатии становится самостоятельным и успешно развивающимся направлением международных отношений, обусловленных рядом факторов для успешного развития парадипломатии.

Ключевые понятия:

парадипломатия, Казахстан, Омская область, soft power.

Политический пейзаж мира сегодня находится в состоянии постоянных трансформаций, обусловленных возникновением качественно новой геополитической ситуации на региональном и мировом уровнях в условиях глобализации, необходимостью преодоления последствий финансово-экономического кризиса, новым форматом миграции в Европу, расширением участников международных отношений. Глобализация и современные процессы экономического развития требуют сотрудничества не только между странами на высоком уровне, но и между их регионами, которые дают самостоятельность регионам при выборе партнеров из других стран для сотрудничества в сферах экономики, культуры, образования, обмена опытом государственного управления.

Сотрудничество регионов двух и более стран на принципе субсидарности (передача властных полномочий с более высокого уровня государственного управления на менее низкий) обеспечивает самостоятельность регионов в ре-

шении отдельных вопросов в целях наибольшей эффективности и целесообразности. Для достижения определенных поставленных задач в международный процесс включаются новые акторы местного уровня, т. е. субъекты федерации, области, города и т. д. для решения социально-экономических, культурно-образовательных вопросов. Деятельность таких субгосударственных акторов покрывает термин «парадипломатия», «дополняющая, скоординированная деятельность с традиционной межправительственной дипломатией» [1].

Сегодня возрастающая парадипломатическая деятельность Омской и Павлодарской областей, как система взаимоотношений с внешней средой с целью поиска дополнительных ресурсов для регионального развития, стала реальностью современных международных отношений.

Парадипломатическая деятельность региональных акторов, действующих в рамках закона своих государств, развивается в следующих направлениях: сотрудничество местных органов власти, экономическое (государственные предприятия, средний и малый бизнес) сотрудничество, экономическое сотрудничество неучтенных частных индивидуальных хозяйств, сотрудничество в области охраны окружающей среды, сотрудничество в области взаимопомощи в чрезвычайных ситуациях, гуманитарно-образовательное и культурное сотрудничество в целях упрочения дружбы и добрососедства областей. Два последних направления выступают как инструменты *soft power*. За последние годы в Омской области созданы общественные организации казахов по возрождению, развитию и пропаганде казахской культуры и языка, воспитанию национального самосознания и гражданского патриотизма. Воспитание гражданского патриотизма в условиях возрастания конфликтов на религиозной и этнической почве приобретает особое значение, вопросами чего занимается общественная организация «Атамекен» («Отечество»), функционирующая при администрации Омска и издающая газету на казахском языке «Атамекен». Одну из главных задач ОРКОО «Атамекен» видит в объединении сил для увеличения своего вклада в развитие города Омска. Деятельность Омской региональной казахской общественной организации «Адилет», Омской региональной общественной организаций «Возрождение казахских традиций «Путь Чокана», Омской организации «Казахский национально-культурный центр», Сибирского Центра Казахской Культуры «Мөлдір», созданного инициативной группой казахской молодежи в Омске, также направлена на возрождение, развитие и популяризацию казахской культуры и языка [2].

Экономическое сотрудничество субгосударственных акторов, сотрудничество в области охраны окружающей среды и т. д. представляются, по нашему мнению, как самостоятельное и успешно развивающееся направление парадипломатии.

Сегодня современные экономики Казахстана и России находятся в процессе структурно-системной трансформации, уходящей от сырьевой направленности и ориентированной на развитие всех видов собственной промышленности, создавая свою модель производителя и модель потребителя, сфокусированного на использование продукции промышленности и сектор услуг. Катализатором развития парадипломатии Павлодарской и Омской областей стал законопроект, подписанный 2 августа 2017 г. президентом США Дональдом Трампом, предусматривающий введение новых антироссийских санкций, а также реше-

ние Евросоюза от 4 августа с. г. о расширении списка антироссийских санкций. В таком контексте парадипломатическая деятельность регионов Казахстана и России выступает как подушка безопасности, которая позволяет избегать проблем и решать их, т. к. процессы трансформации, с одной стороны, фокусируются на этих проблемах [3].

Другим катализатором развития парадипломатии между Омской и Павлодарской областями станут новые таможенные механизмы, реализуемые в Казахстане. Межрегиональная торговля давно стала одной из характеристик экономики, что может привести к возможности формирования нового мирового порядка, сконструированного вокруг региональных структур. Таможенные механизмы Республики Казахстан имеют целью упрощение таможенных процедур, когда будет использоваться принцип «единого окна», включающий дистанционное оформление декларации через информационный портал «единого окна», совершение таможенных операций, связанных с регистрацией таможенной декларации и выпуском товаров, возможности получить отсрочку на месяц по таможенным пошлинам и налогам, а по некоторым категориям товаров – до шести месяцев.

Как субгосударственный актор Павлодарская область Республики Казахстан располагает значительными природными ресурсами и конкурентоспособными промышленными предприятиями. В области действуют около 1 000 промышленных предприятий, в т. ч. 15 системообразующих обеспечиваю более 70% всего объема промышленного производства. Это ТОО «Богатырь Комир» (добыча угля), широко известная в мире АО «Евроазиатская энергетическая корпорация» (добыча угля, производство электро-, теплоэнергии), Аксуский завод ферросплавов – филиал АО «ТНК Казхром» (производство ферросплавов), АО «Алюминий Казахстана», ТОО «Кастинг» (выпуск стали), АО «Павлодарский нефтехимический завод» (производство нефтепродуктов, добыча минерального сырья, ремонт прочих машин и оборудования, снабжение паром и водой) и т. д. Акимат (Администрация области) заключил бессрочное Соглашение с Правительством Омской области Российской Федерации об осуществлении международных и внешнеэкономических связей в торгово-экономической, научно-технической, экологической, культурной и иных областях (2007 г.). Подобные соглашения Павлодарская область заключила с Администрацией Алтайского края Российской Федерации о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, Администрациями Новосибирской и Томской областей, Правительством Удмуртской Республики Российской Федерации. Акимат Павлодарской области не ограничивается парадипломатической деятельностью с Российской Федерацией. Акимат заключил Соглашение с Минским областным исполнительным комитетом Республики Беларусь о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве [4].

Омская область имеет бессрочные соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом, гуманитарном и иных сферах сотрудничестве с Акиматами областей и городов Казахстана: Акмолинской и Алматинской областями, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской, Северо-Казахстанской областями, администрацией города Алматы Республики Казахстан о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и культурной областях. Успешно развивается экономическое сотрудничество Правительства Омской области

и Министерства национального развития и экономики Венгерской Республики на основе подписанного Соглашения.

Возрастающая мультиполярность современных политико-экономических процессов и дисперсия власти направляют местные локальные структуры быть более работоспособными и работающими. Субгосударственным структурам легче решать вопросы координации своей деятельности, включая инвестиционные вопросы и внедрение инноваций. Однако субъектам парадипломатии необходимо сопрягать свою деятельность с глобальными государственными задачами, национальными и региональными механизмами.

Выше мы приводили пример сотрудничества Акимата города Алматы Республики Казахстан о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и культурной областях с Омской областью. Пока таких примеров в рассматриваемых нами областях не много. Но растущее стремление к децентрализованному управлению и ее легитимности в географическом ареале и социальном контексте укрепляет значение городов в развитии парадипломатии. Влияние городов станет более качественной характеристикой будущего в том смысле, что городские зоны будут только выигрывать от парадипломатии. Глобальный Институт McKinsey (MGI) считает, что развивающиеся города будут иметь больше доходов и посредников в торговле, чем развитые страны. Города возьмут в свои руки управление ресурсами, проблемы окружающей среды и миграции, а также обеспечение национальной безопасности в силу ее значения для повышения качества жизни городского населения. Однако развитие парадипломатии может иметь и отрицательные характеристики и влияние. Например, в плане развития коррупции или создания новых очагов напряженности в борьбе за политическое влияние и распределение ресурсов. В будущем мы сможем оценить парадипломатию в плане политических и социально-экономических выгод.

---

1. Soldatos P. Cascading Subnational Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World // Fry E., Brown D. (eds.) States and Provinces in the International Economy. – Berkeley: Institute of Governmental Studies Press, 1993. – P. 112–135.

2. Акимат Павлодарской области: официальный интернет ресурс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pavlodar.gov.kz> (дата обращения: 11.07.2017).

3. Жундубаев М.К. Приграничное сотрудничество между Республикой Казахстан и Российской Федерацией на современном этапе: характер развития, проблемы и перспективы: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04. – М., 2014. – 241 с.

4. Администрация Омской области: официальный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.omskportal.ru (дата обращения: 04.08.2017).

References

1. Soldatos P. Cascading Subnational Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World // Fry E., Brown D. (eds.) States and Provinces in the International Economy. – Berkeley: Institute of Governmental Studies Press, 1993. – P. 112–135.

2. Akimat Pavlodarskoj oblasti: oficial'nyj internet resurs [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.pavlodar.gov.kz> (data obrashheniya: 11.07.2017).

3. Zhundubaev M.K. Prigranichnoe sotrudnichestvo mezhdru Respublikoj Kazaxstan i Rossijskoj Federaciej na sovremennom e'tape: xarakter razvitiya, problemy i perspektivy: dis. ... kandidata politicheskix nauk: 23.00.04. – M., 2014. – 241 s.

4. Administraciya Omskoj oblasti: oficial'nyj portal [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.omskportal.ru (data obrashheniya: 04.08.2017).

UDC 327:37 (574:571)

PARADIPLOMATIC ACTIVITY OF REGIONAL ACTORS OF KAZAKHSTAN AND RUSSIA

Makashev Zhandos Karimovich,

Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World languages,
PhD Student,
Almaty, Kazakhstan,
E-mail: ohlert@rambler.ru

Annotation

The globalization processes put forward the need for cooperation between sub-state actors, to develop a paradiplomacy. According to the author, humanitarian, educational and cultural cooperation are instruments of soft power. and the economic direction of paradiplomacy is becoming an independent and successfully developing direction of international relations conditioned by a number of factors for the successful development of paradiplomacy.

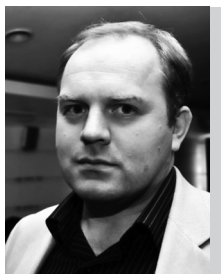
Key concepts:

paradiplomacy, Kazakhstan, Omsk region, soft power.

УДК 323.2

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ: ФЕНОМЕН «ДИВАННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ» (НА ПРИМЕРЕ «УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА» 2014-2017 ГГ.)

Шатилов Александр Борисович,

Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
декан факультета социологии и политологии,
кандидат политических наук, профессор,
Москва, Россия,
E-mail: absh71@yandex.ru

Аннотация

В статье поднимается вопрос о новых реалиях информационных войн, которые требуют привлечения усилий не только профессионалов, но также широкой общественности. В этом плане примечателен феномен т.н. диванных войск, которые на безвозмездных и волонтерских началах активно участвуют в социальных сетях в информационно-пропагандистском сопровождении современных политических и военно-политических конфликтов. При этом они выполняют важную общественно-политическую миссию, обеспечивая «жестким» инициативам власти поддержку «снизу».

Ключевые понятия:

информационные войны, военно-политические конфликты, «диванные войска», социальные сети, Украина, ДНР, ЛНР.

Политические и военно-политические конфликты XXI века немислимы без эффективного и многостороннего информационного сопровождения. При этом в такой борьбе задействуется как традиционное медиа-пространство (печатные и электронные СМИ), так и социальные сети, которые пока еще являются «недооцененными» с пропагандистской точки зрения, хотя объединяют колоссальные аудитории. Так, если брать Рунет, то здесь фаворитом является соцсеть «В контакте», ежемесячная аудитория которой составляет почти 47 миллионов человек, на втором месте – «Одноклассники» – около 32 млн. пользователей, на третьем – Facebook (22,5 млн. чел.). Однако при этом до 2014 года эти сети яв-

лялись в основном площадками для неформального общения разных социальных групп и не были активно задействованы в масштабных политических проектах.

Ситуация кардинально изменилась в 2014 году после событий Майдана № 2, реинтеграции Крыма и начала боевых действий на Донбассе. С учетом того, что данные события являлись чрезвычайно острыми практически для всех постсоветских государств, а в российских соцсетях были зарегистрированы миллионы «иностранных» пользователей (например, украинский сегмент сети «В контакте» составлял по разным оценкам от 9 до 13 миллионов человек), в виртуальном пространстве сперва развернулись интенсивные дискуссии, а затем разразилась настоящая информационная война между сторонниками и противниками «киевской весны». С учетом того, что инициатива интернет-пользователей «снизу» была поддержана также «сверху», масштаб данного политического (а по большому счету, военно-политического) противостояния оказался колоссальным: были созданы сотни «профильных» групп, объединявших зачастую по несколько сот тысяч участников, была задействована целая сеть троллей и ботов, произошла мобилизация т. н. диванных войск.

Здесь стоит отметить значительную разницу между вышеназванными категориями акторов.

Так бот – это специальная компьютерная программа, имитирующая действия живого человека, способная воздействовать на значительную часть аудитории соцсети или отдельные группы соцсети. Боты в основном используются для механической рассылки заранее подготовленных сообщений, «демотиваторов», ссылок на интернет-ресурсы и пр., реже используются т. н. чат-боты, которые могут в «ограниченном» режиме отреагировать на вопросы или вызовы «живого» собеседника. Известно, что боты активно использовались и по линии Украины, и по линии непризнанных ДНР и ЛНР, и по линии России, и по линии вовлеченных в противостояние стран Запада (например, «Киберберкут» или Joint Functional Component Command for Network Warfare).

Еще одной «зависимой» категорией акторов информационных войн в соцсетях являются т. н. тролли. Это в своей массе «платные» участники виртуальных противоборств, занимающиеся в основном провокационно-диверсионной деятельностью на интернет-площадках «противника» в диапазоне от нецензурной лексики в адрес оппонентов до распространения панических слухов и ложной информации и пр.

Борьба вокруг Крыма и Донбасса 2014–2017 гг. породила новую категорию интернет-бойцов – т. н. «диванные войска». Их участников можно определить как политически мотивированных активистов информационно-пропагандистской войны, действующих в интернет-пространстве на неформальной и некоммерческой основе. Более того, это могут быть достаточно статусные, состоятельные и занятые люди, которые, однако, воспринимают себя в качестве «мобилизованных» на период «реальных» политических или военно-политических конфликтов. В силу того, что по целому ряду причин они не могут участвовать в «практической» деятельности, они стремятся максимально «отработать» в пользу «своих» в виртуальной сфере. Кстати, грань между «диванными» и «реальными» войсками является довольно зыбкой. Конфликт на Донбассе дал целый ряд примеров, когда из «диванных» бойцов люди переходили либо в «гуманитарные войска» (занимаются материально-техническим, продовольственным, медицинским обе-

спечением «реальных» военнослужащих на передовой), либо даже становились непосредственными участниками боевых действий.

Тем не менее, большинство представителей «диванных войск» концентрирует свои усилия на информационно-пропагандистской работе в Интернете.

Направления их деятельности следующие:

– Отстаивание своей политической позиции в диалоге с оппонентами или «неопределившимися». Это чрезвычайно важно на первом этапе конфликта, поскольку позволяет, с одной стороны, блокировать информационное давление со стороны противника, а с другой – привлечь на свою сторону политическое «болото» или «хатаскрайщиков».

– Сбор информации о противнике (особенно если бойцы «диванных войск» находятся в зоне «реальных» боевых действий или на стратегических коммуникациях, которые ведут к линии фронта), передача ее администраторам «своих» групп или размещение ее в Интернете в режиме on-line. Так, например, в 2014 г. в условиях хаоса первых месяцев противостояния на Донбассе между ополчением и ВСУ, многие пользователи с подконтрольных Украине территорий Донецкой и Луганской областей, но сочувствующие ДНР и ЛНР, передавали ценную оперативную информацию через соцсети, что вело к незапланированным «реальным» потерям украинских военных. В свою очередь, украинские пользователи активно выявляли сторонников Новороссии и отправляли их данные для занесения в базу «Миротворец», что чревато различными санкциями для фигурантов (от запрета на въезд на Украину до ареста СБУ).

– Поддержание боевого духа среди своих сторонников и «колеблющихся». К такого рода деятельности относится и широкое распространение информации о реальных или мифических потерях в рядах противника, и обозначение «светлого» политического будущего, и рассказы о боевых подвигах, и данные о «подходе подкреплений» и пр.

– Демонизация противника и создание четкой оппозиции «мы – они». В условиях жесткого политического и тем более военно-политического противостояния для победы крайне важно сформировать у «профильной» аудитории чувство «непримиримости» по отношению к противнику и чувство «тотальной катастрофы» в случае поражения. Также нередко, «враг» дезавуируется через его уничтожение, представление в утрированном, сатирическом виде. Для этого часто используются иллюстративные материалы – т. н. демотиваторы.

– Опровержение «вражеских» сообщений, разоблачение пропаганды противника, размещение собственных «правдивых» данных.

– Заброс в группы противника заведомо ложной и фейковой информации. Чаще всего такого рода фальшивые материалы выявляются довольно легко и удаляются администраторами, но иногда они получают относительно широкое распространение. Так, например, пророссийский сегмент Интернета попался «на удочку» украинским оппонентам, «купившись» на фейк о «распятом мальчике из Славянска», а украинские пользователи «всерьез» поверили в информацию о голоде в России («едят ежей») и предоставлении гражданам РФ Интернета «по талонам».

Каковы состав и численность «диванных войск»?

С учетом того, что в социальных сетях имеется возможность неоднократно регистрироваться в разных группах, большинство «бойцов» имеют представи-

тельство в целом ряде «профильных» сообществ, хотя регулярно участвуют в виртуальных «боевых» действиях обычно в двух-трех.

Численность таких групп бывает различной – от нескольких сотен человек до сотен тысяч «штыков». Однако чаще всего «война» ведется в относительно массовых группах (от 15 до 300 тысяч пользователей), где есть возможность «развернуться», «поймать» аудиторию и получить максимум «лайков».

В отличие от развлекательных групп, где преобладает чисто молодежная аудитория, «политизированный» сегмент более «разнообразный», здесь встречаются даже подростки и люди «за 60». В профессиональном плане это опять же совершенно разный контингент, но значительную часть «бойцов» составляют представители интеллигенции, бывшие силовики, «малые» и «средние» бизнесмены.

Форма подачи материалов в исполнении «диванных войск» разнится. С одной стороны, ряд пользователей размещают свои «аналитические» материалы или ссылки на «серьезные» статьи реальных и виртуальных СМИ. С другой – значительная часть бойцов «диванных войск» ориентирована на размещение коротких и емких «комментов», проставление «лайков» дружественным пользователям или ретрансляцию понравившихся информационных сообщений своим «френдам» в соцсети.

С учетом почти безграничной свободы, царящей в данных группах, эмоциональность материалов зачастую зашкаливает, переходя обычные «нормативные» рамки. Что же касается модераторов групп, то они редко обращают внимание на жесткие и даже «неприличные» высказывания своих представителей в адрес политических оппонентов, сосредотачиваясь в основном на борьбе с «троллями» противника и размещением материалов, составляющих прямую военную тайну (например, на ранних этапах противостояния на Юго-Востоке Украины «пророссийские» пользователи нередко размещали фото и видео, отражающие перемещения и боевое расположение ВС РФ и ополчения, позже число таких «сливов» было сокращено модераторами до минимума под угрозой «бана»).

Одновременно в ходе противоборства «диванных войск» друг с другом возникают новые термины, чаще всего, негативно окрашенные, а то и бранные, направленные на то, чтобы максимально «уязвить» оппонентов. Вот наиболее «приличные» из них: «ватники», «рогули», «укропы», «рашисты», «свидомиты» и др. В то же время, отдельные представители «диванных войск» специализируются на тонком «троллинге» врага, стремясь иронией и «шуткой юмора» вывести оппонента из себя и спровоцировать его на использование ненормативной лексики.

При этом «диванные войска» выдвигают и максимально раскручивают в «дружественной» аудитории собственных героев, которые потом нередко приобретают «всенародное» признание. Именно так в «большом информационном пространстве» зазвучали имена «героя Славянска» Игоря Стрелкова, «Мотороллы», «Гиви», казака Бабая и др. Свои «интернет-герои» были и у оппонентов (Семен Семенченко, Надежда Савченко, Дмитрий Ярош, «киборги» донецкого аэропорта).

Одновременно жесткой обструкции подвергаются политические и военные лидеры противника, которые либо демонизируются, либо высмеиваются.

Резюмируя, следует сказать, что несмотря на виртуальный характер своей деятельности, «диванные войска» играют важную роль в информационно-пропагандистском сопровождении современных политических и военно-политических конфликтов.

Во-первых, они создают необходимый общественный фон поддержки для каждой из противоборствующих сторон и атмосферу «боевитости» в соцсетях.

Во-вторых, на контрасте с официальными СМИ, они позволяют придать войне или конфликту «народное» звучание и «человеческое лицо», и в то же время, продемонстрировать поддержку власти «снизу».

В-третьих, «диванные войска» мобилизуют сторонников «своей» стороны, некоторые из которых переходят затем в состав «гуманитарных войск» или даже вступают в реальные боевые подразделения.

В-четвертых, «диванные войска» косвенно оказывают воздействие на руководство противоборствующих сторон, являясь своего рода «индикатором» общественных настроений. В соответствии с реалиями XXI века власти и силовики вынуждены в той или иной степени прислушиваться к «профильной» части виртуальной аудитории.

UDC 323.2

MODERN INFORMATION WARS: A PHENOMENON OF "SOFA MOBILIZATION" (USING THE CASE OF "UKRAINIAN CONFLICT" 2014–2017)

Shatilov Aleksandr Borisovich,

Financial University
under the Government of the Russian Federation ,
Dean of the Faculty of Sociology and Political Science,
Ph.D. (Political Sciences), Professor,
Moscow, Russia,
E-mail: absh71@yandex.ru

Annotation

The report is devoted to new realities of information wars that require an active engagement of not only professionals but also the general public. In this regard, it is interesting to draw attention to the phenomenon of so-called "sofa troops" that on a grant and voluntary basis are actively involved in social media in outreach support of modern political and military-political conflicts. At the same time they perform important socio-political mission providing support "from below" to "hard" initiatives of the government.

Key concepts:

information wars, military-political conflicts, sofa troops, social networks, Ukraine, DNR, LNR.

УДК 81'42+32.019.51

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО «ДИСКУРСА ВРАЖДЫ» В ПРОСТРАНСТВЕ МАСС-МЕДИА

Фурсов Кирилл Константинович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: biathlon91@mail.ru

Аннотация

Масс-медиа используют дискурс вражды благодаря наличию объективного интереса – защиты социально-политической идентичности. Дискурс вражды, транслируемый масс-медиа, зависит от субъектов его использования. Этими субъектами являются различные категории интеллектуалов и экспертов. Следствием распространения дискурса вражды в масс-медиа стала этика низкой ответственности среди интеллектуалов.

Ключевые понятия:

дискурс вражды, интеллектуалы, масс-медиа, идентичность.

Современная публичная политика формируется в значительной степени посредством участия в ней различных профессиональных групп – экспертов, политологов, учёных, журналистов, публицистов, писателей и т. д. В условиях информационной войны основным компонентом политических масс-медиа выступает дискурс вражды, порождаемый конкретными субъектами – участниками конфронтационных политических коммуникаций.

В данной статье под дискурсом вражды будет пониматься такой дискурс, который реализует стратегию снижения имиджа противника, причинение ему репутационного и политического вреда посредством формирования образа врага. Целью статьи является выявление роли основных акторов (субъектов), участвующих в артикуляции и трансляции в масс-медийном пространстве дискурса вражды.

Масс-медийные субъекты в лице владельцев и руководителей медиахолдингов, профессиональных журналистов, пропагандистов, политических сетевых технологов выступают в роли медиатизированных властных акторов, управляющих массовым сознанием и формирующих общественное мнение.

В ряде современных исследований масс-медиа рассматриваются в качестве инстанции контроля над обществом и государственной властью (четвёртая власть), медиатора власти и общества, нового вида политических коммуникаций, где происходит сращивание властных и медийных ресурсов [6]. Важным для масс-медиа является вопрос о масштабах их самостоятельности и политической власти.

Для решения этой проблемы научное сообщество ввело в оборот понятие «медиакратия». Под медиакратией подразумевается система управления, для которой институты масс-медиа играют главную роль. Можно выделить два основных подхода к пониманию сути медиакратии. Согласно первому подходу, медиакратия – это власть независимых СМИ, которые играют роль самого важного элемента в политической системе общества. Они обладают правом и стремлением формировать общественное мнение и влиять на политический процесс по своей воле и в своих интересах [5, с. 91].

Второй подход базируется на теории медиа-релейшнз (media relations). В данном подходе масс-медиа трактуется как инструмент продвижения интересов тех или иных институтов власти посредством их аккредитации и иных форм «приручения». В этих условиях формируются и распространяются неформальные отношения между политическими субъектами и журналистами, главными редакторами, происходит сращивание политических и медийных институтов [5, с. 104]. При таком понимании медиакратия не может рассматриваться отдельно от института государства, от его пропагандистских и манипулятивных функций. В этом случае масс-медиа не являются частью коммуникативной модели «власть–общество». Они выступают в качестве инструмента разработанной государством информационной стратегии. Результатом подобного подхода стала выработка понятия ноополитики, используемого в исследованиях международных отношений. «Ноополитика, по определению С. Б. Никонова, – это информационная стратегия по манипулированию международными процессами посредством формирования у общественности через средства массовой информации положительного или отрицательного отношения к внешней и внутренней политике государства или блока государств с целью создания положительного или отрицательного имиджа идей и пропагандируемых ценностей» [8, с. 41]. Ноополитика подразумевает осуществление стратегии политического субъекта, направленной на ментальное форматирование и программирование массовой аудитории посредством определенных (манипулятивных, по сути) дискурсивных практик.

Дискурсивная практика предполагает участие ее субъектов в процессе смыслоформирования и семиотизации (означивание и переозначивание) объектов и процессов реального мира, конструирования вербальных и визуальных образов действительности [10]. В процессе дискурсивных практик субъекты масс-медийного дискурса реализуют свою трансформационную функцию в отношении массовой культуры [7], а также распространяют в массовом сознании собственные политические и идеологические установки.

В условиях нарастания идейно-политической конфронтации между акторами мирового политического процесса масс-медиа выступают не только в роли средства, но и коллективного институционального субъекта, принимающего активное участие в формировании и распространении дискурса.

Дискурс масс-медиа обозначается также через понятие «медиадискурс», а с учетом его проникновения в сферу политики – понятием «политический медиадискурс». Под медиадискурсом подразумевается система медийных приёмов продвижения и пропагандистских технологий привлечения внимания, обеспечивающих эффект продвижения и пропаганды определённой продукции [9, с. 108]. Основной функцией политического медиадискурса является формирование коллективной политической картины мира посредством выработки и трансляции определённых образов и смыслов, мифологем, политических установок, ценностных ориентиров и политических предпочтений. С политической точки зрения медиадискурс – это властный ресурс, использующий идеологические, психологические инструменты влияния на массовую аудиторию.

Понятие «медиадискурс» в плане его семиотической функции категориально пересекается с понятиями «медиаобраз» и «дискурс медиаобраза». В дискурсе медиаобраза вербальные компоненты уходят на второй план, уступая дорогу визуальным, пластическим и музыкальным формам означивания и репрезентации смыслов. Медиаобразы задают и формируют в массовом сознании определённое видение политических реалий. Структурными компонентами дискурса медиаобразов являются бинарные стратегии: 1. установка на усиление привлекательности образа продвигаемого объекта; 2. установка на формирование негативного образа конкурента [10, с. 56–57]. В ходе реализации второй стратегии применяются разнообразные риторические, визуальные и психологические приемы, посредством которых формируется образ врага. Совокупность данных приемов выступает в качестве технологического арсенала дискурса вражды.

Важной составляющей дискурса вражды в масс-медиа является его психологическая компонента, которая оформляется посредством медийной репрезентации эмоционально-заряженного фрейма «свой-чужой». К психологическому плану дискурса вражды также относится процесс взаиморефлексии, в рамках которой субъект дискурса ориентируется на ожидания, возможную реакцию и ответные действия противоположной стороны. Конструирование негативного образа противника (врага) реализуется через риторические, визуальные и иные приемы, психологически вызывающие у массовой аудитории эмоции гнева, отвращения, презрения.

Дискурс вражды выполняет функцию социально-политической, идеологической и культурной идентификации. Следствием этого становится вовлечение в дискурсивное противостояние социальных групп, ведущих борьбу за общественное признание и развитие собственной идентичности. Массовое распространение дискурса вражды ведёт к широкому применению мифопорождающих практик, к тиражированию стереотипов восприятия событий и фактов в массовом сознании, чему в значительной степени способствуют современные масс-медиа.

Медиакратия, принимающая активное участие в конструировании дискурса вражды, стремится перейти от рекламно-маркетингового к агитационно-

пропагандистскому типу политических технологий [2, с. 89]. Для достижения цели используются неоднократно распространяемые технологии: массированное тиражирование одной и той же версии события, спираль молчания, блокирование нежелательной информации и оценок, неадекватная визуализация события, включение в интерпретацию неадекватной аналогии из прошлого, эксплуатация стереотипов негативного восприятия мишени информационной атаки. В рамках масс-медиа осуществляется узнаваемая для большинства репрезентация убеждений о собственной идентичности и идентичности противника. Стратегией масс-медиа в «дискурсе вражды» становится демонизация врага, обращение к угрозам, разговор о перспективах будущего в случае решения/игнорирования проблемы. Отсутствие ответственности масс-медиа перед аудиторией приводит к зависимости от групп политических интересов. Упрощается возможность использования «дискурса вражды» и непроверенной информации.

Использование «дискурса вражды» в масс-медиа обусловлено этикой порождающих его субъектов, включая интеллектуалов и экспертов. Ещё со времён Платона поднимался вопрос этичности философов. Особую актуальность эта проблема приобрела в XX веке. Между двумя мировыми войнами была поставлена проблема ответственности интеллектуалов за непротиводействие разжиганию дискурса вражды. Большое возмущение вызвало участие интеллектуалов в поддержке нацистского дискурса расизма. Проблемам субъектности и этике интеллектуалов посвящали свои работы Ж. Бенда, Н. Хомский, Н. Боббио.

В 1927 году вышла книга французского философа Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов». Автор описывает процесс того, как интеллектуалы стали выразителями враждебной политики. У этого явления оказалось несколько причин. Современные интеллектуалы предали рациональную науку ради политических страстей. Основой выступали расовые, классовые, национальные страсти. Для французского философа эти политические страсти приобрели объективный характер. В XX веке одной из причин враждебности интеллектуалов стало проникновение массовых политических страстей. Черты массовости проявились во всеобщности и коллективности чувствования единомышленников. Политические страсти стали постоянными доминантами в социальных страстях.

Политическая страсть разных групп направлена на получение временных благ и связана с ощущением собственного отличия от других людей. Для интеллектуалов собственное отличие и ксенофобия стали выше всеобщего единства. Интеллектуалы назначают себя единственными судьями нравственности, пренебрегают другими мнениями. Интеллектуалы презирают всеобщую мораль, всеобщую истину. Частные истины выше всеобщих, сила выше справедливости. Новая мораль приравнивается к практическому действию. Зло, служащее политике, становится благом. Ж. Бенда констатирует: «Интеллектуал в наши дни стал служить делу войны» [3, с. 150].

Выдающийся американский философ Н. Хомский в период войны во Вьетнаме в 1967 году выпустил статью «Ответственность интеллектуалов», в которой обозначил специфику деятельности интеллектуалов и экспертов в ходе осуществления информационной политики. Интеллектуалы выступают в роли идеологов, которые манипулируют идеями, а эксперты манипулируют информацией. Для идеологов важен принцип политического реализма, ограничивающий

моральный аспект и проблему соблюдения прав человека. Ответственность интеллектуалов заключается в создании и анализе идеологии, в конструктивной критике внутренней политики. Недостаток экспертов в том, что они формируют нерациональные прогнозы, стремятся получить власть и прибыль, эксперты и политические субъекты сращивают свои интересы. Эксперты стремятся к забвению идеологии, в которой для Н. Хомского главным аспектом выступает элемент социального изменения. Решения экспертов приводят к выводу о невозможности социальных изменений. Политическая позиция эксперта предшествует результату научного анализа. В связи с этим Н. Хомский констатирует порождение политически ангажированной экспертизы на примере эксперта И. Кристалла: «Вьетнамцы были бы совершенно счастливы от того, что их бомбят ради их свободы» [13, с. 19].

Итальянский философ Н. Боббио в работе 1977 года «Ответственность и власть» вопрос о субъектности интеллектуалов рассматривает в контексте проблем этики. Для Н. Боббио интеллектуалы самостоятельны, поэтому субъектны. Политика выступает в качестве разделителя интеллектуалов на идеологов и экспертов. Идеологи акцентируют внимание на целях, принципах, ценностях, эксперты акцентируют внимание на средствах достижения цели. Для идеологов важна этика добрых устремлений, для экспертов – этика ответственности или учёт последствий от выбора средств достижения цели. Недостаток идеологов заключается в политических страстях – службе могуществу государства, политической группе интересов. Они становятся гуманистами, которые манипулируют информацией. Недостаток экспертов выражается в том, что информацией компетентных учёных манипулируют ради разрушений и смерти.

Н. Боббио соединил идею субъектности интеллектуала с проблематикой дискурса вражды. Согласно исследователю, причиной использования интеллектуалами дискурса вражды выступают политические страсти. Для интеллектуалов важна идея различия целей реализации власти: собственная власть служит во благо, а противника – во зло. Н. Боббио призывает интеллектуалов быть субъектными – участвовать в политической и социальной борьбе, сохраняя критический подход. Субъектность интеллектуала как создателя идей выражается в применении методов убеждения, разубеждения, поддержки, отказа. Для Н. Боббио важно, чтобы реализация власти в виде монополии на силу не превращалась в монополию на истину. Интеллектуалы должны отказаться от стремления к самоуничтожению общества и перейти к принципу созидания [4].

В начале XXI века произошло взаимопроникновение общественных функций интеллектуалов и масс-медиа. Р. Айерман сформулировал новое понятие интеллектуала: интеллектуал – это «тот, кто принимает на себя выполнение социальной роли, заключающейся в формировании идей и донесение их до широкой публики посредством различных медиа или в ходе непосредственной дискуссии с целью воздействия на общественное мнение» [1, с. 2]. Основные функции интеллектуалов в масс-медиа – интерпретация значений и создание событий. Журналисты могут выполнять роли и функции интеллектуалов, но они находятся с интеллектуалами в разных профессиональных статусах. Интеллектуал придумывает идеи и форму эмоциям и осуществляет доступную их репрезентацию. Вопрос этики интеллектуалов и экспертов для Р. Айермана связан с профессией.

Интеллектуалы и эксперты независимы от внешнего влияния, могут обладать или не обладать особым моральным кодексом. Интеллектуалы как профессионалы могут действовать в интересах политического клиента. С позиции автора интеллектуалы и эксперты выступают субъектами дискурса, а этика зависит от соотношения профессиональных и моральных качеств.

Для медиадискурса интеллектуалов важен политический контекст, поведение политиков, характер и качество медийных репрезентаций, участие влиятельных групп проводников информации и образ их действий. Интеллектуалы влияют на характер и качество медийных репрезентаций. На этом этапе важны событийные рамки дискурса, то, как строится нарратив и визуальное представление. В ситуации обострения дискурса вражды интеллектуалы, вырабатывая рамочную концепцию конфликта, осуществляют контроль за способами его интерпретации с целью реализации доминирования собственной позиции и собственного политического медиаобраза.

Ряд авторов, среди которых можно выделить П. Нора и М. Винок, ввели в оборот понятие медиаинтеллектуалов, обозначающее интеллектуальные группы и специалистов-идеологов, активно продвигающих свои идеи посредством Интернет-ресурсов. Особенности этики медиаинтеллектуалов выступают: частая анонимность авторов и аудитории; низкая ответственность авторов за достоверность информации и оскорбительные высказывания, за так называемый троллинг; нагнетание пафоса, истерии, конфронтационности, ведущее к исключению критического ответа аудитории. Основная роль медиаинтеллектуалов заключается в продвижении повестки дня [12]. Низкая ответственность медиаинтеллектуалов позволяет усиливать стереотипы массового сознания, политические предубеждения, дискурсы вражды.

В заключение сформулируем основные выводы. 1. Субъектами дискурса вражды интеллектуалы становятся в условиях усиления в общественной жизни массовых политических страстей. 2. Этика ответственности является ключевой для разных категорий интеллектуалов – идеологов, экспертов, медиаинтеллектуалов. 3. Для идеологов важно соблюдать этику добрых устремлений, для экспертов – учёт последствий от выбора средств достижения цели. 4. Преобладание «дискурса вражды» у различных категорий интеллектуалов связано с недостатками использования этики ответственности. 5. Субъектность медиаинтеллектуала определяется способностью интерпретировать значения, создавать события и придавать языковую форму эмоциям. 6. Использование дискурса вражды масс-медиа и разными категориями интеллектуалов характеризуется массовостью и эмоциональной заразительностью отстаивания собственной идентичности, а также низкой ответственностью перед массовой аудиторией.

---

1. Айерман Р. Интеллектуалы и культурная травма [Электронный ресурс] URL: <http://www.inliberty.ru/library/599-intellektualy-inbspkulturnaya-travma> (дата обращения: 10.02.2016).

2. Балашов А.Н. Информационные технологии в политике: сущность, содержание и классификация // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 2. – С. 85–91.

3. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов / Жюльен Бенда; пер.

с франц. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. – М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. – 310 с.

4. Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 162–171.

5. Бодрунова С.С. Медиакратия: атлантические подходы к определению термина // Медиафилософия. – 2009. – № 2. – С. 91–105.

6. Грибовод Е.Г. Медиатизация политики как стратегический ресурс политических коммуникаций // Наука Красноярья. – 2016. – № 6. – С. 48–57.

7. Кожемякин Е.А. Субъект дискурса // Дискурс-Пи: Научный журнал. 2013, вып. 13. С. 125–126.

8. Никонов, С.Б. Генезис трансформации медиакратии в ноополитику // Власть. – 2014. – № 7. – С. 39–42.

9. Русакова О.Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 90–130.

10. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» дискурса политических медиаобразов: анализ стратегических эффектов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2017. Т. 12. № 1 (161). С. 53–66.

11. Смирнов А.Е. Теоретические модели субъективации: Л. Альтюссер, С. Жижек, А. Бадью // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 14. – С. 96–101.

12. Шелонаев С.И. Типология акторов в современном медиапространстве // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 1 (11). – С. 190–194.

13. Noam Chomsky, «The Responsibility of Intellectuals», The New York Review of Books, 8:3 (February 1967).

References

1. Ajerman R. Intellectually i kul'turnaya travma [E'lektronnyj resurs] URL: <http://www.inliberty.ru/library/599-intellektualy-inbspkulturnaya-travma> (data obrashheniya: 10.02.2016).

2. Balashov A.N. Informacionnye tehnologii v politike: sushhnost', sodержanie i klassifikaciya // Srednerusskij vestnik obshhestvennyx nauk. – 2014. – № 2. – S. 85–91.

3. Benda Zh. Predatel'stvo intellektualov / Zhyul'en Benda; per. s franc. V.P. Gajdamaka i A.V. Mateshuk. – М.: IRISE'N, Mysl', Socium, 2009. – 310 s.

4. Bobbio N. Intellectually i vlast' // Voprosy filosofii. – 1992. – № 8. – S. 162–171.

5. Bodrunova S.S. Mediakratiya: atlanticheskie podxody k opredeleniyu termina // Mediafilosofiya. – 2009. – № 2. – S. 91–105.

6. Gribovod E.G. Mediatizaciya politiki kak strategicheskij resurs politicheskix kommunikacij // Nauka Krasnoyar'ya. – 2016. – № 6. – S. 48–57.

7. Kozhemyakin E.A. Sub"ekt diskursa // Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal. 2013, vyp. 13. S. 125–126.
  8. Nikonov, S.B. Genезis transformacii mediakracii v noopolitiku // Vlast'. – 2014. – № 7. – S. 39–42.
  9. Rusakova O.F. Koncepty, kategorii i ponyatiya politicheskoi kommunikativistiki // Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika / pod red. L.N. Timofeevoj. – M.: Rossijskaya asociaciya politicheskoi nauki (RAPN); Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPEN), 2012. – S. 90–130.
  10. Rusakova O.F., Rusakov V.M. «Myagkaya sila» diskursa politicheskix mediaobrazov: analiz strategicheskix e'ffektov // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshhestvennye nauki. 2017. T. 12. № 1 (161). S. 53–66.
  11. Smirnov A.E. Teoreticheskie modeli sub"ektivacii: L. Al'tyusser, S. Zhizhek, A. Bad'yu // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 14. – S. 96–101.
  12. Shelonaev S.I. Tipologiya aktorov v sovremennom mediaprostranstve // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2012. – № 1 (11). – S. 190–194.
  13. Noam Chomsky, «The Responsibility of Intellectuals», The New York Review of Books, 8:3 (February 1967).
-

UDC 81'42+32.019.51

THE SUBJECTS OF THE POLITICAL DISCOURSE OF HATRED IN THE SPACE OF MASS MEDIA

Fursov Kirill Konstantinovich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: biathlon91@mail.ru

Annotation

Mass-media uses discourse of hostility due to protection social and political identity. Mass-media discourse of hostility depends on the use of subjects. This subject is different kinds of intellectuals and experts. Low ethic of responsibility by intellectuals has led to proliferation of discourse of hostility in mass-media.

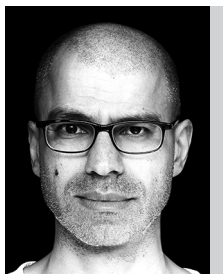
Key concepts:

discourse of hostility, intellectuals, mass-media, identity.

UDC 32.001

CINEMA AS AN ELEMENT OF A STATE'S SOFT POWER SYSTEM

Oliver Keune,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Associate professor,
PhD in philosophy,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: okeune@web.de

Valeriya Frants,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Associate professor,
PhD in political science,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: val-franc@yandex.ru

Annotation

The article considers cinema as one of the most profitable cultural industries as well as a highly influential instrument of “soft power”. The authors claim, however, that it’s not enough to simply create a film in order to use it as a “soft power” tool. The article examines the ways of how a film can contribute to a positive image of the country, using the examples of the USA and China. It also takes a look at cinema within the system of a country’s soft power instruments as well as in relation to the economy. Finally, the authors will analyze the situation and prospects of Russian cinema.

Key concepts:

cinema, soft power, creative industries, international image, political influence.

The strong potential of culture in general and cinema in particular as a tool of “soft power” was first seen by the creator of the concept of “soft power” – J. Nye. In his article “Soft power”, published in 1990, the scientist calls sources of “soft power”:

“cultural and ideological attraction as well as rules and institutions of international regimes” [10]. Nye also emphasized the political importance of popular culture and stated that the positive effect of pop culture can make the process of carrying out policy more easy and effective. the scholar argued that “popular entertainment often contains subliminal images and messages about individualism, consumer choice, and other values that have important political effects” [11].

There are also a great number of other scholars considering cinema a powerful instrument of «soft power», foreign public opinion shaping, international political influence and so on. Thus, Street [15] discusses the complex connections between commercial culture and political power. the scientist invents the clever term ‘packing of politics’ to highlight that popular culture can be used as a powerful political tool due to its ability to articulate feelings that contribute to form the identity of individuals, including political thought and action. Wattenberg [17] is going even further claiming that “content is more powerful than politics or economics. It drives politics and economics”. Zoysa and Newman [21] insist that through Hollywood, American cinema has become “part of the socialization process” for people around the world and “a prime mover in the globalization of consumerism and image making”. Walt [16] notes: “America’s leaders have sought to persuade as many countries as possible to embrace their particular vision of a liberal-capitalist world order. Hollywood is one of the cornerstones of this endeavor”.

Not only scholars but also politicians appreciate the power of American popular culture. as an example we can name French politician Hubert Vedrine who states that Americans are so powerful because they can “inspire the dreams and desires of others, thanks to the mastery of global images through film and television and because, for these same reasons, large numbers of students from other countries come to the United States to finish their studies, quoted in [12].

Smith and Ricci emphasize that since the end of the First World War Europe recognized the need to counter Hollywood’s domination of the movie marketplace – for the balance of payments, protection of indigenous industries as well as preservation of national identity. Now we can say that this need is as real as it was a hundred years ago. to show the importance of the issue let’s refer to the concepts of creative economy and creative industries, one of which is cinema.

According to UNCTAD, creative economy leverages creativity, technology, culture and innovation in fostering inclusive and sustained economic growth and development. Creative economy sectors include arts and craft, books, films, paintings, festivals, songs, designs, digital animation and video games. the creative economy is an important part of global trade. the global market for traded creative goods and services totaled \$547 billion in 2012¹. Cross border trade of creative goods has shown sustained growth in the last decade. Growth rates stood at 8,6 percent annually from 2003 to 2012, showing the strength and resilience of the sector despite the economic deceleration of the world economy. Exports from developing countries, in particular Asia, are growing faster than in the developed world. the share of creative industries in the GDP of modern States is very high. So, according to Ernst & Young, the total revenue of creative industries in the EU (28 countries) in 2012 has amounted

---

¹ Unfortunately, the latest statistics about the development of the global creative industries dates back to 2012 only.

to 4,2% of the EU GDP. For comparison: the contribution of the real estate industry in the economy of the EU is 2,1%, chemical industry (including the manufacture of plastic and rubber products) – 2,3%, textile industry – 0,5% [5, p. 115]. According to experts it will grow further.

As we can see, nowadays creative industries are strongly related to the economic prosperity of the countries that contributes to its international image. It also allows to influence other countries culturally. More people abroad admire the activities of some country's designers, architects, movies-makers, writers etc. more than they like that country in general. But where in the fields of literature, design, architecture etc. a lot of strong players from all over the world co-exist, in cinema there's undeniably just one worldwide leader: this is the USA, of course. in total, US films (including its domestic market) represent at least 70 percent of the global box office.

Currently, some countries have started to challenge Hollywood's worldwide domination. a bright example is China which actually pursues two goals: competing with Hollywood on one hand and using movies as part of its "soft power" strategy on the other hand. 2001 should be deemed a crucial date in Chinese history when the country joined the WTO (World Trade Organization). Even before, the importance of promoting China's culture and values had already been emphasized by government officials but only in 2001 the country was literally forced into inventing a strategy of becoming a global player also in cultural respect. It was President Hu Jintao who initiated a publicity wave in 2007, clearly pursuing the concept of "soft power". His successor, President Xi Jinping, already in 2007 used the 17th Central Committee of the Chinese Communist Party (CCP) to address the issue, "with the final communiqué declaring that it was a national goal to 'build our country into a socialist cultural superpower' [14]. Xi later stated, that "We should increase China's soft power, give a good Chinese narrative, and better communicate China's messages to the world." a number of initiatives – "The Chinese dream", "The Asia-Pacific dream", "The Silk Road Economic Belt" and others – have been since brought into realization under his command [13].

As Dr. Weiyang Peng [19, p. 43] states, the Beijing government, in several past years, has started to shift focus from investing in Confucius Institutes and ramping up Chinese media presence overseas by funding declining media like broadcast television and radio to produce pure propaganda programs toward more ostensibly pop areas, such as animation, commercial film, and online video gaming. in 2009, the State Council released its plan to adjust and reinvigorate the cultural industries and has formulated numerous sector-specific policies that target pop areas.

That is of interest, the reason to implement such a strategy was not only and not in the first place the competition with Hollywood, but the raise of so called "Korean Wave" that, in particular, made the influence of Korean culture and its cinema rather influential in the East Asia. Another country being traditionally considered by China as a more powerful cultural competitor is Japan. Cultural success of those two countries actually has one reason and route. in particular, as Keane [4, p. 93] says, Korea is successfully generating culture exports by "mixing traditional aesthetics with postmodern pop cultural sensibilities". According to McGray [9], while China is making a bet on its traditional culture, Japan markets its 'cool' contemporary pop

and sub-culture in music, cuisine, anime, manga, video games and fashion through a public-private approach which encouraged and gave official blessing to the private sector to “sell the Japanese dream”. As Aso [1] emphasized, “ironically, being cool, fun and hip have now become serious business for the Japanese state”. Given that, Dr. Weiyang Peng argues that the way to strengthen the influence of Chinese cinema overseas is to make it more universalistic and up to date. This way lies through the lowering the state regulation and growth of the coproduction’s share in the total volume of China’s cinema production. the scientist proves that by using examples and figures from China’s recent past.

In 2012 the number of films produced in China reached 745, which is almost equal with India, and one of the highest totals in the world. in 2010, China’s box office revenues skyrocketed, reaching RMB 10 billion, a 63,9 percent increase over the previous year. in 2012 Chinese domestic box office was RMB 17.073 billion, an annual growth rate of 30 percent. China surpassed Japan and became the second largest film market globally. These results were provided by implementation of some new regulations, especially “Interim Provisions on the Access of Operational Qualifications for Movie Production Distribution and Screening”, “The Provisions on the Administration of Chinese-Foreign Cooperative Production of Films” and “Interim Provisions on Film Script Registration and Film Review”. Such the policy opened access to active coproduction with such the countries as Hong Kong, Taiwan, USA, Australia etc. which allowed tapping into the internal market. However, overseas sales remained still insufficient.

The exception were such films like *Crouching Tiger, Hidden Dragon* (2000, directed by Li An/Ang Lee, \$USD 128 million box office), *Hero* (2002, directed by Zhang Yimou, \$USD 53,71 million box office) and *Karate Kid* earned RMB 2,4 billion outside China. At the same time films which were successful in China, did not perform well overseas. *Lost in Thailand* (2012) made 1200 million RMB. domestically in comparison to its overseas box office \$US 57000 and *So Young* (2013) made 700 million RMB compared to its overseas box office \$US 9990 (Li, H 2014: 119). to finalize it is suitable to quote Rosen’s words that “Hollywood blockbuster films have in fact been far more effective in promoting China’s public diplomacy initiatives than China’s own films” [9].

Given the above described experience, the Chinese carried out an even more daring venture. It’s about the specific type of co-production by which China targeted the American film market, trying to gain control (or at least some creative and financial leverage) over one of the most powerful tools to “shape” the image of an entire nation. Here the noticeable example is the activity of China’s biggest e-commerce firm Alibaba. That company has put money in “Mission: Impossible – Rogue Nation” (2015) [6]. the extremely successful “Furious 7” out of the “Fast and Furious” franchise was made with money from the China Film Group. LeTV, another large Chinese entertainment firm, started to establish offices in Los Angeles in 2015; Chinese film studio Huayi Bros. came to terms with American motion picture company STX entertainment to co-produce and co-distribute 12 to 15 films. and in January 2016, the Dalian Wanda Group bought the Los Angeles based studio Legendary Pictures – producer of such major hits like “Jurassic World”, “Godzilla” and “Interstellar” – which made it the first Chinese film company that actually owns

a Hollywood studio. the question as to whether all these attempts are or will be fruitful in the future is not yet decided. According to experts, China's success in campaigning its values is still modest. David Shambaugh, for example, states: "China's favorability ratings are mixed at best, and predominantly negative, and declining over time. They have dropped fully 20% from 2009 to 2015" and Joseph S. Nye concedes: «China does better in Africa and Latin America than it does in its own neighborhood in Asia» [14]. However, in purely economic, that is: financial terms, China's strategy seems to be paying off.

As with Hollywood, the ironic situation is this: still being a contender one would expect fierce resistance from this market in order to protect itself. in fact, it's exactly the opposite. "Over the past decade, the number of tickets sold annually in the U.S. and Canada has sunk by 80 million" (Michael Lev-Ramm: Can China Save Hollywood? In: Fortune Entertainment, 2017). Confronted by a declining rate of movie-goers (also in Europe which used to be the most important market for Hollywood productions aside from their domestic audiences), and with profits shifting more to digital platforms as "Netflix" and other companies demonstrate, Hollywood producers already some time ago have begun to access the Chinese market with its 1.3 billion people. Nowadays, especially big-budget-productions (\$150 million and above) are more or less depending on financial success in Asia in order to retrieve their spending.

That's why in recent Hollywood productions a striking number of "casual" Chinese appearances was to be witnessed: in "Gravity", Chinese astronauts save American colleagues; in "The Martian" it's the China National Space Administration that decisively assists in bringing stranded astronaut Mark Watney (played by Matt Damon) back home. in the new Star Wars movie "Rogue One" Chinese film icons Donnie Yen and director/actor Wen Jiang had parts; "Independence Day: Resurgence" presents Americans and Chinese working together to save the world, featuring actress Angela Yeung Wing as an enticing fighter jet pilot; in "Mission Impossible 3" Tom Cruise races through the streets of Shanghai, and the "Transformers" fight in Hong Kong. Not to mention product placement: in "Independence Day: Resurgence" the characters use China's chat service QQ, or in "Captain America 3" Robert Downey Jr. uses a cell phone by Chinese company Vivo. None of these films obviously had financial support from China, and though not everyone was exactly thrilled with this kind of blunt advertising [18], it stands to reason that this agreement might easily be called a two-way-street, since it brought some (image) benefit to China and, in return, financial revenues to Hollywood movie producers.

However, this pattern does not always work as the example of "The Great Wall" shows: the film was the first serious experiment to combine creative and financial resources of the two film superpowers. Its story took place in China, featured Chinese mythology and topics, while its protagonist were white foreigners (which brought the film some criticism of "whitewashing") and it was filmed almost entirely in English. the director was Zhang Yimou (who could be regarded as one of the most influential film makers in China), the main actors were American film super heavyweights Matt Damon and Willem Dafoe.

From the American standpoint, the film indeed "worked", making in fact the biggest part of its earnings in China: \$177 millions against a total gross

of \$331 million worldwide. (Admittedly, the film was still considered a financial failure due to its additional PR budget of reportedly above \$80 million). But the much bigger problem with the film was that it grossed only \$45 million in the US, and this is a problem for China, too, since “The Great Wall” was the very first collaboration of the two biggest movie industries in the world, trying to prove that with joined forces it is possible to produce a hit that will satisfy both audiences. The main producers were Universal Pictures and Wang Jianlin, the 2nd richest man in China, founder of the Dalian Wanda Group which stands behind Legendary Entertainment (the other major producer of “The Great Wall”). Besides his investment in Hollywood, Wang Jianlin is also the owner of the upcoming Oriental Movie Metropolis studio, the biggest film studio in Asia. A man with great ambition, so to speak.

Like we said before, American audiences received the film quite cool. A reason might be that reviews by American critics and movie sites were not too favorable. As Rebecca Keegan writes, “Chinese moviegoers rely less on critic review aggregation sites like Rotten Tomatoes, and more on the audience scores posted on ticketing Web sites” (Rebecca Keegan: “Why Hollywood Needs Chinese Movie-goers More Than Ever This Summer». In: Vanity Fair, 2017). It is always hard to pinpoint why a movie did not turn out a success. But if it were like that American and other non-Asian audiences just don’t care too much about Chinese culture and imagery (or, even worse, are put off by the obvious “intent” behind China’s “soft power” offensive), then China would really have a problem: spending billions of dollars in order to promote itself worldwide without actually augmenting its reputation. It will be interesting to see how this process develops in the future.

There are some reasons why China’s example is of a great interest for Russia. First of all, as Russia recently, China pays a lot of attention to the development of comprehensive “soft power” strategy. Secondly, China is one of the biggest countries in the world with a growing demand. Thirdly, both countries have rather strong state regulations, including cinema development; both countries tend to make the traditional culture the basis of its “soft power”. Finally, despite the fact that the popularity of Chinese cinema is still insufficient overseas, China managed to win the domestic market in a rather short time. Unfortunately, today’s Russia can’t boast of such a result.

With that in mind, let’s consider the situation of the Russian movie industry. There are no accurate data of the number of films shot in Russia before 2005. According to data provided by information agency “Inter Media” [2], it is known that in 2006 59 movies have been produced domestically, and in 2015, there it was already 138. This indicates a positive and stable development of the film industry. But amongst the 25 biggest releases on the Russian market for the period from 2002 to 2015, the number of domestic films was only 2. Russian domestic box office grosses are on average from 2 to 5 times less than revenues from Hollywood distributed films. Grosses from European releases are inferior in relation to both American and domestic movies. Hollywood blockbusters are the only category of films that consistently bring in good cash. Asian movies are the least popular.

It would be worthwhile to note that in 2015 for the first time the domestic box office top ten included no films produced in Russia. Also, every Russian film failed

to reach the level of 1 billion RUB. For the last 14 years Russia has lost ground: no film produced in 2015 was in the top 25 of major films released since 2002. in 2015 146 domestic and coproduced films were released. Only 17 of them were successful enough to exceed their production budget. This proves some stagnation: in 2010 only 11 films surpassed their budget but in 2011 and 2012 the quantity of successful films reached 20. Thus, it can be said that film production still remains the weak side of the Russian film industry and most films don't pay off at the box office. This situation takes place while the government provides huge financial, institutional and legal support to the domestic film industry. in 2014 Russia spent 10798 million dollars to support culture industries, which is about 2 million more than China and 7,3 times more than the United States. the total box office, though, was 4 times less than in China and 8,6 times less than in USA. These figures show that even to win domestic audiences is still a challenge for Russia, not to mention the overseas one.

However, there are also some positive examples. Russian filmmakers succeed in the segment of computer 3D animation. Famous Russian animation Studio Wizart received large revenues from the film series "Snow Queen" in Russia and abroad. the franchise for these movies was sold to various countries around the world. Other examples are "Stalingrad" (\$USD 16,4 million box office), "Night Watch" (\$USD 17,7 million box office), "Siberian Barber" (\$USD 8,6 million box office). Here we see another tendency: that Russian history and flavor obviously generate public attention worldwide. At the same time, the box office of these films is at a minimum 3 times less than that of successful Chinese movies.

In this context it is ironic that Russia's current top director, Andrey Zvyagintsev, willingly or not willingly does exactly the opposite of what "soft power" officials in his country would expect: he even emphasizes the negatives in modern Russia, and he clearly draws a logical line between these negatives and the government's actions [20]. That's why, in the case of "Leviathan" for example, Vladimir Medinski from Russia's Ministry of Culture, expressed such vital discontent with the film [8].

This all proves that Russia still can not find its way to lure worldwide audiences and therefore enhance its image through cinema "soft power". in our opinion it should tackle this challenge because of both economical and ideological reasons. Especially in light of powerful negative information campaigns by the US and Europe countries related to the Ukrainian crisis and the Syrian war conflict it could be a useful supplement to Russian information policy. But unfortunately in this field the perspectives are not very encouraging.

References

1. Aso, T. a New Look at Cultural Diplomacy: a Call to Japan's Cultural Practitioners. Retrieved August 8, 2017 from the sight of Ministry of Foreign Affairs of Japan: <http://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech0604-2.html>.
2. Film industry of Russian Federation in 2000–2015. Analytical Review. Retrieved August 8, 2017 from the sight of Information agency "Inter Media": http://www.intermedia.ru/uploads/Kinoind_veb.pdf.
3. Is China's Soft Power Stragety Working? a talk with Joseph S. Nye Jr.,

Liz Economy and David Shambau. Retrieved August 8, 2017 from Centre for Strategic and International Studies: <https://chinapower.csis.org/is-chinas-soft-power-strategy-working/>.

4. Keane, M. (2015). *the Chinese Television Industry*. London: Palgrave.

5. Kadachigov, R.V. (2015). Strategies for stimulating exports of creative industries in the European Union. *Izvestia USUE*, No. 6 (62). Pp. 114–125.

6. Kokas, A. Hollywood's obsession with China is just getting started. Retrieved February 13, 2017 from the International: <http://www.businessinsider.de/hollywood-made-in-china-excerpt-2017-1?r=US&IR=T>.

7. Lev-Ramm, M. Can China Save Hollywood? Retrieved May 22, 2017 from Fortune Entertainment: <file:///Users/ok/Desktop/Websites%20China%20Soft%20Power/Can%20China%20Save%20Hollywood%3F%20|%20Fortune.com.html>.

8. MacFarqhar, N. Russian Movie 'Leviathan' Gets Applause in Hollywood but Scorn at Home. Retrieved January 27, 2015 from the New York Times: <https://www.nytimes.com/2015/01/28/world/europe/leviathan-arussian-movie-gets-applause-in-hollywood-but-scorn-at-home.html>.

9. McGray, D. (2002). Japan's gross national cool. *Foreign Policy*, No. 130 (May/June). Pp. 44–54.

10. Nye, J. (1990). Soft Power. *Foreign Policy*, No. 80 (Twentieth Anniversary). P.168.

11. Nye, J.S. Soft power and higher education. Retrieved July 12, 2015 from the Future of Higher Education, EDUCAUSE.: <http://www.educause.edu/Resources/SoftPowerandHigherEducation/>.

12. Nye, J.S. (2002). *The Paradox of American Power: Why the world is only superpower can it go it alone*. NY: Oxford University Press.

13. Rosen, S. (2011). *the Use of Film for Public Diplomacy: Why Hollywood Makes a Stronger Case for China*. Retrieved January 15, 2015, from USC Annenberg: http://usepublicdiplomacy.org/pdin_monitor_article/the_use_of_film_for_public_diplomacy_why_hollywood_makes_a_stronger_case_fo.

14. Shambaugh, D. (2015). China's Soft Power Push. Retrieved July/August 2015 from Foreign Affairs: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push>.

15. Street, J. (1997). *Politics and Popular Culture*. Oxford: Blackwell.

16. Walt, S.M. (2006). *Taming American Power*. New York, NY: WW Norton.

17. Wattenberg, B.J. (1991). *the first universal nation: leading indicators and ideas about the surge of America in the 1990s*. New York: Free Press.

18. Wei Xi. Chinese audiences unhappy with clumsy product placement. Retrieved June 29, 2016 from Global Times.

19. Weiyong Peng (2015). *China, Film Coproduction and Soft Power Competition* (PhD dissertation). Queensland University of Technology.

20. Zeitchik, S. Cannes 2017: a new film slyly critiques Russia (just don't tell the director). Retrieved May 20, 2017 from Los Angeles Times.

21. Zoysa, R.D., & Newman, O. (2002). Globalization, soft power and the challenge of Hollywood. *Contemporary Politics*, 8 (3). Pp. 185–202.

UDC 81'42+32.019.51

КИНЕМАТОГРАФ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ГОСУДАРСТВА

Оливер Койне,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
доцент кафедры ИМК и брендинга,
кандидат философских наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: okeune@web.de

Валерия Франц,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
доцент кафедры ИМК и брендинга,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: val-franc@yandex.ru

Аннотация

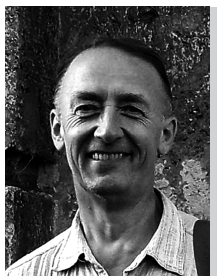
В рамках статьи кинематограф рассматривается как наиболее прибыльная культурная индустрия, а также как мощный инструмент «softpower». Однако авторы утверждают, что недостаточно просто создать фильм, который автоматически станет проводником «мягкой силы». В статье на примерах американского и китайского кинематографа рассматриваются пути и методы создания фильмов, способных внести вклад в формирование положительного образа государства. Статья также проливает свет на место кинематографа среди других инструментов «softpower» государства и его взаимосвязь со сферой экономики. Полученные результаты позволяют авторам проанализировать актуальное состояние и перспективы российского кинематографа.

Ключевые понятия:

кинематограф, soft power, творческие индустрии, международный имидж, политическое влияние.

УДК 16

ОБЪЕДИНЕНИЕ НОРМАЛЬНЫХ И НЕНОРМАЛЬНЫХ МОДАЛЬНЫХ ЛОГИК В ОДНОЙ АКСИОМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Лобовиков Владимир Олегович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

Впервые в аналитической философии универсальная теория знания точно формулируется и определяется как аксиоматическая система Ξ . Для ее формулировки используются четыре схемы аксиом. Использование метаязыка позволило сделать аксиоматическое определение системы Ξ философской эпистемологии значительно более простым и компактным (по сравнению с версиями, предложенными автором ранее). Конструируемая и обсуждаемая система Ξ непротиворечиво объединяет в одно целое нормальные и ненормальные модальные логики, что дает возможность непротиворечиво синтезировать в одной концептуальной схеме рационалистическую и эмпирицистскую парадигмы философствования о знании вообще. Систематическое конструирование и исследование дискретных математических моделей философии знания вообще и дальнейшее совершенствование аксиоматических систем универсальной философской эпистемологии (в частности, изучение системы Ξ) необходимо для построения адекватной метафизической подсистемы искусственного интеллекта автономных роботов.

Ключевые понятия:

нормальная-модальная-логика; ненормальная-модальная-логика; априорное-знание; апостериорное-знание; универсальная-философская-эпистемология; метафизическая-подсистема-интеллекта-автономного-робота.

Поскольку настоящая статья посвящена логике (знания), естественно начать ее с определений используемых терминов и значений символов того

искусственного языка, на котором будет формулироваться предлагаемая аксиоматическая система эпистемологии (обозначим ее символом Ξ), объединяющая в одно целое нормальные и ненормальные (в смысле Крипке [9; 10]) модальные логики. Символы $\rightarrow$, $\leftrightarrow$, $\&$, $\vee$, $\neg$ используются в статье в их классическом смысле, а именно, обозначают классические логические операции «импликация (материальная)», «эквивалентность», «конъюнкция», «дизъюнкция (неисключающая)», «отрицание».

Предлагаемая в статье аксиоматическая система Ξ содержит в себе все формулы, аксиомы и правила вывода классической пропозициональной логики. Символы α и β (принадлежащие метаязыку) обозначают любые формулы, принадлежащие системе Ξ . Дополнительные формулы системы Ξ получаются с помощью следующего правила: если α есть формула из Ξ , то $\Psi\alpha$ тоже есть формула из Ξ . Символ Ψ (принадлежащий метаязыку) обозначает некий (любой) элемент множества модальностей $\{\Box, K, A, E, S, T, F, P, Z, G, O, B, U, Y, J\}$. Символ $\Box$ обозначает алетическую модальность “необходимо”. Символы K, A, E, S, T, F, P, Z , соответственно, обозначают модальности “субъект знает, что...”, “субъект *a-priori* знает, что...”, “субъект *a-posteriori* знает, что...”, “при некоторых условиях в некотором пространстве-времени некий субъект (непосредственно или с помощью каких-то приборов и инструментов) чувственно воспринимает (имеет чувственную верификацию), что...”, “истинно, что...”, “субъект верит, что...”, “доказуемо, что...”, “существует алгоритм (может быть построена машина) для эффективного установления того, что...”.

Символы G, O, B, U, Y, J , соответственно, обозначают модальности “(морально) хорошо, что...”, “обязательно, что ...”, “красиво, что...”, “полезно, что...”, “приятно (доставляет наслаждение), что...”, “это радость, что...”. Значения вышеупомянутых символов определяются следующими ниже схемами собственных аксиом системы философской эпистемологии Ξ , которые (аксиомы) добавляются к аксиомам классической пропозициональной логики. Схемы аксиом и правила вывода классической пропозициональной логики применимы ко всем формулам системы Ξ , включая дополнительные (содержащие в себе символы, обозначающие модальности).

Схема аксиом AX-1: $A\alpha \rightarrow (\Box\beta \rightarrow \beta)$.

Схема аксиом AX-2: $A\alpha \rightarrow (\Box(\alpha \rightarrow \beta) \rightarrow (\Box\alpha \rightarrow \Box\beta))$.

Схема аксиом AX-3: $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \& (\Box\alpha \& \Box\neg S\alpha \& \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$.

Схема аксиом AX-4: $E\alpha \leftrightarrow (K\alpha \& (\neg\Box\alpha \vee \neg\Box\neg S\alpha \vee \neg\Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$.

В AX-3 и AX-4, символ Ω (принадлежащий метаязыку) обозначает какой-то (любой) элемент множества $\mathfrak{R} = \{\Box, K, T, F, P, Z, G, O, B, U, Y, J\}$. Назовем элементы множества $\mathfrak{R}$ “модальностями-совершенства” или просто “совершенствами (*perfections*)”.

Аксиоматическая система Ξ есть результат существенного дополнения, уточнения, обобщения и пере-формулировки аксиоматической системы, первоначально представленной в [2]. Первоначальная версия аксиоматизации эпистемологии содержала в себе следующие аксиомы AX-1 и AX-2, которые могут быть доказаны как теоремы в Ξ .

Аксиома AX-1: $A p \leftrightarrow (K p \wedge \Box p \wedge \neg\Diamond S p \wedge \Box(p \leftrightarrow \Box p) \wedge \Box(p \leftrightarrow T p) \wedge \Box(p \leftrightarrow P p) \wedge \Box(p \leftrightarrow F p) \wedge \Box(p \leftrightarrow Z p) \wedge \Box(p \leftrightarrow O p) \wedge \Box(p \leftrightarrow G p))$;

Аксиома АХ-2: $\mathbf{E}p \leftrightarrow (\mathbf{K}p \wedge (\neg\Box p \vee \Diamond Sp \vee \neg\Box(p \leftrightarrow \Box p) \vee \neg\Box(p \leftrightarrow \mathbf{T}p) \vee \neg\Box(p \leftrightarrow \mathbf{P}p) \vee \neg\Box(p \leftrightarrow \mathbf{F}p) \vee \neg\Box(p \leftrightarrow \mathbf{Z}p) \vee \neg\Box(p \leftrightarrow \mathbf{O}p) \vee \neg\Box(p \leftrightarrow \mathbf{G}p))$.

В этих аксиомах p обозначает некоторое высказывание, а $\Diamond p$ является сокращением выражения $\neg\Box\neg p$. В настоящей статье использование принадлежащего метаязыку символа Ω позволило сделать формулировки схем аксиом АХ-3 и АХ-4 значительно более простыми и компактными по сравнению с соответствующими им слишком длинными и сложными аксиомами АХ-1 and АХ-2 первоначальной версии системы.

Важно обратить внимание на то, что (в самом общем виде) формулы $(\Box a \rightarrow a)$ и $(\mathbf{K}a \rightarrow a)$ недоказуемы в Ξ . Вместо них в самом общем виде в Ξ доказуемы, соответственно, формулы $\mathbf{A}a \rightarrow (\Box a \rightarrow a)$ и $\mathbf{A}a \rightarrow (\mathbf{K}a \rightarrow a)$. Более того, (в самом общем виде) правило Гёделя (necessitation-rule) отсутствует в списке правил вывода системы Ξ . Это значит, что, по определению [8; 9; 10; 12; 13], логика системы Ξ не является нормальной модальной логикой. Более того, вообще говоря, правило удаления модальности $\Box$ тоже не принадлежит множеству правил вывода системы Ξ . Однако, *при условии*, что $\mathbf{A}a$, (но не вообще) следующее (ограниченное) правило $\Box$ -удаления имеет законную силу: “Если $\mathbf{A}a \mid \neg\Box\beta$, то $\mathbf{A}a \mid \neg\beta$ ”. (Здесь символ $\mid \neg$ обозначает формальную выводимость в Ξ из множества допущений.) Это ограниченное (допущением, что истинно высказывание $\mathbf{A}a$) правило вывода демонстрируется следующей ниже короткой последовательностью схем формул.

- 1) $\mathbf{A}a \rightarrow (\Box\beta \rightarrow \beta)$: схема аксиом АХ-1.
- 2) $\mathbf{A}a$: допущение.
- 3) $(\Box\beta \rightarrow \beta)$: из 1 и 2 по *modus ponens*.
- 4) $\mathbf{A}a \mid \neg(\Box\beta \rightarrow \beta)$: 1)–3).
- 5) $\mathbf{A}a \mid \neg\Box\beta$: дано.
- 6) $\mathbf{A}a \mid \neg\beta$: из 4)–5) по *modus ponens*.
- 7) Если $\mathbf{A}a \mid \neg\Box\beta$, то $\mathbf{A}a \mid \neg\beta$: 1)–6).

Более того, в системе Ξ нетрудно продемонстрировать, что *при условии*, что $\mathbf{A}a$ (но не вообще), следующее (ограниченное) правило вывода (rule of necessitation) имеет законную силу: “Если $\mathbf{A}a \mid \neg\beta$, то $\mathbf{A}a \mid \neg\Box\beta$ ”. Это правило обосновывается следующей последовательностью 1–10.

1. АХ-3.
2. $\mathbf{A}a$: допущение.
3. $\mathbf{K}a \ \& \ \Box a \ \& \ \neg\mathbf{S}a \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: из 1 и 2 по правилам пропозициональной логики.
4. $\Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: из 3 по правилу $\&$ -удаления.
5. $(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: из 4 по (ограниченному) правилу $\Box$ -удаления.
6. $\mathbf{A}a \mid \neg(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: согласно 1–5).
7. $\mathbf{A}a \mid \neg(\beta \leftrightarrow \Box\beta)$: из 6 подстановкой $\Box$ вместо Ω .
8. $\mathbf{A}a \mid \neg\beta$: дано.
9. $\mathbf{A}a \mid \neg\Box\beta$: из 7 и 8, по правилам пропозициональной логики.
10. Если $\mathbf{A}a \mid \neg\beta$, то $\mathbf{A}a \mid \neg\Box\beta$: согласно 1–9).

В системе Ξ доказуема следующая метатеорема (схема теорем).

МЕТАТЕОРЕМА: Для любых элементов Φ и Σ из множества $\mathcal{R}$, схема формул $(\mathbf{A}a \rightarrow (\Phi a \leftrightarrow \Sigma a))$ есть схема теорем. Следующая ниже последовательность схем формул является формальным доказательством этой метатеоремы в Ξ .

1. АХ-3.
2. $A\alpha \rightarrow (K\alpha \ \& \ (\Box\alpha \ \& \ \Box\neg Sa \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$: из 1 по правилу удаления $\leftrightarrow$.
3. $A\alpha$: допущение.
4. $(K\alpha \ \& \ (\Box\alpha \ \& \ \Box\neg Sa \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$: из 2 и 3 по *modus ponens*.
5. $\Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: из 4 по правилу удаления $\&$.
6. $(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: из 5 по правилу удаления $\Box$.
7. $(\alpha \leftrightarrow \Sigma\alpha)$: из 6 подстановкой (α вместо β , и Σ вместо Ω).
8. $(\alpha \leftrightarrow \Phi\alpha)$: из 6 by подстановкой (α вместо β , и Φ вместо Ω).
9. $(\Phi\alpha \leftrightarrow \alpha)$: из 8 по правилу коммутативности $\leftrightarrow$.
10. $(\Phi\alpha \leftrightarrow \Sigma\alpha)$: из 9 и 7 по транзитивности $\leftrightarrow$.
11. $A\alpha \rightarrow (\Phi\alpha \leftrightarrow \Sigma\alpha)$: из 1–10 по правилу введения $\rightarrow$.

С чисто технической точки зрения, доказательство этой метатеоремы не представляет особого интереса (слишком просто). Но с содержательной собственно философской точки зрения, эта теорема очень интересна и нетривиальна. Разнообразные конкретные примеры (частные случаи) этой метатеоремы широко известны как фундаментальные философские принципы. Ниже приведен ряд конкретных примеров (частных случаев) метатеоремы $A\alpha \rightarrow (\Phi\alpha \leftrightarrow \Sigma\alpha)$.

- 1) $A\mathbf{p} \rightarrow (\mathbf{Gp} \leftrightarrow \mathbf{Vp})$: принцип *калокагатии*, развивавшийся Сократом, Ксенофонтом, Платоном, Аристотелем [4];
- 2) $A\mathbf{p} \rightarrow (\mathbf{Gp} \leftrightarrow \mathbf{Up})$: принцип *утилитаризма* в этике (Бентам, Милль);
- 3) $A\mathbf{p} \rightarrow (\mathbf{Gp} \leftrightarrow \mathbf{Yp})$: принцип *гедонизма* в этике (Аристипп, Эпикур);
- 4) $A\mathbf{p} \rightarrow (\mathbf{Gp} \leftrightarrow \mathbf{Tp})$: принцип *оптимизма в этике* (Мальбранш, Лейбниц);
- 5) $A\mathbf{p} \rightarrow (\mathbf{Tp} \leftrightarrow \mathbf{Rp})$: рационалистический принцип *оптимизма в эпистемологии* Лейбница и Гильберта [5];
- 6) $A\mathbf{p} \rightarrow (\mathbf{Rp} \leftrightarrow \mathbf{Zp})$: рационалистический принцип *механистического (алгоритмического) оптимизма в эпистемологии* (Луллий, Лейбниц);
- 7) $A\mathbf{p} \rightarrow (\mathbf{Tp} \leftrightarrow \mathbf{Up})$: принцип *прагматизма в теории истины* Пирса-Джеймса-Дьюи [7];
- 8) $A\mathbf{p} \rightarrow (\mathbf{Tp} \leftrightarrow \mathbf{Fp})$: принцип *фидеизма в теории истины*;
- 9) $A\mathbf{p} \rightarrow (\Box\mathbf{p} \leftrightarrow \mathbf{Op})$: естественно-правовой принцип *эквивалентности алетических и деонтических модальностей*, представленный в сочинениях Аристотеля и Лейбница [3; 6; 11];
- 10) $A\mathbf{p} \rightarrow (\Box\mathbf{p} \leftrightarrow \Box\mathbf{Gp})$: естественно-правовой принцип *эквивалентности алетических и аксиологических модальностей*, представленный в трудах Аристотеля, Ульпиана, Фомы Фквинского [3; 6; 11];
- 11) $A\mathbf{p} \rightarrow (\Box\mathbf{p} \leftrightarrow \Box\mathbf{Op})$: принцип *естественного права*, представленный в сочинениях Цицерона, Канта, Кельзена [3; 6; 11].

Приведенный выше в данной статье список фундаментальных философских принципов, организующих систему априорного знания, является открытым (может пополняться). Однако, завершая работу, важно подчеркнуть, что, согласно настоящей статье, перечисленные выше философские принципы имеют *точно формально определенную (существенно ограниченную) сферу уместной применимости*, а именно, они адекватны *при условии*, что $A\mathbf{p}$. При условии, что $\mathbf{E}\mathbf{p}$, эти принципы как таковые уже неадекватны; не имеют законной силы. Таким образом, в системе Ξ есть место не только для *лишенного случайностей* мира Спинозы, но и для мира «Трактата» Витгенштейна [1] – *мира как тотальности фактов*, т. е. *случайных истин*. Более того, в системе Ξ есть место и для

принципа фальсифицируемости научного (эмпирического) знания: этот принцип эмпиризма в философии науки представлен в схеме аксиом АХ-4 дизъюнктом $\neg \Box \alpha$. Таким образом, рассмотренная в данной статье аксиоматическая система универсальной философской эпистемологии Ξ непротиворечиво *синтезирует* «рациональные зерна истины» рационализма и эмпиризма, устраняя противоречия между ними путем уточнения формулировок принципов и определений терминов.

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 133 с.

2. Лобовиков В.О. Аксиоматизация философской эпистемологии (Концептуальный синтез рационализма Лейбница и эмпиризма Локка, Юма, Мура) // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 69–78. DOI: 10.17223/1998863X/36/7.

3. Лобовиков В.О. Аксиоматизация эпистемологии как средство экспликации теории права: «Дигесты» Юстиниана и проблема однородности естественного права // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3 (24). С. 48–60.

4. Лобовиков В.О. Доказательство теоремы о калокагати в аксиоматической системе философской эпистемологии (Оптимизм и предустановленная гармония: от древнегреческой и раннехристианской философии к А.Э. Шефтсбери, Г.В. Лейбницу и К. Гёделю) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 4 (25). С. 256–264.

5. Лобовиков В.О. Аксиоматическое определение сферы адекватности рационалистического оптимизма Г.В. Лейбница, Д. Гильберта и К. Гёделя // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 4. С. 69–81.

6. Лобовиков В.О. Уточнение формулировки и вариант решения проблемы эквивалентности деонтических, алетических и аксиологических модальностей с помощью аксиоматической системы философской эпистемологии // Эпистемы: Сборник научных статей. Выпуск 11: Оценки и нормы в структуре рационального знания. Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо», 2016. С. 48–67.

7. Лобовиков В.О. Дедуктивное доказательство эквивалентности истинности и полезности априорного знания в аксиоматической системе эпистемологии (Точное аксиоматическое определение сферы адекватности главного принципа прагматизма «Истинно то, что полезно») // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 2. С. 40–52.

8. Bull, R., Segerberg, K. Basic Modal Logic // D. Gabbay, F. Guentner (eds.). Handbook of Philosophical Logic, vol. II: Extensions of Classical Logic. Dordrecht, Reidel Publishing Company, 1984. P. 1–88.

9. Kripke, S.A. Semantical Analysis of Modal Logic I. Normal Modal Propositional Calculi // Zeitschrift für mathematische Logik und Grundlagen der Mathematik. 1963. V. 9 N. 5–6. P. 67–96.

10. Kripke, S.A. Semantical Analysis of Modal Logic II: Non-Normal Modal Propositional Calculi // The Theory of Models (Proceedings of the 1963 International Symposium at Berkley). Amsterdam: North-Holland, 1965. P. 206–220.

11. Lobovikov, V.O. An Important Problem of Homogeneity of the Natural Law and Solving it by Means of an Axiomatic System of Philosophical Epistemology //

XXVIII World Congress on the Philosophy of Law and Social Philosophy “Peace Based on Human Rights”, School of Law of the University of Lisbon, July 16 to 21, 2017, Lisbon: University of Lisbon, 2017. P. 653–654.

12. Priest, G. What is a Non-Normal World? // *Logique et Analyse*. 1992. V. 139–140, P. 291–302.

13. Priest, G. *An Introduction to Non-Classical Logic: From If to Is*, 2nd Edition, Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2008. 643 p.

References

1. Vитгенштейн Л. *Логико-философский трактат*. М.: Издатel'stvo inostrannoj literatury, 1958. 133 s.

2. Lobovikov V.O. Aksiomatizaciya filosofskoj e'pistemologii (Konceptual'nyj sintez racionalizma Lejbnica i e'mpirizma Lokka, Yuma, Mura) // *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2016. № 4 (36). С. 69–78. DOI: 10.17223/1998863X/36/7.

3. Lobovikov V.O. Aksiomatizaciya e'pistemologii kak sredstvo e'ksplikacii teorii prava: «Digesty» Yustiniana i problema odnorodnosti estestvennogo prava // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2016. № 3 (24). S. 48–60.

4. Lobovikov V.O. Dokazatel'stvo teoremy o kalokagatii v aksiomaticheskoj sisteme filosofskoj e'pistemologii (Optimizm i predustanovlennaya garmoniya: ot drevnegrecheskoj i rannexristianskoj filosofii k A.E'. Sheftsberi, G.V. Lejbnicu i K. Gyodelyu) // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2016. № 4 (25). S. 256–264.

5. Lobovikov V.O. Aksiomaticheskoe opredelenie sfery adekvatnosti racionalisticheskogo optimizma G. V. Lejbnica, D. Gil'berta i K. Gyodelya // *Sibirskij filosofskij zhurnal*. 2016. T. 14. № 4. S. 69–81.

6. Lobovikov V.O. Utochnenie formulirovki i variant resheniya problemy e'kvivalentnosti deonticheskix, aleticheskix i aksiologicheskix modal'nostej s pomoshh'yu aksiomaticheskoj sistemy filosofskoj e'pistemologii // *E'pistemy: Sbornik nauchnyx statej. Vypusk 11: Ocenki i normy v strukture racional'nogo znaniya*. Ekaterinburg: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatие «Maks-Info», 2016. S. 48–67.

7. Lobovikov V.O. Deduktivnoe dokazatel'stvo e'kvivalentnosti istinnosti i poleznosti apriornogo znaniya v aksiomaticheskoj sisteme e'pistemologii (Tochnoe aksiomaticheskoe opredelenie sfery adekvatnosti glavnogo principa pragmatizma «Istinno to, chto polezno») // *Sibirskij filosofskij zhurnal*. 2017. T. 15. № 2. S. 40–52.

8. Bull, R., Segerberg, K. *Basic Modal Logic* // D. Gabbay, F. Guenther (eds.). *Handbook of Philosophical Logic, vol. II: Extensions of Classical Logic*. Dordrecht, Reidel Publishing Company, 1984. P. 1–88.

9. Kripke, S.A. *Semantical Analysis of Modal Logic I. Normal Modal Propositional Calculi* // *Zeitschrift fur mathematische Logik und Grundlagen der Mathematik*. 1963. V. 9 N. 5–6. P. 67–96.

10. Kripke, S.A. *Semantical Analysis of Modal Logic II: Non-Normal Modal Propositional Calculi* // *The Theory of Models (Proceedings of the 1963 International Symposium at Berkley)*. Amsterdam: North-Holland, 1965. P. 206–220.

11. Lobovikov, V.O. *An Important Problem of Homogeneity of the Natural Law and Solving it by Means of an Axiomatic System of Philosophical Epistemology* //

XXVIII World Congress on the Philosophy of Law and Social Philosophy “Peace Based on Human Rights”, School of Law of the University of Lisbon, July 16 to 21, 2017, Lisbon: University of Lisbon, 2017. P. 653–654.

12. Priest, G. What is a Non-Normal World? // *Logique et Analyse*. 1992. V. 139–140, P. 291–302.

13. Priest, G. *An Introduction to Non-Classical Logic: From If to Is*, 2nd Edition, Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2008. 643 p.

UDC 16

UNITING NORMAL AND NON-NORMAL MODAL LOGICS BY ONE AXIOMATIC SYSTEM OF PHILOSOPHICAL EPISTEMOLOGY

Lobovikov Vladimir Olegovich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Annotation

For the first time in analytic philosophy the universal theory of knowledge is precisely formulated and defined as an axiomatic system Ξ . For formulating it four axiom schemes are used. Exploiting meta-language gave a possibility to make the axiomatic definition (of the system Ξ) more simple and compact (in comparison with the options submitted by the author before). The system Ξ under construction and definition consistently unites in one whole normal and non-normal modal logics; this gives a possibility consistently to synthesize in one conceptual scheme the rationalistic and empiricist paradigms of philosophizing about knowledge in general. Systematical constructing and investigating discrete mathematical models of philosophy of knowledge in general and further perfecting axiomatic systems of universal philosophical epistemology (in particular, studying the system Ξ) is indispensable for constructing adequate metaphysic sub-system of artificial intelligence of autonomous robots.

Key concepts:

normal-modal-logic; non-normal-modal-logic; a-priori-knowledge; a-posteriori-knowledge; universal-philosophical-epistemology; metaphysical-subsystem-of-artificial-intelligence-of-autonomous-robot.

Статьи

УДК 321

**ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС
ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ****Фан Ирина Борисовна,**

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: irina-fan@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению либерального дискурса гражданственности, или политической культуры Модерна. Автор представляет основные моральные принципы и ценностные ориентации и установки, составляющие данный дискурс, а также демонстрирует разные его варианты.

Ключевые понятия:

гражданственность, гражданская политическая культура, добродетель гражданина, гражданский этос, индивидуальное и национальное самосознание, патриотизм, лояльность, доверие, американская национальная идентичность, легитимация власти.

Гражданственность (или гражданская политическая культура, добродетель гражданина, гражданский этос) выступает в качестве духовного источника легитимации власти в системе представительной демократии. Гражданственность включает следующие моральные принципы, ценностные ориентации и установки: 1. доверие гражданина к обществу, готовность к социальной кооперации, сотрудничеству и партнерству, формируемая традициями самоуправления и самоорганизации; 2. доверие граждан к государству, признание разумности законов государства и политико-правового порядка, законопослушность, лояльность; 3. постоянное предпочтение общего блага личному [3. с. 27], патриотизм и чувство справедливости. Эти принципы выступают в качестве оснований демократической политики Модерна.

Западноевропейский этос гражданственности – светская, или «гражданская религия», комплекс индивидуального и национального самосознания, который включает формально-рациональное и чувственно-эмоциональное восприятие гражданской нации и гражданина в качестве суверена, автономного субъекта политики, права, религии и морали. Разновидностью данного этоса является «американское кредо» («вера»). Основу американской национальной идентичности, по мнению С. Хантингтона, составляет англо-протестантская культура, включающая политические и социальные институты и практики, унаследованные от Англии, в том числе, английский язык, а также идеологию и ценности протестантов. Политическая идеология либерализма стала более поздним рациональным оформлением «американской души» – того эмоционального содержания национальной ментальности, которое порождается «кровью и почвой», «совокупностью ритуалов, гимнов, практик, этических заповедей и запретов, литургий и пророчеств» и которое определяется «общей историей, традицией, культурой, общими героями и злодеями, победами и поражениями, воплощенными в памяти», практическим опытом, привычками, обычаями участия в демократических институтах, и которое представляет собой смешение этнических и расовых признаков, общего языка, культуры и религии [5, с. 105, 529].

Ядром гражданственности является рациональное принятие (доверие к) государственной власти, признание ее легитимности, то есть политическая лояльность гражданина, подразумевающая его способность к деятельному участию в политической жизни общества. Гражданский этос немислим без исторического опыта самоорганизации, солидарности и участия граждан в функционировании институтов местного самоуправления и представительства, присущего населению западных стран. Содержательным основанием этой «гражданской религии» выступают ценности индивидуализма, демократии, патриотизма и национального достоинства.

Гражданственность представляет собой внутренний, ментальный план института гражданства, а также культурно-содержательный, идеологический и социально-психологический механизм объединения граждан в политическую общность, их идентификации и мобилизации их деятельности в сходном, отчасти заданном верховной властью направлении. Это многоуровневый способ сплочения людей: его чувственный уровень порождает чувство принадлежности и сопричастности к определенной общности, рациональный – различные формы специализированного, политического, идеологического и теоретического сознания и самосознания нации; можно говорить и о бессознательном «инстинкте» общности. Гражданственность – практически-духовное комплексное качество политической культуры, присущее активной части гражданской нации, которое предполагает взаимосвязь политической ментальности и политического поведения. Это качество включает когнитивные, аффективные, оценочные и поведенческие компоненты.

Этос гражданина является продуктом развития культуры. Но в немалой степени он есть и результат господствующей идеологии. Наличие альтернативных политических сил и идеологий в Новое время порождало многообразие версий и дискурсов гражданственности – либеральной, консервативной, марксистской, социал-демократической и т. д. Содержание той или иной версии этоса обусловлено его историческим «возрастом» и социокультурным контекстом.

Либеральная политическая культура Модерна, или гражданский этос, культивируемый властью, был обращен к нации как общности граждан, идентифицируемой в качестве публики, и к отдельному гражданину – персоне. Первый вектор может быть выражен понятиями «дух нации», «национальная идентичность», «национальное самосознание», «культура гражданской нации», «политическая культура нации» (Г. Алмонд), «культура народа» (Ф. Фукуяма). Ценностные ориентации в составе либеральной политической культуры включают: 1) когнитивные ориентации, то есть знания и веру относительно политической системы, ее ролей и обязанности относительно этих ролей...; 2) «аффективные ориентации», или чувства, относительно политической системы, ее ролей, ее работы и вовлеченных в нее людей; 3) «оценочные ориентации», суждения и мнения о политических объектах, которые обычно представляют из себя комбинацию ценностных стандартов и критериев, информации и чувств [1, с. 561]. В этом же ключе данное понятие рассматривают и другие [2]. Второй вектор выражается понятиями «гражданская идентичность», «ментальность гражданина», «политическая культура гражданина», «гражданская культура» [1; 4]. Оба ряда понятий служат целям легитимации власти. Национальное самосознание – это чувство общности, идентичности гражданина и нации. Этос составляют исторический опыт самоорганизации и солидарности, обыденные стереотипы восприятия, оценок, мнений, типичные практики и схемы политического действия, или «габитусы» (П. Бурдьё) морального, правового и политического действия; степень повседневной цивилизованности.

1. Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций [Текст] / Г. Алмонд // Политология: хрестоматия / сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. – М., 2000. – С. 559–567.
2. Кейзеров Н.М. О соотношении гражданской и политической культуры // Социально-полит. журнал. 1991. № 7. С. 121–128.
3. Монтескье Ш. О духе законов [Текст] / Ш. Монтескье; сост., пер. А.В. Матешук. – М.: Мысль, 1999. – 672 с. С. 27.
4. Росалес Х.М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом // ПОЛИС. 1995. № 6. С. 93–104.
5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности [Текст] / С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издво АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.

References

1. Almond G. Grazhdanskaya kul'tura. Politicheskie ustanovki i demokratii pyati nacij [Tekst] / G. Almond // Politologiya: xrestomatiya / sost. M.A. Vasilik, M.S. Vershinin. – M., 2000. – S. 559–567.
2. Kejzerov N.M. O sootnoshenii grazhdanskoj i politicheskoi kul'tur // Social'no-polit. zhurnal. 1991. № 7. S. 121–128.
3. Montesk'e Sh. O duxe zakonov [Tekst] / Sh. Montesk'e; sost., per. A.V. Mateshuk. – M.: Mysl', 1999. – 672 s. S. 27.
4. Rosales X.M. Vospitanie grazhdanskoj identichnosti: ob otnosheniyax mezhdru nacionalizmom i patriotizmom // POLIS. 1995. № 6. S. 93–104.

5. Xangtington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti [Tekst] / S. Xangtington; per. s angl. A. Bashkirova. – M.: OOO «Izd-vo AST»; OOO «Tranzitkniga», 2004. – 635 s.

UDC 321

THE LIBERAL DISCOURSE OF CITIZENSHIP

Fan Irina Borisovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher at the Department of Philosophy,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: irina-fan@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the liberal discourse of citizenship, or political culture of modernity. The author presents the basic moral principles and value orientations and attitudes that make up the discourse, and also demonstrates its different variants.

Key concepts:

citizenship, civic political culture, the virtue of the citizen, civic ethos, individual and national consciousness, patriotism, loyalty, trust, American national identity, the legitimation of power.

УДК 81.1

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГИМНА РОССИИ: ВЫЯВЛЕНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ СИЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Якоба Ирина Александровна,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры английского языка,
доцент кафедры иностранного языка
для технических специальностей № 1,
Иркутск, Россия,
E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Аннотация:

Рассмотрены особенности дискурсивных сил и лингвокогнитивных механизмов, применяемых в гимне России для взаимодействия адресанта с адресатом. Дискурс-анализ гимна способствует пониманию, посредством каких дискурсивных операций взаимодействие адресанта дискурса, самого дискурса и его адресата становится эффективным, как гимн становится аттрактивным для адресата. Выявлено, что аттрактивность дискурса гимна России основана на актуализации механизмов позиционирования: единение и имажинеринга, которые основаны на умной силе. Они способствуют привлечению внимания к смысловому содержанию гимна, усиливают пенетрационную способность его смысловой модели, увеличивают степень взаимодействия с адресатом, вызывают положительную эмоциональную реакцию.

Ключевые понятия:

гимн России, деконструкция, лингвокогнитивные механизмы.

Деконструкция дискурсов в различных семиотических кодах представляет интерес для лингвистов и других специалистов, занимающихся дискурс-анализом в риторико-прагматическом и когнитивном направлениях с точки зрения обнаружения имплицитных смыслов, средств украшения речи, языковых способов привлечения внимания, средств убеждения и оказания дискурсивного, эмоционального, суггестивного воздействия на адресата. Данная статья является попыткой понять, каким образом происходит взаимодействие адресанта дискурса, самого дискурса и его адресата на примере гимна России [1].

В основу нашего анализа легла теория деконструкции Ж. Деррида. Под термином «деконструкция» понимается «механический разбор на составные части и анализ их происхождения с целью понять, как работает целое. В случае текста – выявление противоречий между логикой и риторикой, между смыслом, содержащимся в тексте, и тем, что его (текст) вынуждает означать язык-посредник. Это своеобразная игра текста против смысла и выяснение степени самостоятельности языка по отношению к смысловому наполнению» [5, с. 512]. В «Письме японскому другу» Деррида предупреждает, что было бы неверным искать какое-либо ясное и недвусмысленное значение, адекватное слову «деконструкция». Если термин «деструкция» ассоциируется с разрушением, то грамматическое, лингвистическое, риторическое значение деконструкции связаны с «машинностью» – сборкой-разборкой машины как целого для транспортировки в другое место [4, с. 53–57].

Гимн выбран в качестве репрезентативного примера в связи с его большой значимостью для целой нации как торжественной и прославляющей страну песни. Каждый гимн несет особый смысл – интенцию, направленную на потенциального адресата и, в тоже время, отражает индивидуальную интенциональность автора-создателя, основанную на личных приоритетах и гражданской позиции. Такой дискурсивный продукт, как гимн способен не просто беспрепятственно проникать в сознание адресата, но и оказывать часто неосознаваемое, суггестивное воздействие, и даже закладывать социальную матрицу поведения, так как состоит из команд и призывов. Он отражает менталитет целой нации, позволяет понять заложенный фрейминг, выявить ключевые концепты и опорные идеи на уровне государства. Имея малый объем, гимн обладает емким концентрированным содержанием ключевых идей, которые лаконично, но ярко увлекают адресата в фреймирование текущей ситуации и моделирование будущего.

Целью данной статьи является выявление особенностей и интенций российского гимна посредством дискурс-анализа, который позволяет произвести деконструкцию дискурса гимна и смоделировать возможную траекторию от его интенциональности до дестинаторного результата. В основу анализа положена дискурсивная технология «Умная настройка», разрабатываемая автором [8].

Музыка современного гимна России была заимствована из гимна Советского Союза (1944–1990), мелодию к которому написал А. Александров (1939). Музыку для гимна Советского Союза и слова на основе песни «Гимн партии большевиков» выбирал и утверждал И. В. Сталин [2]. Текст гимна России был утверждён указом президента В. В. Путина на стихи С. В. Михалкова (2000). Путин отметил, что таким образом был сделан необходимый шаг для исцеления прошлого страны, объединения краткосрочного советского периода с долгой историей всей России. По его словам, отказ от использования символов советского прошлого означал бы, что целое поколение граждан прожило бесполезную, бессмысленную и напрасную жизнь [3]. На официальном уровне утверждалось, что торжественность музыки и поэтичность слов гимна, несмотря на свою историю, являются символом единства российского народа; слова текста гимна вызывают «чувства патриотизма, уважения к истории страны, её государственному строю» [2].

Следует отметить, что в современном гимне России отсутствует любое упоминание зла, смерти, неправды, борьбы, врагов, тьмы, нет грамматических

форм отрицания или сравнения, что не типично для государственных гимнов. Даже в лаконичном дореволюционном гимне «Боже, Царя храни!» упоминался «страх врагам». А в гимне России нет зла, оно отсутствует как таковое. Данный гимн вызывает положительные эмоции, отражает силу, уверенность, спокойствие и веру в хорошее, светлое, счастливое будущее, гордость за свои достижения, в отличие, например от «Интернационала», в переводе А. Я. Коца, который являлся гимном РСФСР (1918–1922), а затем гимном СССР (1922–1944). Представим деконструкцию гимна России в таблице, где слева расположен текст гимна, а справа – интерпретация деконструированных фрагментов (таблица 1).

Таблица 1 – Дискурс-анализ гимна России

Текст гимна	Интерпретация деконструированных фрагментов
<p>1. Россия – священная наша держава, Россия – любимая наша страна. Могучая воля, великая слава – Твоё достоянье на все времена!</p> <p>Славься, Отечество наше свободное, Братских народов союз вековой, Предками данная мудрость народная! Славься, страна! Мы гордимся тобой!</p>	<p>1. Две первые строки гимна являются двойной лексической анафорой, цель которой – определить значимое слово-аттрактор – Россия, акцентировать внимание на святости и могуществе; привить любовь и гордость к родине. Россия – священная, <...> Россия – любимая... – стилистическая фигура строфическая градация: антиклимакс; ...наша держава – наша страна – градация: климакс; могучая воля, великая слава – градация. Разные виды градаций используются для создания необходимого смыслового давления, что позволяет усилить положительную напряженность начальной строфы, а отсутствие глаголов-связок в настоящем времени в русском языке подразумевает незыблемость заявленных истин, что не требует подтверждения и принимается на веру. Твое достоянье на все времена! представляет речевой акт моделирования возможного будущего посредством гиперболического преувеличения.</p> <p><i>Славься</i> – директив, представленный глаголом в повелительном наклонении. В то же время этот возвратный глагол с постфиксом -ся выражает действие направленное на само подлежащее, т. е. это так называемое рефлексивное употребление, но это не канонический рефлексив, т. к. отечество не само себя славит, скорее слава о нашей стране разносится сама; этот глагол повторяется дважды в форме композиционного приема параллелизма и лексического повтора.</p> <p><i>Отечество</i> – использование заглавного написания этого слова отражает уважительное, почтительное отношение к объекту и его возвеличивание, паттернизацию.</p> <p><i>Братских народов</i> – троп метонимия переносит ассоциации семейного родства на соседние народы, объединившиеся в единое государство.</p> <p><i>Союз вековой</i> – осветляющая метафора, гипербола как образное преувеличение создает</p>

Текст гимна	Интерпретация деконструированных фрагментов
	<p>иллюзию постоянства и надежности, задействует механизм масштабного фокусирования. <i>Предками данная мудрость народная</i> – символизация и ссылка на авторитетность способствуют закреплению в сознании идеи о мудрости, передаваемой через поколения и, как следствие, незыблемости пресуппозитивно введенной информации. <i>Славься, Отечество <...> славься, страна!</i> – лексическая строфическая анафора с приемом стилистической фигуры градация – антиклимакс способствует более легкому запоминанию, мягко оказывает воздействие на адресата, вовлекая в процесс наслаждения славой. <i>Мы гордимся тобой!</i> здесь, как и в первой строфе применяется механизм позиционирования: единение.</p>
<p>2. От южных морей до полярного края Раскинулись наши леса и поля. Одна ты на свете! Одна ты такая – Хранимая Богом родная земля!</p>	<p>2. <i>От южных морей до полярного края раскинулись наши леса и поля</i> – механизм имажинеринга актуализируется посредством масштабной визуализации, имеет социально-оценочную функцию, создает эмоциональную нагруженность текста, являясь поводом для гордости. <i>Раскинулись</i> – возвратный глагол со значением habituального пассива указывает на природную самоорганизацию, неподвластную влиянию извне, что повышает значимость природного фактора для создания образа могущественности страны. <i>Одна ты на свете! Одна ты такая</i> – лексическая анафора «одна ты» с применением тропа стертой анафоры для создания эффекта уникальности и неповторимости страны; здесь наблюдается имплицативно заложенная мысль, что раз страна одна такая на свете, значит, она единственная и ее нужно сохранять и беречь. <i>Хранимая Богом родная земля</i> – профетическое утверждение, используется для прогнозирования и моделирования ситуации безопасности и защиты. <i>Родная земля</i> – метафора, посредством которой возникающая ассоциация со словом родина, проявляет интенцию демонстрации врожденной связи между страной и адресатом.</p>
<p>3. Широкий простор для мечты и для жизни Грядущие нам открывают года. Нам силу даёт наша верность Отчизне. <i>Так было, так есть и так будет всегда!</i></p>	<p>3. <i>Широкий простор для мечты и для жизни</i> – актуализация механизма имажинеринга происходит за счет масштабной визуализации, что способствует повышению значимости адресата посредством появления ощущения принадлежности к огромному целому. <i>Грядущие нам открывают года</i> – речевой акт моделирования потенциального, привлекательного</p>

Текст гимна	Интерпретация деконструированных фрагментов
	будущего, использование глагола <i>открывают</i> в настоящем времени в инвертированной псевдо-пассивной конструкции модализирует действие как истинно-реальное, происходящее само, неотвратно и неизбежно в процессе аутопозиции. <i>Нам силу дает наша верность отчизне</i> – механизм позиционирования: единение актуализируется посредством персональной дейктической единицы <i>нам</i> . Лексема <i>сила</i> приобретает аттрактивность на фоне пресуппозитивно внедренного выражения <i>наша верность отчизне</i> . <i>Так было, так есть, и так будет всегда</i> – стилистическая фигура градации: климакс модализирует ситуацию как реальную и неизбежно воспроизводимую как в прошлом, так и в настоящем и будущем посредством временного модального оператора <i>всегда</i> .

Дискурс-анализ гимна России показывает, что основным лингвокогнитивным механизмом взаимодействия является позиционирование: единение, которое актуализируется в высказываниях: «*Россия наша*», «*Мы гордимся тобой*», «*отечество наше*», «*родная земля*», «*Нам силу дает наша верность отчизне*».

Согласимся с М. Чернушенко, что «в гимне нет пустых слов или слов не на своем месте, как поэтическое творение он заслуживает и анализа, и любования. Гимн состоит из трех главных строф, по четыре строки в каждой. Трижды повторяющийся припев удваивает эти числа, что не чуждо библейскому нумерологическому символизму» [7]. Гимн являет собой одновременно и обращение к России, и ее описание. Эвфемические замены названия России (*держава, страна, отечество, отчизна, родная земля*) патриотически модализируют гимн, что указывает на интенциональный посыл – названия могут меняться, а родина останется навсегда. Припев имеет ключевое значение, т. к. он не только повторяется чаще основных строф, но и несет главную интенцию всего гимна, означает обращение к благодатной энергии славы: *Славься, Отечество* <...> *Славься, страна!* эти строки несут значение того, что Россия – это *священная держава*, которая прославляется богом, а слава Божия и Божия благодать – это синонимы в православном богословии. Поэтому *достояние на все времена* для России – это союз человеческой воли и божественной благодати, согласование воли человеческой с волей божественной, а значит – ведет к спасению [7].

Широта национальной аудитории как адресата предъявляет особые требования к лексическому, грамматическому и стилистическому оформлению гимна [6, с. 148]. Лексически российский государственный гимн состоит из простых распространенных слов, имеющих бытовое употребление. Данный гимн грамматически оформлен просто, не отягощен причастными, деепричастными или другими сложными грамматическими конструкциями, что облегчает понимание для адресата любого уровня языковой подготовки.

Таким образом, с одной стороны, деконструкция вербального кода гимна России позволяет понять интенции адресанта, отражающие его патриотическую

позицию и нацеленность на позитив. С другой стороны, адресат, воспринимая, осмысливая и интерпретируя данный гимн, может повысить свой уровень патриотизма, почувствовать гордость за могущество страны. Такая модель траектории смысла вербального кода дискурса от его интенциональности до дестинаторности дает основание считать, что гимн России является репрезентативным примером достижения эффекта дестинаторности в дискурсе.

1. Гимн РФ. Официальный сайт России [Электронный ресурс]. URL: <http://flag.kremlin.ru/gimn/> (дата обращения: 10.03.2016).

2. Гимн России [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B8%D0%BC%D0%BD_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 11.05.2016).

3. Государственный Гимн Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=005280> (дата обращения: 15.05.2016).

4. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

5. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.

6. Стернин И.А. Речевое воздействие на молодежную аудиторию // В сборнике: Риторика в контексте образования и культуры материалы XIX Международной научной конференции, посвящается 100-летию РГУ имени С.А. Есенина / ответственный редактор И.Ю. Неведова. Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. 2015. С. 148–152.

7. Чернушенко М. Анализ Гимна РФ. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://radonezh.ru/analytics/gimn-rossii-46773.html> (дата обращения: 10.03.2016).

8. Якоба И.А. Власть дискурса: моделирование дискурсивного взаимодействия. Монография. – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2016. – 242 с.

References

1. Gimn RF. Oficial'nyj sajt Rossii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://flag.kremlin.ru/gimn/> (data obrashheniya: 10.03.2016).

2. Gimn Rossii [E'lektronnyj resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B8%D0%BC%D0%BD_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (data obrashheniya: 11.05.2016).

3. Gosudarstvennyj Gimn Rossijskoj Federacii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=005280> (data obrashheniya: 15.05.2016).

4. Derrida Zh. O grammatologii / Per. s fr. i vst. st. N. Avtonomovoj. M.: Ad Marginem, 2000. 512 s.

5. Derrida Zh. Pis'mo yaponskomu drugu // Voprosy filosofii. 1992. № 4. S. 53–57.

6. Sternin I. A. Rechevoe vozdejstvienu molodezhnuyu auditoriyu // V sbornike: Ritorika v kontekste obrazovaniya i kul'tury materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhaetsya 100-letiyu RGU imeni S. A. Esenina / otvetstvennyj redaktor I. Yu. Nefedova. Ryazanskij gosudarstvennyj universitet imeni S. A. Esenina. 2015. S. 148–152.

7. Chernushenko M. Analiz Gimna RF. 2010 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://radonezh.ru/analytics/gimn-rossii-46773.html> (data obrashheniya: 10.03.2016).

8. Yakoba I. A. Vlast' diskursa: modelirovanie diskursivnogo vzaimodejstviya. Monografiya. – Irkutsk: Izd-vo IRNITU, 2016. – 242 s.

UDC 81.1

DECONSTRUCTION OF RUSSIA ANTHEM: IDENTIFICATION OF DISCOURSIVE FORCES OF INTERACTION

Yakoba Irina Alexandrovna,

Irkutsk National Research Technical University,
Candidate of social sciences,
Associate Professor of foreign languages,
department № 1 for technical specialties,
Faculty of applied linguistics,
Irkutsk, Russia,
E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Annotation

The article describes the features of discourse powers and lingua-cognitive mechanisms used in the Russian anthem for interaction between the addresser with the addressee. Discourse analysis of the anthem promotes understanding through which discourse operations of interaction between addresser of discourse, the discourse itself and its destination become effective, the way the national anthem becomes attractive to the addressee. It is revealed that the attractiveness of the Russian anthem is based on actualization of mechanisms of positioning: unity and imaginering, which are based on smart power. They help to draw attention to the semantic content of the anthem, increase penetration ability of its semantic model, enhance degree of interaction with the addressee, cause a positive emotional response.

Key concepts:

Anthem of Russia, deconstruction, lingua-cognitive mechanisms.

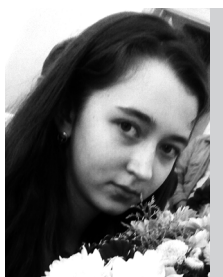
УДК 81.1

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГИМНА США: ВЫЯВЛЕНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ СИЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Якоба Ирина Александровна,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры английского языка,
доцент кафедры иностранного языка
для технических специальностей № 1,
Иркутск, Россия,
E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Потемкина Юлия Сергеевна,

Лицей Иркутского государственного университета,
Иркутск, Россия,
E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены особенности дискурсивных сил, применяемых в государственном гимне США для взаимодействия адресанта с адресатом. Проведенный дискурс-анализ данного гимна способствует пониманию, посредством каких дискурсивных операций взаимодействие адресанта дискурса, самого дискурса и его адресата становится эффективным, как гимн становится аттрактивным для адресата. Выявлено, что аттрактивность дискурса гимна США основана на актуализации механизмов позиционирования: единение и оппозиции; имажинеринга: драматизация. Они способствуют привлечению внимания к смысловому содержанию гимна, усиливают пенетрационную способность его смысловой модели, увеличивают степень взаимодействия с адресатом, интенсифицируют эмоциональную реакцию, очерчивают оппозицию «свой – чужие».

Ключевые понятия:

деконструкция, лингвокогнитивный дискурс-анализ, гимн США, «Знамя, усыпанное звездами».

Данная статья относится к лингвокогнитивным исследованиям, производящих с позиций дискурс-анализа смысловую деконструкцию национально значимых текстов государственных гимнов, представленных в разных семиотических кодах, в которых акцент делается на том, каким образом происходит взаимодействие адресанта дискурса, смысловой траектории дискурса и его адресата [1; 4; 5].

Предтекстовый анализ показал, что рассматриваемый текст гимна США [2] был принят в качестве официального в 1931 году, хотя до этого было несколько попыток признать данный текст песни государственным гимном. Гимн США получил название «The Star-Spangled Banner» (знамя, усыпанное звёздами) [8]. Текст был взят из поэмы «Оборона Форта Макгенри», написанной в 1814 году Фрэнсисом Скоттом Ки, 35-летним адвокатом и поэтом-любителем. Он написал этот текст после того, как стал свидетелем обстрела крепости Макгенри в Балтиморе британскими кораблями в период англо-американской войны 1812–1815 годов. Текст положен на музыку композитора Джона Стаффорда Смита, британского историка музыки, композитора, органиста и певца. Песня имеет 4 куплета по 8 строк каждый, но сегодня только первый из них широко известен. До этого официально закреплённого законом гимна США не было, и в качестве гимна использовались песни «Hail Columbia» или «My Country, 'Tis of Thee», «America the Beautiful». Наряду с этим известно, что афроамериканским сообществом в качестве неофициального гимна используется песня «Lift Ev'ry Voice and Sing» (1899–1900). Афроамериканский гимн намного миролюбивее и позитивнее официального государственного гимна. Он прославляет гармонию свободы, веры и надежды, полон благодарности богу.

Лингвокогнитивный дискурс-анализ гимна США показал, что его текст насыщен агрессивными, воинственными выражениями (*the perilous fight; the terror of flight; the gloom of the grave*), угрозами (*no refuge could save the hireling and slave*), вызывает смешанные эмоции горечи от людских потерь в войне (*the havoc of war*) и радости от победы (*and the Star-Spangled Banner in triumph shall wave*). Визуализация дискурсивной траектории гимна происходит посредством активизации механизма имажинеринга (драматизация и гиперболизация), задействующего образное мышление, например: *the Heaven-rescued land; the rocket's red glare*; Четырежды повторяющаяся кольцевая строка *O'er the land of the free, and the home of the brave* переносит акценты значимости с людей на неодушевленные физические объекты (земля, дом как очаг).

Рассмотрим далее подробно наиболее значимые, на наш взгляд, дискурсивно-когнитивные и стилистически-риторические компоненты, представив их в таблице, где слева расположен текст гимна, а справа – интерпретация деконструированных фрагментов (таблица 1).

Таблица 1 – Деконструкция национального гимна США

Текст гимна на английском языке	Интерпретация деконструируемых фрагментов
<p>1. <i>O say, can you see, by the dawn's early light,</i> <i>What so proudly we hailed at the twilight's last gleaming?</i> <i>Whose broad stripes and bright stars, through the perilous fight,</i> <i>O'er the ramparts we watched, were so gallantly streaming?</i> <i>And the rocket's red glare, the bombs bursting in air,</i> <i>Gave proof through the night that our flag was still there.</i> <i>O say does that star spangled banner yet wave</i> <i>O'er the land of the free, and the home of the brave?</i></p>	<p>1. Использование модального оператора с глаголом восприятия <i>can see</i> способствует визуализации, активизирует механизм имажинеринга посредством модализации возможности. Персональный дейктик <i>you</i> в первой строке гимна указывает на приглашение к диалогу, начало коммуникативного процесса, что выявляет действие механизма позиционирования. Конструкция визуального отступления, разделяющая сказуемое и дополнение, отделенная запятыми, <i>by the dawn's early light</i> переносит внимание на окружающую обстановку, наблюдение за ситуацией, но в тоже время отвлекает от главной идеи, отвлекая внимание на второстепенные детали. Риторические вопросы, из которых состоит первый куплет, направлены на активизацию образного мышления, вовлекая адресата в процесс описания места битвы и флага, который должен вызывать чувство гордости (<i>proudly we hailed</i>) и поклонения (<i>so gallantly streaming</i>). Тройная цепочка вопросительных предложений с дейктиком <i>we</i> дважды актуализирует механизм позиционирования: единение. Строка <i>O say does that star spangled banner yet wave</i> призывает к взаимодействию в форме положительного ответа на вопрос, что является приемом привлечения на свою сторону. Основная идея концентрируется вокруг флага, развевающегося над крепостью, который символизирует свободу и смелость американского народа.</p>
<p>2. <i>On the shore dimly seen through the mists of the deep.</i> <i>Where the foe's haughty host in dread silence reposes,</i> <i>What is that which the breeze, o'er the towering steep,</i> <i>As it fitfully blows, half conceals, half discloses?</i> <i>Now it catches the gleam of the morning's first beam,</i> <i>In full glory reflected now shines in the stream:</i> <i>'Tis the Star-Spangled Banner! O long may it wave</i> <i>O'er the land of the free and the home of the brave.</i></p>	<p>2. Постоянная визуализация процесса военных действий актуализируется посредством механизма имажинеринга: <i>On the shore dimly seen through the mists of the deep</i>. Упоминание врага <i>the foe's haughty host in dread silence reposes</i> во втором куплете указывает на его значимость в развитии патриотических чувств. Далее следует вопрос, снова касающийся присутствия флага: <i>What is that which the breeze, o'er the towering steep, As it fitfully blows, half conceals, half discloses?</i> Само название флага отсутствует, но подразумевается его образ, находящийся в движении, что описывается глаголами <i>stream, gleam, catch, wave, blow, breeze, shine</i>. Двойственность состояния, присущая флагу (<i>half conceal, half disclose</i>), имплицативно намекает на его выживание в любых условиях. Восклицание <i>'Tis the Star-Spangled Banner!</i> напрямую указывает, что флаг – объект внимания</p>

Текст гимна на английском языке	Интерпретация деконструируемых фрагментов
	и гордости. Модализация патриотической позиции возникает посредством использования предложения в сослагательном наклонении: <i>O long may it wave</i> , что подразумевает пожелание долгой жизни американскому государству, которое символизируется флагом.
<p>3. <i>And where is that band who so vauntingly swore That the havoc of war and the battle's confusion A home and a country should leave us no more? Their blood has washed out their foul footsteps' pollution. No refuge could save the hireling and slave¹ From the terror of flight, or the gloom of the grave: And the Star-Spangled Banner, in triumph doth wave...</i></p>	<p>3. Повторное упоминание врагов (<i>where is that band</i>) и страх остаться без дома (<i>a home and a country should leave us no more</i>), ужасы войны (<i>the havoc of war and the battle's confusion</i>) актуализируют механизм имажинеринга: драматизация, посредством которой интенсифицируются негативные эмоции и создается отрицательное впечатление о противниках. Жестокость следующих предложений однозначно указывает, что станет с врагами: <i>Their blood has washed out their foul footsteps' pollution. No refuge could save the hireling and slave From the terror of flight, or the gloom of the grave.</i></p> <p>Звездно-полосатый флаг в третий раз упоминается в контексте триумфальной победы с глаголом движения <i>wave</i>, усиленным частицей <i>doth</i> (архаичн., происходит от глагола <i>do</i>), что показывает динамику ситуации битвы как победы над врагом.</p>
<p>4. <i>O thus be it ever when freemen shall stand Between their loved homes and the war's desolation! Blest with vict'ry and peace, may the Heaven-rescued land Praise the Power that hath made and preserved us a nation. Then conquer we must when our cause it is just And this be our motto: "In God is our Trust".</i></p>	<p>4. Четвертый куплет начинается с модализирующего ситуацию фрейминга, выражающегося сослагательным наклонением первого типа (<i>O thus be it ever</i>), направленным на моделирование будущего (<i>when freemen shall stand between their loved homes and the war's desolation!</i>). Здесь оппозиция метафор <i>loved homes, war's desolation</i> усиливает впечатление и визуализирует разницу между миром и войной. Пресуппозитивно введенные высказывания (<i>Blest with vict'ry and peace, Heaven-rescued land</i>), позволяют моделировать дискурсивную траекторию и модализировать ее в нужном направлении. Указание на сверхъестественную силу, которую надо восхвалять (<i>praise the Power</i>), имплицитивно отсылает к божественной силе. А девиз, предложенный автором <i>In God is our</i></p>

¹ Согласно историку Робину Блэкбёрну, слова *the hireling and slave* (рус. наемники и рабы) намекают на факт, что среди британских солдат было много бывших рабов из США, которым была обещана свобода при условии, что они будут принимать участие в военных действиях в первых рядах против американской армии, где они могут встретить их прежних хозяев и отомстить им [6, pp. 288–290].

Текст гимна на английском языке	Интерпретация деконструируемых фрагментов
	<i>Trust</i> ² (рус. на бога уповаем), следующий через строку, указывает на причастность Америки к божественной силе.

Тема флага, являющаяся главной в государственном гимне США, для американской нации имеет особый смысл и свою историю (рисунок 1) [3]. Впервые в качестве национального флага был использован «Континентальный флаг» в 1775 году, а последнее изменение (количество звезд, полос, размер) в него было внесено в 1960 году.

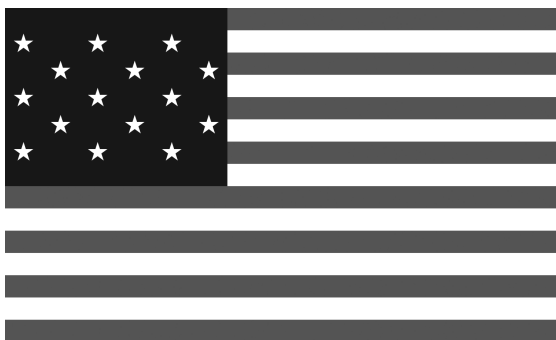

Рисунок 1 – Флаг «Знамя, усыпанное звездами»

Интенциональность дискурсивной траектории гимна деконструируется нами следующим образом: есть земля, благословенная богом, есть исключительный народ, который занимает эту землю и будет бороться за «место под солнцем». Гимн США жестко моделирует дискурсивную траекторию адресата: он интенционально направлен на достижение целей любой ценой, включая применение жесткой силы.

Смысл траектории гимна идеологически модализируется как «праведная борьба за выживание американского народа» посредством механизма позиционирования: оппозиция «мы – правы, они – не правы», «мы – справедливы, они – не справедливы», следовательно, «мы боремся за правое дело, защищаем себя и свою землю по справедливости» (*our cause it is just*). Пресуппозитивно предполагается, что в США все граждане – свободные и смелые люди, что четырежды повторяется в конце каждого восьмистишия (*O'er the land of the free and the home of the brave!*), при этом чернокожие рабы, видимо, за людей не считаются, так как рабство в США процветало не один век. Само название гимна «*The Star-Spangled Banner*» повторяется в каждом куплете, что подчеркивает символическую значимость флага для американской нации.

² Данный девиз получил статус национального девиза США в 2011 году с целью поднять его значимость, с 1864 года использовался Сэмоном Портлендом при чеканке монет номиналом 2 цента, сейчас есть на 20-долларовых банкнотах США [7].

Модализация смысла траектории гимна происходит за счет многочисленных грамматических конструкций сослагательного наклонения (*O long may it wave...; O thus be it ever when freemen shall stand...; this be our motto...*), модальных конструкций (*can you see...; may the Heaven-rescued land Praise...; conquer we must...*), персональной дейктивности, переводящей внимание с *вы* на *мы* (в первой строке гимна появляется местоимение второго лица *you*, которое трансформируется и закрепляется в местоимения первого лица *we, our, us*; это повторяется 9 раз).

1. Бреева Т.Н. Деконструкция утопического дискурса в цикле произведений братьев Стругацких «Мир Полудня» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 226–235.

2. Гимн США [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B8%D0%BC%D0%BD_%D0%A1%D0%A8%D0%90 (дата обращения: 10.05.2016).

3. История флага США [Электронный ресурс]. URL: http://prousa.info/us_flag_history (дата обращения: 10.07.2016).

4. Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф. Язык – культурный код нации и ключ к культуре всего человечества // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 49–53.

5. Якоба И.А. Власть дискурса: моделирование дискурсивного взаимодействия. Монография. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2016. 242 с.

6. Blackburn R. The Overthrow of Colonial Slavery, 1776–1848. London: Verso, 1988. pp. 288–290 [Электронный ресурс]. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=acls;idno=heb03158.0001.001> (дата обращения: 10.07.2016).

7. In God We Trust [Электронный ресурс]. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/In_God_We_Trust (дата обращения: 10.07.2016).

8. The Star-Spangled Banner [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Star-Spangled_Banner (дата обращения: 10.05.2016).

References

1. Breeva T.N. Dekonstrukciya utopicheskogo diskursa v cikle proizvedenij brat'ev Strugackix «Mir Poludnya» // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2015. № 1 (136). S. 226–235.

2. Gimn SShA [E'lektronnyj resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B8%D0%BC%D0%BD_%D0%A1%D0%A8%D0%90 (data obrashheniya: 10.05.2016).

3. Istoriya flaga SShA [E'lektronnyj resurs]. URL: http://prousa.info/us_flag_history (data obrashheniya: 10.07.2016).

4. Zamaletdinov R.R., Zamaletdinova G.F. Yazyk – kul'turnyj kod nacji i klyuch k kul'ture vsego chelovechestva // Filologiya i kul'tura. 2012. № 2 (28). S. 49–53.

5. Yakoba I. A. Vlast' diskursa: modelirovanie diskursivnogo vzaimodejstviya. Monografiya. Irkutsk: Izd-vo IRNITU, 2016. 242 s.

6. Blackburn R. The Overthrow of Colonial Slavery, 1776–1848. London: Verso, 1988. pp. 288–290 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/>

text/text-idx?c=acls; idno=heb03158.0001.001 (data obrashheniya: 10.07.2016).

7. In God We Trust [E'lektronnyj resurs]. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/In_God_We_Trust (data obrashheniya: 10.07.2016).

8. The Star-Spangled Banner [E'lektronnyj resurs] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Star-Spangled_Banner (data obrashheniya: 10.05.2016).

UDC 81.1

DECONSTRUCTION OF THE USA ANTHEM: IDENTIFICATION OF DISCOURSIVE FORCES OF INTERACTION

Yakoba Irina Alexandrovna,

Irkutsk National Research Technical University,
Candidate of social sciences,
Associate Professor of foreign languages,
department № 1 for technical specialties,
Faculty of applied linguistics,
Irkutsk, Russia,
E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Potemkina Yulia Sergeevna

Irkutsk State University Lyceum,
Irkutsk, Russia,
E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Annotation

The features of discourse powers used in the American national anthem for interaction between the addresser and the addressee are described. Carried out discourse analysis of the anthem promotes understanding what discourse operations, rhetoric and stylistic techniques make interaction between addresser of the discourse, the discourse itself and its destination effective, the way the national anthem becomes attractive to the addresser. It was revealed that the attractiveness of the US national anthem discourse is based on actualization mechanisms of positioning: unity and opposition, imagining: dramatization. They help to draw attention to the semantic content of the anthem, enhance penetration ability of its semantic model, increase the degree of interaction with the addressee, intensify the emotional reaction, outline the opposition: friends – enemies.

Key concepts:

deconstruction, lingua-cognitive discourse-analysis, Anthem of the USA, The Star-Spangled Banner.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

- 1) Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте. Формат файла – документ Microsoft Word 97–2010 (DOC или DOCX) или RTF.
- 2) Первая (титulyная) страница должна содержать (на русском и английском языках):
  - название статьи;
  - фамилию, имя, отчество (полностью) каждого автора с указанием организации, должности, ученой степени и звания, города (места расположения) организации;
  - контактный e-mail для публикации в свободном доступе для общения читателей с авторами;
  - аннотацию (до 900 печатных знаков);
  - ключевые понятия.
- 3) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК (указывается в левом верхнем углу над названием статьи).
- 4) Статья должна быть написана грамотным русским языком.
- 5) Объем статьи не должен превышать 20 000 знаков без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисночные подписи, сноски). Межстрочный интервал – одинарный. Размер страниц – 210×297 мм (формат А4). Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
- 6) Название статьи выравнивается по центру страницы и оформляется полужирным шрифтом; только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные.
- 7) Текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов. Шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль (в том числе для названия). Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции). Выравнивание текста – по ширине.
- 8) В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
- 9) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) должны быть предоставлены отдельно от статьи. Каждая иллюстрация должна иметь порядковый номер. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисночными подписями предоставляется в отдельном файле. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPEG. Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей из сторон.
- 10) Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.
- 11) Библиография должна быть приведена в конце статьи и оформлена в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Для нормативных актов указывается начальная и последняя редакция. Библиографические записи должны иметь сквозную нумерацию и следовать в алфавитном порядке. В тексте статьи ссылки на библиографические записи оформляются в квадратных скобках (например, [7], [10, с. 81], [8; 9]). За точность библиографии несет ответственность автор.
- 12) Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются. Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии. Рукописи не возвращаются.
- 13) Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
- 14) Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Requirements to the Articles Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

- 1) The article should be sent to the editorial office by e-mail. The file format is a Microsoft Word 97-2010 document (DOC or DOCX) or RTF.
- 2) The first (title) page should contain (in Russian and in English):
  - the article title;
  - surname, name, patronymic (in full) of each author, place of work, position, academic degree and title, city (location) of organization;
  - e-mail for publication in free access for communication between readers and authors;
  - abstract (up to 900 characters);
  - key concepts.
- 3) The article should be classified - have UDC (Universal Decimal Classification) placed in the upper left corner above the title of the article.
- 4) The article should be written in the Russian language.
- 5) The volume of the article should not exceed 20,000 characters without spaces (including tables, bibliography, captions, footnotes). Line spacing is single. The size of the pages is 210 × 297 mm (A4 format). The margins of the pages from all sides are 20 mm.
- 6) The title of the article is aligned to the center of the page and is bolded; Only the first letter in the title of the article is uppercase, the rest are lowercase.
- 7) The text of the article is written in lower case letters, without adding word wraps. Font - Times New Roman Cyr, 14 size (including for the title). Paragraph indentation - 1.25 cm (must be performed by means of the corresponding computer program, without using spaces or tabs). Align text - Width.
- 8) In the text, font selections should be made in light italics. Headings and subtitles should be in bold.
- 9) Illustrative materials (drawings, figures, graphs, charts, diagrams) should be provided separately from the article. Each illustration should be numbered. An electronic version of each illustration with captions is provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPEG. The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.
- 10) Numerical data should be formatted in tables. Each table must have a sequence number and name. The numbering of the tables is continuous. Abbreviations in the tables are not allowed, except for the unit names.
- 11) References should be given at the end of the article and be done according to GOST 7.0.5-2008 «Bibliography reference. General requirements and rules». For legal acts, the initial and last revision is specified. Bibliographic records should be numbered continuously and be alphabetized. In the text of the article references to bibliographic records are made in square brackets (e.g., [7], [10, p. 81], [8; 9]). The accuracy of the bibliography is the responsibility of the author.
- 12) Articles that do not conform with the present requirements are not accepted for review and editing. The decision to publish the materials sent to the journal is taken within three months from the date of registration of the typescript in the editorial office. The articles are subject to review by the members of the editorial board. Manuscripts are not returned to the authors.
- 13) Articles are tested in the «Anti-plagiarism» system.
- 14) By presenting the typescript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the editorial consent fully or in part in any other media prior to publication in the scientific journal «Discourse-P».

DISCOURSE-P
ДИСКУРС